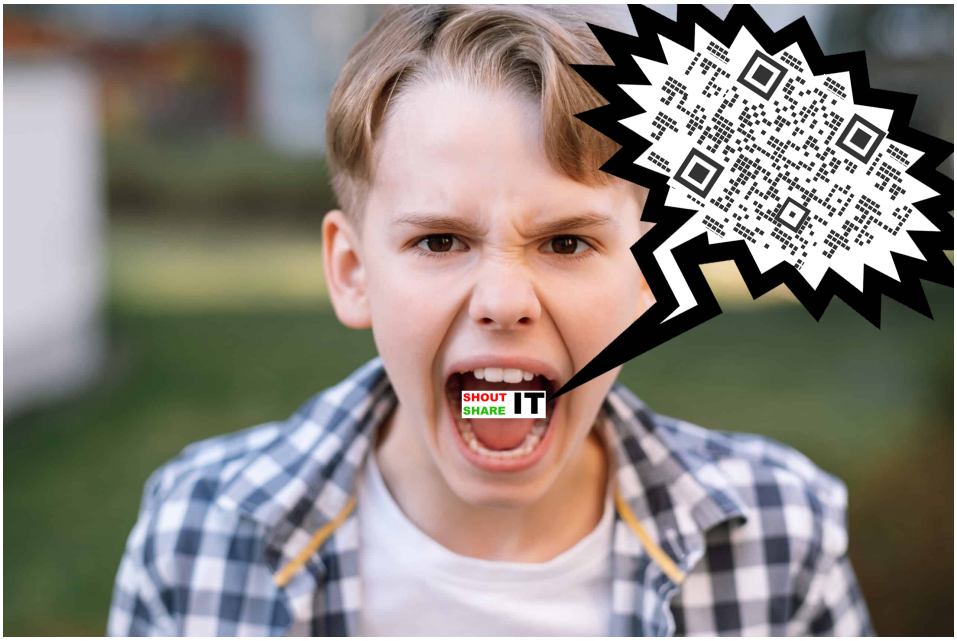
КОНСТАНТИН АНИКИН
НУЛЬТ


SHOUT
SHARE IT

Annotation

Ближайшее будущее. Город Воркуйск-8, когда-то советский закрытый город, ныне независимая Интернет-республика, неофициальная информационная столица мира. Инфодилер по кличке Зиро и его цифровая тень Аи попадают в круговорот странных и опасных событий…

- Константин Аникин
  - 001: Регион B8
  - 002: Битый Кластер
  - 003: Утро в мэйнфрейме
  - 004: Эфирные войны (в реальном времени)
  - 005: Буккакэ
  - 006: Все права защищены
  - 007: Новый Прометей
  - 008: Стрелы Бога
  - 009:Инфинити
  - 010: Дэдлайн доктора Шнобеля
  - 011: Тень Победы

Константин Аникин
Нульт: 01: Тень Победы

Все события, места и персонажи (кроме общеизвестных) вымышлены. Все совпадения случайны, автор не несет за это ответственности.

001: Регион B8

- Хочешь трахнуть спутник? — спросил Зиро. Он достал из рюкзака лазерный фонарь и сунул Пипетке под нос.

- Вот это да! — Изумился Пипетка. — Это же Светоч!

Зиро позабавило выражение лица друга. Глаза выпучил, будто приведение увидел. Он как-то забыл повзрослеть, его друг-Пипетка. Все те же глаза десятилетнего мальчика. Невысокий, Зиро до плеча, подвижный, ни минуты на одном месте. От предков из Казахстана, Пипетка унаследовал смуглую кожу, чуть раскосые глаза и черные смоляные волосы, которые прядями выбивались из-под бесформенного вязаного берета с абстрактным черепом. На Пипетке спортивная кофта с тремя полосками, черная т-ишка с логотипом его группы Hellblender, широкие штаны, с карманами везде, где только можно. И кроссовки типа кеды. Или наоборот кеды типа кроссовки. Пип сидел на клепанном полу смотровой площадки и вертел в руках Светоч.

- И что, работает? — спросил он.

- Ага, — ответил Зиро. — Аппарат в идеальном состоянии. Как новенький.

- Но их же все до единого похерили, разве нет? Я свой сдал, да и ты, вроде, тоже?

- Думаю, это самый последний….

Зиро подошел к ограде, оперся на перила, закурил. Посмотрел вниз. Высоко, черт побери. Они забрались на самую верхушку Дуги, наверное, этажей двадцать вниз — Пипеткин джип отсюда как игрушечный. Загоризонтная РЛС Дуга-4, так ее называли в советское время. А потенциальный противник дразнил этот радар Woodpecker, Дятел — он добил по частотам с похожим треском. Дуга состояла из двух гигантских антенн, приемника и передатчика, два ажурных параллелепипеда на краю антенного острова. Они были на передатчике, тысячи конических излучателей смотрели на запад. Когда-то Дуга считалась чудом техники — этот радар мог заглянуть за горизонт, скользя по изгибам земного магнитного поля, и засечь факел стартовавшей ракеты на расстоянии до трех тысяч километров. На практике все оказалось прозаичное — малая точность, огромное энергопотребление (когда-то один из блоков их АЭС работал целиком на Дугу) да и, в конце концов, пронырливые спутники оказались более выгодны в деле трансконтинентального шпионажа. Тогда Дятлом стали тупо глушить радиопередачи капиталистов — эта хрень могла любому клеветнику глотку заткнуть. Дятла вырубили когда началась гласность. С тех пор он

тихо гнил, разделив судьбу большинства советских техночудес. В последствии, Дугу облюбовали местные адреналиновые наркоманы: бейсджамперы прыгали с нее на резинках. Здесь все было разрисовано их тэгами, валялись баллончики из-под краски да, и вообще, замусорено. Вот и все чудеса.

- Так откуда у тебя Светоч? — Пипетка пристроился рядом.

- Понимаешь… — Зиро смотрел на мерцающее болото и с трудом подбирал слова. — У меня он был все это время…

Пип удивленно вскинул брови: мол, «и ты ничего не сказал лучшему другу»?

- Это другой. Тот, что ты помнишь, я тогда тоже сдал особистам. Как и все. Истерику, помню, закатил. Но потом…. Оказалось, что у отца в конторе случайно завалялся экземпляр. И я выпросил его…

Зиро посмотрел на тяжелый кусок стекла и металла в руке. Сколько страстей было в его детстве из-за этой штуки! Светоч, как и положено настоящей советской вещи, выглядел ужасно. Прямоугольный ящик с ручкой и рефлектором, он напоминал мрачный фонарь путевых обходчиков советской железной дороги, На черном корпусе выдавлено 'НПО Красный Лазер', 'Фонарь лазерный Светоч-1', и 'Не направлять на людей'.

— А потом… Короче, это был последний раз, когда я его видел. А после смерти отца все это как-то сразу потеряло смысл. Все эти забавы наши детские… Я думал, может его смерть, как-то связана с этим? Может это какой-то гребанный вещдок? Комплекс вины, короче, сформировался. Я хотел даже утопить его в болоте. Но потом просто постарался о нем забыть.

Зиро пнул ногой смятый аэрозольный баллончик.

- И, ты знаешь, забыл! А вот вчера неожиданно наткнулся на него, в одной коробке, куда тысячу лет не заглядывал. И что-то мне грустно стало, чувак… Заныло в груди. Сидел, детство наше вспоминал…. Как мы по спутникам стреляли, как лягушек изводили, все такое. Какое все-таки это было безосновательно на то, счастливое время, скажи Пип? Короче, я решил сегодня прыгнуть.

- Понятно, — кивнул Пипетка. В его руках уже был косяк.

- Новая! — сказала он гордо. То, что сейчас надо — чистая канабис сатива. Сорт Сильвер Хэйз доведенный вашим покорным слугой до совершенства.

Пип изобразил несколько дискотечных па.

- Ошеломляющий фанки-приход в духе восьмидесятых! Рекомендован канадской ассоциацией врачей, как средство от всех болезней. Поверь специалисту, пара затяжек любые душевные раны лечит.

Пип закончил презентацию, нежно облизал джойнт и щелкнул зажигалкой. Вдох-выдох — недолгая эстафета и пятка на финише. Пипетка щелкнул окурком, они смотрели, как он долго-долго падает вниз, роняя искры.

Дооолгоооо — доооолгооо…..

- Ни хрена себе. Эта ваша трансгенная конопля, — сказал Зиро, через пять минут, когда концентрация тетрагидроканабинола в крови достигла своего пика. Каждый нейрон в его мозгу вдруг выстрелил радостью. Грусть-тоска куда-то исчезла.

Пип широко улыбался.

- Головокружение от успехов.

- Чё?

- Чувствуешь ли ты головокружение от успехов? Это главный симптом прихода.

Зиро захохотал.

— Да-да. Отличная дурь, чувак!

Пипетка ухмыльнулся.

- Заходи завтра, отсыплю. Я не люблю когда ты хмурый.

Зиро захотелось его обнять. В принципе они были разные люди, все такое, но любили друг друга без памяти.

- Ну, так чё там? — Пип почесал в затылке. — Кто-то там собирался спутникам навалять? — Пипетка с деланным сомнением оглядел Зиро с ног до головы. — Не знаю — не знаю…. Раньше ты у нас был чемпион, да, но сейчас…. Какой-то ты дряблый стал. И глаз уже не тот и рука. Я уже не говорю про, ха-ха, выжженные наркотиками мозги.

- Ха! Смотри, головастик!

Зиро взял фонарь за нижнюю ручку, почти забытым жестом положил Светоч на правое плечо и перевел тумблер зажигания в положение ВКЛ. Светоч недобро загудел и, разогревшись, выстрелил в небо ярким красным лучом, таким плотным, что, казалось, его можно пощупать. Светоч, в принципе, обычный фонарь, просто он такой мощный, что легко добивает до околоземной орбиты — Зиро, кажется, чувствовал, как все эти сотни миль красного света, давят ему в плечо. Светоч дарил неповторимое ощущение; казалось, у тебя вырастает длинная-длинная рука, которой можно потрогать звезды. Прекрасное, как счастливый сон, и почти полностью похороненное под грузом жизненного опыта, чувство.

- Давно не виделись, старушка, — сказал Зиро Вселенной. — Помнишь, как я щекотал твое брюхо лучиком?

Он внимательно всматривался в ночное небо, ища взглядом звездочки спутников, наматывающих бесконечные петли в

пустоте. Уже во времена детства Зиро над Воркуйском-8 было полно спутников — через эту точку на земном шаре проходили многие орбиты. Но сейчас…

- Смотри Пип, сколько их стало! Все небо кишит, — сказал Зиро.

- Да, уж наплодили сволочей, — зло отозвался Пипетка.

В Воркуйске-8 спутники не любили.

Свободной рукой Зиро натянул на голову агменты, свои киберочки, они висели у него на шее. Окружающий мир сразу приобрел привычный зеленоватый оттенок. Коммерческим моделям AR — очков Зиро не доверял — он ценил надежность и функциональность. А настоящая надежность и функциональность есть только у военных. Агменты Зиро были сделаны из электронных гоглов, такие стоят на вооружении американских спецподразделений, типа Дельты или Морских Котиков. Зиро купил их, по случаю, на местном радиорынке, а местные спецы их перепаяли, перепрошили, отхачили, заапгрейдили и русифицировали так, что вся американская военщина удавилась бы от зависти. Список функций: AR, VR, стократный оптический зум, инфравизор, глобальное позиционирование трех систем, видео-съемка хай-рез, лазерный голопроектор, голосовой и аккомодационный интерфейс, все виды беспроводной связи, датчики всего, что только можно измерить датчиками, пленочной накопитель на 300 петабайт. Даже коллекцию пасьянсов вставили, не поленились. В этих очках Зиро походил на летчика времен Первой Мировой, они массивно-круглые, с наглазниками, постоянно крутящаяся катушка с пленкой полностью закрывает его левое ухо. У них нет дужек, они держаться на резинке из эластики, к ней, в районе затылка, прикреплены несколько квадратных батарей. На всякий случай — вообще, агменты подзаряжаются от ходьбы и от солнечных батарей в его куртке. Теперь на реальность наложена информация в многочисленных окнах, совершенно смешивая эти два понятия. Зиро смотрит на мир сквозь свой привычный десктоп, кликая взглядом на иконки. Благодаря агментам, Зиро постоянно он-лайн, всегда на связи со своим мэйнфреймом. Всегда и везде с Аи.

— Ну, приступим.

Зиро театрально взмахнул рукой и отбросил Тень. В трех шагах от него, лазерный голопроектор нарисовал трехмерную проекцию Аи; со стороны могло показаться, что эта девчонка выскочила у Зиро из головы. Аи это Тень Зиро, его операционная система, виртуальная личность-посредник, через которую он управляет своим компьютером. Его Тень выглядела как молодая японочка; стройная, длинноногая красотка с небольшой грудью. У

нее почти треугольное лицо, губки бантиком и большие (гораздо больше, чем позволяет человеку природа), карие глаза. Черные, светящееся, от флуоресцентного геля, волосы собраны в два хвостика. Аи сейчас в режиме японской модницы, она выглядит так, будто ее только что оторвали от шопинга в Сибуе. Даже пакетики в руках. Одета она в какое-то тряпье из японского сэконд-хэнда — полосатые топики, надетые друг на друга, коротенькая юбочка с оборочками, разноцветные полосатые гольфы, высокие кеды, отороченные мехом. Все эти наряды она автоматически подкачивала с сайтов о японской уличной моде. Аи сложила из пальцев V и обворожительно улыбнулась.

(Зиро переключал Аи в этот режим, когда хотел произвести впечатление)

- Добрый вечер, джентльмены, — с поклоном сказала Аи. Со стороны могло показаться, что это Зиро вдруг заговорил нежным женским голосом с мягким восточным акцентом. Аи говорит через маломощные динамики агментов, и источник звука не совпадет с местоположением ее визуальной проекции.

- Привет, старушка! — поздоровался Пип. — Хорошо выглядишь

- Моя внешность лишь отражение внутренней красоты моего господина, — Аи отреагировала на комплимент с запрограммированной скромностью.

- Аи, звездную карту! — дал команду Зиро.

- Хай!

Теперь каждая светящаяся точка в ночном небе, будь то звезда, планета, спутник, или кусок орбитального мусора, в агментах Зиро обведена зеленым квадратиком и снабжена поясняющим ярлыком. Раньше они, конечно, обходились без этого, но что делать, прогресс. Зиро выбрал цель — над Воркуйском-8 пролетала одна из многочисленных японских орбитальных камер. Японцы, как известно, обожают фотографировать. Зиро прищурил глаз, прицеливаясь, а вихрь воспоминаний опять поволок его в детство.

Охота на спутники — так тогда называлась эта забава. Все просто — видишь, как по ночному небу летит спутник, включаешь фонарь, и пытаешься поймать звездочку лучом. Если попал, звездочка на мгновение вспыхивает ярче отраженным светом Светоча. Одно очко. Просто, но не так просто как кажется — тут нужна твердая рука, острый глаз и изрядная доля интуиции, ведь приходилось делать поправку на скорость света. Зиро аккуратно вел луч чуть позади летящей звездочки, потом задержал дыхание, и резким движением насадил ее на луч. С первой попытки. Звездочка мигнула в небе.

- Есть! — Зиро сжал кулак. — Получи, сука!

- Это было прекрасно, любимый, — нежно прошептала Аи в ухо Зиро.

- Старик, ты в форме. — Уважительно кивнул Пипетка. — Покажи им, мать их, звездные войны!

Зиро не надо было упрашивать. Он погнался за американским орбитальным телескопом. Бах! Наезд, рывок, и Зиро подрезал британский метеоспутник. Больше всего в небе было русских спутников. К ним был особый счет — некоторые из их этих бандур Зиро подстреливал еще ребенком. Потом он уже без разбора сажал спутники на луч. Он полностью растворился в процессе — удивительно ощущение, ему снова стало десять лет и есть только он и космос. Как выяснилось, никуда его талант его не делся. После стольких лет простоя, он по-прежнему был лучший. Еще один! Еще! 17 очков! За 20 минут! Пипетка, запрокинув голову, изображал звуки из старинных компьютерных игр, шипя и булькая, как восьмибитовый компьютер на грани нервного срыва. Зиро всегда поражали способности Пипетки к звукоимитации. Пипетка был натуральный бит-бокс, он мог горлом посоперничать с компьютерными сэмплерами. Вообще Пип был музыкант, один из самых известных воркуйских МС. Отец местного хип-хопа.

СЛАВА ГОРОДУ-ГЕРОЮ ВОРКУЙСК-8 — ГОРОДУ ПЕРВОГО СОВЕТСКОГО ЛАЗЕРА!' — побежала по небу бегущая строка из гигантских букв красного цвета. Фонарь дрогнул в руках Зиро, и он промазал. Буквы величаво плыли в небе, постепенно увеличиваясь в размерах и размазываясь в малиновое зарево у горизонта. Зиро поморщился. Рекламщики в Игле включили свои голопроекторы и снова начали загаживать небо спамом. Насчет города-героя они, видимо, пошутили. В мире давно уже не осталось ничего советского.

Зиро оглянулся на Иглу, откуда нескончаемым потоком вылетали рекламные объявления. Бог знает, в какой раз попытался достать взглядом до ее верхушки. Это было нелегко. Высота Дуги не шла ни в какое сравнение с высотой Иглы. Она стояла в центре антенного острова, опираясь на пирамидальное основание — колоссальная серая башня высотой около километра, словно ось вылезла из глобуса. Отсюда Игла напоминала шприц, вкалывающий Небу инъекцию. Сейчас этот шприц был полон всего на одну треть, светились лишь верхние окна технических этажей, в том месте, где железобетонный цилиндр башни, переходил в длинный металлический штырь-антенну. Когда-то Игла была самой большой антенной в СССР, но об этом, естественно, мало кто знал — все было строго секретно.

В конце сороковых годов двадцатого века здесь обнаружили естественную геомагнитную аномалию, здесь магнитное поле Земли прогибалось немного внутрь и образовывалось что-то вроде воронки, этакого волнового водоворота, в который засасывало любой мало-мальски мощный сигнал на планете. То есть, здесь были идеальные условия для радиошпионажа. Поэтому здесь построили Иглу, а вместе с ней и город Воркуйск-8 — самый секретный из всех советских закрытых городов. С того времени очень многое поменялось, и в мире, и в Воркуйске, но одно осталось неизменным — город мог существовать до тех пор, пока работает Игла. Все они сидят на этой Игле. И не соскочишь.

Зиро вздохнул.

(Ква!)

У одного из датахранилищ Иглы разгружался грузовик с вечерним бэкапом данных. Зиро добавил зума. Набитая информацией фура подъехала под фермы интерфейсов, по направляющим к грузовику скользнула двупалая железная рука, каждый ее палец заканчивался круглой головкой считывания. Рука аккуратно сжала грузовик, головки вошли в пазы на кузове и завращались с бешеной скоростью. Рядом с кабиной дататрака стоял техник в синей форме и что-то записывал в тетрадь. Другой грузовик, уже разгрузившись, стоял под аркой размагничивания. Арка на миг вспыхнула синим светом, и обнулила электромагнитным импульсом все пленку в грузовике. Все как обычно. Рутина.

(Ква! Ква!)

- Ей! — сказал Пип. — Ты чего, заснул? Дай-ка я теперь!

Зиро передал другу фонарь. Пипетке приходилось сложнее, ночное небо над В8 уже превратилась в обычную мешанину рекламных объявлений. Распродажи, уникальные предложения, скидки и акции расползались в разные стороны. Пип промахивался чаще, но в целом, признал Зиро, тоже еще был вполне молодец. Среди коммерческой ерунды, выделялось строгим шрифтом официальное объявление: 'Информационный Комитет приглашает всех граждан на праздничные мероприятия по случаю Дня Победы в Великой Отечественной Войне, которые состоятся завтра, 9 мая, на Площади Революции'.

- Слышь, кореш, не забыл — завтра, праздник у нас. — Пип запрокинув голову, продолжал охоту.

- Забудешь тут, как же… — недовольно сказал Зиро.

Вот уже около двух месяцев в В8 бушевали яростные споры по поводу уместности возобновления празднования Дня Победы. 9 мая в Воркуйске-8, вместе со всеми остальными советско-русскими праздниками, не праздновали со времен научной

революции, после которой В8 формально вышел из состава Российской Федерации, превратившись в независимый анклав в глубине ее территории. И теперь, скандальный указ Информационного Комитета 'О городских праздниках' разделил воркуйское общество на две примерно равные половины: против и пофиг празднования Дня Победы. На текущий момент, эта шумиха ничего, кроме вялого раздражения у Зиро не вызывала.

(Ква! Ква! Ква!)

- Блин, сплошные флэшбеки. Сначала Светоч, теперь вот День Победы… — Зиро снова закурил. Ему нравилось, как дым сигареты играет в луче фонаря. — Не понимаю, на кой он нам? Дел что ли других нет?

- Потепление в российско-воркуйских отношения, — пожал плечами Пип. — Новый внешнеполитический курс Информационного Комитета, — он очень точно пародировал голос известного ведущего с местного телеканала. — Партнерство во имя обоюдного процветания. Типа, назад к корням. Мир, дружба, атомный реактор.

- Надружились уже! — Зиро постучал ребром ладони себе по шее. Он хорошо помнил, какой кошмар творился в городе во время блокады. Такое не забудешь.

- Тут явно какое-то западло!

- Да не заводись ты. Забей. Что ты, как все эти… с активной гражданской позицией? Нам то что? Ну, осваивают люди средства…. Пусть осваивают. Говорят, будет какое-то лазерное шоу нереальной красоты…. Вот, я тебя! Ах, зараза, сорвался!

Кто-то там, в космосе, ускользнул от его луча.

Они успокоились только когда заметно посветлевший луч, перестал добивать до орбиты из-за подсевшей батареи. Зиро выключил Светоч. Спутники, как ни в чем не бывало, продолжали болтаться в небе. Ничем их не проймешь. Светоч не настолько мощен, чтобы свалить их с орбиты. В детстве экспериментировали, собирали десятки лучей разом, все равно было мало. Игрушка, что тут скажешь.

Ква-ква-ква-ква-ква-ква-ква-ква-ква-ква!!! Сто тысяч миллионов раз ква!

- Ну твою жабью мать! — Зиро хлопнул себя по ляжкам. — Начинается!

Болотные лягушки опять завели свою песню. Как всегда, сначала одна здесь, другая там, — и вот уже все болото ревет как взлетающий истребитель. Брачный сезон амфибий набирал обороты. В принципе, жить в Воркуйске-8 было не так уж и плохо, под определенным углом зрения, так это вообще было райское место, если бы не одно но. Большое 'но', вязкое, мокрое, гнилое.

Город Воркуйск-8 стоял в центре огромного болота. С высоты Дуги оно, болото, выглядело вполне невинно — туманная равнина до горизонта, сверкающая многочисленными участками открытой воды, да кое-где поросшая редколесьем. Невинно, если забыть о том факте, что эта равнина на самом деле сплошная непролазная топь.

Зиро с ненавистью смотрел на болото. Дрянь. Душит, давит. Каждый здесь постоянно чувствовал эти холодные влажные пальцы на своем горле. Надо признать, окружить секретный город болотом, это была гениальная идея. Просто, эффективно, и гораздо надежней и дешевле минных полей, колючей проволоки и солдат с овчарками, которые, впрочем, тоже были. Всего-то делов — повернуть русла нескольких рек так, чтобы они разлились по этой и так заболоченной равнине. Плевое дело для советской страны, где столько народу сидело. Так оно и возникло, это чертово болото. Болото было категорически непроходимо, ни туда — ни сюда, никто и не подозревал, что в этом гиблом месте может стоять город, да еще такой, какой как В8. Гениально, мать их. Конечно же, о том, какого будет людям жить в этом болотном плену, никто не думал. А жить было тяжко — вместе с болотом город получил все болотные бонусы: вечную промозглую сырость, вонь, болезни, гнус и, конечно, лягушек.

Говоря языком науки, бесхвостые амфибии лидировали в биотопе воркуйского болота. Закон, мать ее, природы: чем больше болото — тем больше лягушек. И столько лягушек превращалось в большую проблему. Когда у них начинался брачный сезон (как сейчас) они своим кваканьем глушили почище Дятла — на окраинах города приходилось буквально в ухо друг другу орать. И еще сезонные миграции, когда вся эта чертова прорва зачем-то перла напролом через город. Да и, блин, дня не проходило, чтобы не наступить на какую-нибудь сколькую заразу. Чем их только не травили — Воркуйск-8 высыпал в болото все свои запасы химического оружия. Хрен там. Лягушки были непобедимы. Зиро наблюдал, как болото медленно покрывается зеленоватыми мерцающими пятнами. Воркуйские лягушки имели одну яркую особенность — они светились в темноте, мертвенным зеленым светом, как светлячки. Особенно ярко они светились в брачный сезон, как-то их свечение было связано с кваканьем, чем громче они квакали — тем ярче светились. Такая вот земноводная светомузыка. Первые мигалки (так в городе называли светящихся лягушек) появились еще до рождения Зиро. Мигалок специально вывели в воркуйских биолабах для маскировки, чтобы дурить вражеские спутники-шпионы. Из-за мигалок все болото было усеяно пятнами света и благодаря постоянному туману городские

огни размазывались по всей площади болота. Поди, разберись из космоса, что тут за огни болотные сияют. Еще одна гениальная идея.

Посадить бы всех этих гениев на кол, подумал Зиро.

- Ты кого больше ненавидишь — спутники или лягушек? — спросил Пип. Он, видимо, тоже упивался ненавистью.

Зиро подумал секунду-другую.

- Конечно, лягушек. Спутники же не квакают.

Ненависть к лягушкам Зиро, как и остальные воркуйчане, пронес через всю жизнь. В детстве уничтожение лягух было одним из главных развлечений. Это был их крестовый поход — детская жестокость против земноводной плодовитости. Как только воркуйские детки не изводили амфибий — резня достигала апокалипсических масштабов, но все было бесполезно. На место тысяч приходили миллионы.

Зиро вновь включил Светоч и воткнул красный луч в одно из светящихся пятен, состоящих из тысяч лягушек. Луч оставлял темные следы, мигалки, напуганные жарким светом, ныряли в болотную жижу. Зиро написал в зеленом пятне короткое непечатное слово. Короткое непечатное слово на пару минут застыло внутри пятна, затем стало потихоньку расплываться, когда мигалки соображали, что им ничего не угрожает. Вынырнув, они вновь целиком отдавались своим любимым занятиям: квакать и светится. Жрать и размножатся.

- Какая все такие классная вещь, — сказал Пипетка. — Чувак, они тогда у нас не Светоч отобрали. Они у нас детство отобрали, сволочи. Еще что-нибудь нарисуй, — попросил он.

Зиро кривовато написал в болоте японский иероглиф 'ши'.

- Это чего значит? — спросил Пип.

- Смерть!

- Ага. Дай-ка я попробую. Вот если кто со спутника увидит, охренеет.

Зиро отдал ему фонарь и Пип, высунув кончик языка от усердия, нарисовал в болоте череп с косточками.

Все это вызывало у Зиро еще один острый приступ тоски.

- Помнишь, россказни, что по окраинам города всех душит огромная жаба? — задумчиво проговорил он. — Огромная бугристая жаба размером с автобус. Меня часто кошмар снился: БАХ-БАХ-БАХ! — я слышу ее жирные прыжки за окном, вижу, как ее длинный язык лезет в форточку, тянется к горлу. Я просыпался в холодном поту — оказывалось, что это стучит мое сердце. — Зиро передернуло.

- Да жаба это фигня, — возразил Пипетка. — Вот женщины-вамп! Страшные болотные тетки! Вот где ужас был!

Зиро закивал.

- Да, да, про женщин-вамп это был хит. Помнишь, у них еще были дочки. Девочки-упыри. Они пробирались ночью в город и нападали на детей. У них еще вместо пальцев были пиявки и длинный лягушачий язык в костяных крючках. Они ими вытаскивали наружу кишки маленьких детей. Через рот.

- Ты меня пугаешь, — пропищал Пипетка тоненьким голоском.

Зиро понизил голос до зловещего шепота:

- А может тебе еще сказочку про Царевну-Лягушку рассказать?

- Нет-нет! Только не про Царевну-Лягушку!

В детстве, Царевна-Лягушка единогласно считалась самым большим кошмаром, ужасом и страхом. Мол, иногда, глубоко в болоте, лягушачья икра слипается, и из нее вылупляется огромный шар из сросшихся друг с другом лягушек. Шар этот катался по болоту и если человек его видел то всё, кранты.

- А про Говорящую Тину? А про Личины? А про Малявку-Пиявку?!

- Дяденька, пожалуйста, не надо! — улыбаясь, подыгрывал Пип. — Я не усну!

У Зиро был припасен еще целый ряд детских страшилок, но приближающийся стрекот закрыл ему рот. К Дуге подлетел дрон. Радиоуправляемый вертолётик, крестовина с четырьмя винтами, посередине — мощная оптика. Такие летающие камеры использовала Служба Безопасности Инфокома. Считалось, что такие штуки не так напрягают, как живые стражи закона. Как бы не так. Дрон завис над ними, прицелился объективами.

- Информационный комитет. Предъявите ваши документы, пожалуйста, — сказал оператор по громкой связи.

- Не признали, родные? — Зиро показал в камеру средний палец

Тонкий луч лазера, скользнул по ногтю его пальца, потом сфокусировался на Пипетке, который протягивал кулак, большим пальцем вверх. Многие, в Воркуйске-8, для удобства, всю идентификационные данные, логины-пароли записывали на ногти. Записывали по такому же принципу, как и данные на CD — микролазером прожигали микроканавки. На средний ноготь можно было втиснуть мегабайт пять данных, на полгода, пока ноготь не сойдет. Поэтому приходилось периодически обновлять этот цифровой маникюр.

- Хватить баловаться, парни, — строго сказал оператор. — У нас помехи от вашего лазера.

- Ладно-ладно, начальник. Как скажешь, — не стал спорить

Зиро.

Камера сделала над ними круг, видимо, в назидание, и полетела в сторону сверкающего огнями родного болотного технополиса. Зиро сплюнул и погрозил механической стрекозе Светочем.

— Помехи мы им, видите ли, создаем. Совсем зажрались, родные. — Ладно, — он повернулся к Пипетке, — черт с ними. Предлагаю считать экскурс в детство законченным.

Некоторое время он молча смотрел на друга и вдруг закричал:

- Ну что, мать твою?! Готов ли ты? В глаза смотреть! Готов?! Небось, поджилки трясутся, а?

Теперь была его очередь накручивать. Уж чем-чем, а искусством взаимной накрутки они овладели в совершенстве. Давно дружили.

- Я? — Пип ударил себя в грудь. — Я-то не готов? Я всегда готов, как пионер! Смотри, как это делают настоящие мужики!

Пип решительно подошел к краю смотровой площадки, где прыгуны приварили к полу несколько железных катушек с эластикой. Пипетка влез в сбрую для прыжков, затянул ремни потуже, проверил карабины. Повернул козырек берета назад и напустил на себя лихой вид.

- Сынок, лестница там, — махнул он рукой.

- АААААА!!! — Заорал Пип и с разбегу сиганул вниз. На мгновение ему удалось переорать всех лягушек болота.

Такая у них была традиция — как минимум раз в год прыгнуть с Дуги.

Теперь была очередь Зиро. Он упаковал в рюкзак свой драгоценный артефакт и повесил за спину. Подошел к катушкам, надел второй комплект ремней, затянул потуже, проверил карабины. Подошел к самому краю площадки и замер. Мягкий ветерок осторожно ерошил его волосы. Зиро набрал полные легкие весенней свежести и как всегда, перед прыжком, спросил себя: Зиро, мать твою, осознаешь ли ты, что всего один шаг, и все может кончиться? Кончиться, раз и навсегда?

- Осознаю, — ответил Зиро вслух. — Кончиться, и хрен с ним.

Он развел руки и ласточкой прыгнул вниз.

* * *

Пипетка гнал свой 'хаммер' по пустынной трассе, соединяющей город и антенный остров. В салоне ревел бали-

фанк, разухабистая музыка бразильских фавел. Пип постукивал по рулю в такт ядреной девичьей читке, такой искренней, какой может быть только музыка, написанная за пару долларов. Зиро прислонился лбом к прохладному стеклу. Он смотрел пустым взглядом в окно, за которым один за другим мелькали столбы в лапше проводов, сигарета в руке превратилась в столбик пепла. Впрыск адреналина, последствие прыжка, подействовал на мозг как ресет на компьютер, полностью очистив от канабинольного энтузиазма. И тяжелая сумка со Светочем на коленях, снова потянула Зиро на дно глубокой болотной депры. Болото за окном мигало огнями, ревело лягушками. Оно было щедро удобрено человеческими жизнями. Оно привыкло к этому. И оно требовало еще.

Воркуйск-8 получил свое имечко совершенно заслужено. Здесь давно и плотно сидели. В этих карельских болотах, сложились совершенно уникальные климатические условия помогающие сводить в могилу большое количество людей в максимально короткие сроки. Первая каторга возникла здесь еще при Александре Втором, Воркуйском прозвали жандармское поселение при каторге. Потом, когда Россия решила построить новый, лучший мир, Воркуйск превратился в город. В город заключенных. Здесь возник огромный филиал ГУЛАГа, государство в государстве, главный источник рабочей силы для советских строек века. Кто здесь только не сидел, самая широкая статистическая выборка: уголовники, предатели всех мастей, нацмены. Были даже специальные зоны для ученых, здесь страна с большим успехом избавлялись от своего интеллектуального потенциала. Все эти разные люди дружно рыли каналы и мерли тысячами. Но после открытия геомагнитной аномалии Воркуйск решено было слегка перепрофилировать. И так одна часть зеков в сжатые сроки построила город для другой части зеков. Город зеков превратился в город науки. В 1956 году, после указа Хрущева о закрытых городах, к имени Воркуйска приписали цифру 8, черт их знает, почему именно 8, и город навсегда исчез с карт. Это был единственный советский научный город, специализировавшийся на информационных технологиях — отставание от США в этой области было значительным, а до советского руководства хоть и медленно, но дошло, что кибернетика не только буржуазная проститутка, но и способ заставить советские ракеты бить точно в цель. И потому Советская Родина берегла Воркуйск-8 как зеницу ока. В советское время о существовании 'региона В8' даже в политбюро знало всего несколько человек.

Зиро расстегнул молнию рюкзака.

- Наверное, он сейчас кучу бабла стоит, — сказал Пипетка, покосившись на фонарь. — То есть, — поправился он, — наверняка.

- Хрен там! Не продам. В могилу с собой заберу, — сказал Зиро.

Пипетка бросил на Зиро озабоченный взгляд

Как бы было здорово избавиться от всех неприятных воспоминаний! Но работы по разработке таблетки от неприятных воспоминаний, насколько знал Зиро, буксовали. Пока выбор был небольшой: либо помнить все — либо ничего не помнить. Так что приходилось как-то с этим жить. Зиро смотрел на свое искаженное отражение в рефлекторе Светоч. Он смотрел в глаза прошлому.

Светоч делали в Ордена Ленина, Научно-Производственном Объединении Красный Лазер. Подпольно, в свободное от основной работы время. В Красном Лазере занимались серьезными вещами — проектировали и производили тяжелые промышленные и военные лазерные установки. Первый Светоч разработал для своего сына один из ведущих специалистов объединения. Подарок на день рождения, с игрушками в то время было туго. И покатилось. Где один — там и другой — скоро фонарики были у большинства детей города. Каждый вечер детские лазеры раскрашивали ночь. Развлекались они таким образом до тех пор, пока кто-то попал своим лучом в один из американских спутников-шпионов. Спутник принял блик на своих линзах за старт ядерных ракет, о чем и доложил куда следует. Американский офицер, в тот момент сидевший 'на кнопке', вытащил из кобуры пистолет, взвел курок, стиснул зубы, но не нажал. Инцидент получил огласку и в Кремле решили, что в Воркуйске-8 заиграли лазерами. Игры кончились — все фонари изъяли и уничтожили. Зиро до сих пор помнил вкус своих слез, когда он отдал любимую игрушку человеку в форме. КГБ устроило чистку в Красном Лазере, тому Кулибину впаяли срок, на скорую руку сшив дело из 'разглашения', 'нарушение режима', и 'халатности', Он быстро умер в лагере — не выдержал, там не все выдерживали. Светочей хвалились после его смерти. Выяснилось, что в приступе служебного идиотизма их уничтожили все до единого, включая чертежи. Тот изобретатель унес свою тайну в могилу — никто потом так и не смог повторить такую мощь в таком объеме. Так секрет производства 'фонаря лазерного Светоч-1' был утерян.

Светочи сгинули все, кроме, как оказалось, одного. Отец Зиро как-то обмолвился, что у него на работе завалялся всеми забытый экземпляр. Он случайно его обнаружил, но не заявил. И

Зиро (который тогда был никакой не Зиро, тогда его звали, как звали многих советских мальчиков), вцепился в него, как пиявка. В конце концов, страсти по Светочам утихли, а Зиро настолько хорошо себя вел, что не узнавал себя в зеркале. Он приносил из школы пятерки, помогал матери по хозяйству, был вежлив и причесан, короче говоря, отказывал себе во многом. В конце концов, отец дрогнул. 'Ладно' — сказал он, когда Зиро продемонстрировал четвертной табель всего с двумя четверками, — 'зайди ко мне завтра на работу'.

Даже спустя столько времени, Зиро помнил тот день до мельчайших подробностей. После школы, он пришел к отцовскому институту, попросил скучающего солдатика на проходной, вызвать отца. Солдатик что-то сказал по вертушке, вышел папа, ступая, как всегда, широко и уверенно. В руках его была брезентовая сумка. Он подмигнул сыну и сказал, — 'Паек маме отнеси. Я сегодня задержусь '. Спросил что-то дежурное про школу, потрепал по голове и пошел обратно.

Зиро летел, как на крыльях. Сердце норовило выскочить из груди. Ура! Пацаны сдохнут от зависти. Как же, теперь Светоч есть только у него. Один-единственный, последний-распоследний. Скорей бы вечер! Он уже успел забыть, каково это, держать космос в своих руках. Ха-ха, да он теперь абсолютный властелин неба! Зиро успел отбежать довольно далеко, когда за спиной грохнуло и он, действительно, полетел. Взрывная волна подняла его в воздух и с размаху впечатала в какой-то старый сарай, так, что он протаранил лбом деревянную стену. (До сих пор голова иногда побаливала.) Он потерял сознание. Очнулся он ночью, в госпитале, и первое, что увидел, белое, как мел, лицо матери. Зиро передернуло. Оно до сих пор стоит перед глазами. Самое страшное, что он видел в жизни.

Тогда мало кто в Воркуйске-8 жил долго. Смерть постоянно висела над городом, как отравленное радиацией пылевое облако, все они жили с предчувствием близкой гибели. Говорили, они ковали лазерный щит Родины. А может, конструировали спутники. Или логику для ракет. Кто знает? Отец никогда не рассказывал о своей работе. В Воркуйске-8 никто никогда не говорил о своей работе. Можно было говорить о чем угодно, только не об этом. За теми, кто много говорил, ночью приезжали суровые люди в черных автомобилях. Известно было только то, что там никто не выжил. Включая того солдатика на проходной. Взрыв разрушил здание до основания.

Что его убило? Что они испытывали в тот день? Разве это важно теперь? Кто теперь сможет сказать, что важно, а что нет? — думал разом повзрослевший Зиро на похоронах отца. В тот день

даже лягушки заткнулись. Взвод солдат выстрелил в небо. Как будто оно было в чем-то виновато.

Хоронили они какой-то опечатанный свинцовый контейнер.

- Эй! Ты где?! — Друг-Пипетка тряс Зиро за плечо.

- А?

- Я говорю, в 'Кластер' поедем?

— Ага. Поехали. Отожжем слегка.

- Во! — Довольно кивнул Пип. — Это я понимаю. А то насупился, понимаешь, как выпь. Лягушки дохнут.

Зиро стало легче. Зачем мне эти мрачные мысли, думал он. Какой от них толк? Жизнь продолжается. И не самая хреновая жизнь. Болотная хмарь расселась — они въезжали в город. Промчались мимо поста, охранявшего дорогу на антенный остров; патрульный лениво махнул им жезлом, мол, давайте, проезжайте, не останавливайтесь. Пип вырулил на трехуровневую развязку и развернулся в сторону промышленного сектора города. Над ними, с характерным свистом, пролетел скоростной монорельс на магнитной подушке. Пип гнал по сверкающим неоном улицам ночного города, на которых в честь наступавших выходных было полно народа. Эх, пап, если бы ты видел, во что превратился в наш городок, подумал Зиро. Ты бы очень удивился.

002: Битый Кластер

- Слыхал, Припоя стерли? — Спросил Корень.

Зиро сидел у стойки бара и смотрел, как Корень ловко жонглирует шейкером. Корень выглядел как животное, рожденное убивать — центнер мускулов в агрессивных татуировках, черная кожа, бритый череп и рыжая бородища, в ушах с полкило железа. Но внешнее впечатление часто обманчиво — на самом деле Корень был добродушный увалень, обожающий потрепаться. Вся эта его внешняя агрессивность наследие прошлого — в молодости Корень был байкером, гонял с Болотными Гадюками, но потом серьезно расшибся и завязал. Теперь он мешал коктейли в Битом Кластере и, попутно, распускал слухи, которые притягивал к себе, как статика пыль.

- С резервной копией? — Отозвался Зиро.

- Без.

Зиро знал Припоя. Он был один из тех, кто перепаял ему американский военный интерфейс. Хороший специалист по железу, о таких говорили — родился с паяльником в руках. Плотненький такой, позитивный. Припоем его прозвали потому, что он постоянно что-то напевал. Зиро на секундочку приложил очки к глазам и быстро проверил официальные ресурсы. Да, ты смотри, действительно стерт. На главной странице сайта Инфокома висела ссылка на приговор о принудительном переводе Припоя в Нижний Регистр. Припою инкриминировали информационное браконьерство, а также попытку передачи образцов плёнки третьей стороне. Браконьерство это фигня, но за плёночку могли серьезно спросить. Так что Припой еще легко отделался. Если, конечно, все это правда — трудно было представить безобидного Припоя в чем-то противозаконном.

— И что Припой?

— Что, что… Расстроен, конечно. Нажрался в тину, залез на стойку и орал: за всеми вами придет Дэдлайн!

Зиро хмыкнул.

- Дэдлайн? Страсти какие.

- Столик своротил, — продолжал Корень. — Посуды наколотил, зараза, проклял всех по разу. Потом его увели.

Зиро пожал плечами. Зачем так нервничать?

Особой драмы в деле Припоя Зиро не видел. Нижний Регистр Припоя был не строгий. Вот строгий, это да, серьезно, тогда запрещалось выходить в Сеть и хранить информацию. А так Припой всего лишь потерял все привилегии Верхнего Регистра в виде жирного сетевого канала, вычислительных госмощностей и

счетов в датабанках. Но, меж тем, в Нижнем были свои плюсы — налоги, например, были значительно ниже. И вообще, меньше всякого геморроя — Пип, вон, добровольно перевелся в Нижний. Конечно, не будучи в Верхнем трудно сделать нормальные деньги на инфе — но мало ли существует способов делать деньги? В Верхнем Регистре было примерно столько же лузеров, сколько в Нижнем успешных перцев. Так что зря Припой нагнетал.

- Вообще, что парни говорят… — Корень понизил голос и слегка наклонился к Зиро. Мол, только тебе, по старой дружбе. Насколько Зиро знал, Корень дружил со всем Воркуйском. — Дело не Припое. Дело в Железном Феликсе.

Зиро знал и Железного Феликса. Этого старого хрыча все знали. Бывший полковник КГБ, в советское время пас тут яйцеголовых, а после научной революции быстро сориентировался и занялся бизнесом — теперь он был одним из самых крупных торговцев компьютерным железом в Воркуйске, и был чудовищно богат. Припой работал на него.

- Железный Феликс пытается идти в ногу со временем. Расширять бизнес. Открыл несколько медиаферм, рендерит теперь всякий левый пиар на заказ. Переманил к себе кучу народу и….

- Я в курсе, — прервал его Зиро. — При чем тут Припой?

- Ну, говорят, Феликс пытался перехватить у Инфокома кремлевский заказ на победный пиар. По случаю Дня Победы.

- Не хило. Вот так, сразу на госзаказ замахнулся?

- Ну. Прикинь?

- Москва на пиар не скупится — продолжал Корень. — По слухам, цена вопроса… Корень нарисовал в воздухе длинную вереницу нулей.

- Нормально.

- Вот! Железный Феликс как пронюхал про это, совсем покой потерял. Стал что-то мутить, цены сбивать. Говорят, сулил колоссальные откаты. Но хрен там, конечно, ничего он не получил. Но в Игле это ему припомнили. Троих парней Феликса стерли. Включая Припоя.

Зиро покачал головой. Жадность Железного Феликса не знала границ. Вошла в поговорки.

Корень сформулировал вывод:

— Так что Припою ни за что отлетело.

И мораль:

- Вот так хорошие парни страдают из-за всяких пидорасов.

- Ужасно, — сказал Зиро. — Однако никто Припоя не заставлял работать на этого пидораса.

- Твоя правда, — согласился Корень и отработанным

движением запустил готовый коктейль по стойке. Стакан подхватил какой-то (судя по баджику на лацкане пиджака) инфокомовский клерк. Вид у него был такой усталый, будто он трое суток к ряду разгружал вагоны с песком. Перед ним уже стояла целая батарея пустых стаканов, а над головой висела световая иконка 'не беспокоить'. Видимо, он намеривался молча утопить производственный стресс в спирте.

Нервная у них там работенка, подумал Зиро. Стирать всех без разбора.

Битый Кластер был популярным заведением среди компьютерного андеграунда города. Раньше на этом месте, в промсекторе, была свалка электронного мусора. Потом его смешали с бетоном и построили ночной клуб. Осколки примитивных компьютеров и старинных носителей данных проглядывали в стенах, словно древние ракушки в известняке. Пип где-то договаривался с продюсерами клуба, по поводу завтрашнего выступления своей группы — сейчас в 'Кластере' проходил традиционный фестиваль альтернативной музыки. Зиро поднес к губам стакан, ну тут резкий, шипящий звук, как будто лягушку лазером прижгли, больно ударил по ушам. Зиро дернулся, и чуть не расплескал свой коктейль. На сцене клуба копошилось болотники, четыре штуки, все в серо-зеленых брезентовых костюмах химзащиты. Болотники настраивали инструменты. Зиро скосил глаза на лежащую рядом афишку и выругался про себя.

Этот день фестиваля был посвящен болотной музыке. Сегодня давали концерт все лидеры этого, ненавистного Зиро, музыкального направления: и Сфагнум, и Ска-тина и даже З-тон. Болотники черпали вдохновение в воркуйском болоте, они делали музыку из болотных звуков. Но болото, как его не миксуй, как ни пережевывай цифровыми фильтрами, все равно остается болотом. Осточертевшим болотом. Эта музыка оказывал на Зиро какое-то чисто физиологическое действие — мозги словно превращались в тину, глаза слезились, — хотелось заползти в какой-нибудь темный угол и там нажраться до бесчувствия. По залу расползалась клюква, так себя называли себя фэны болотников. Унылые типы в серо-зеленом. Зеленые волосы, болотный макияж, на шее гроздья ярко-красных бус.

Солист Ска-тины ударил по струнам и застонал первую песню. Надо было уносить ноги. Зиро кинул несколько купюр на стойку, кивнул на прощание Корню, пробрался сквозь вяло слемящуюся толпу клюквы, старясь никого не касаться. Вышел в холл и направился к лестнице ведущей на второй этаж клуба.

В медиапанелях, которыми был отделан холл, Зиро

отражался своей Тенью. Аи бежала за ним, перепрыгивая с экрана на экран. Она была в своем дефолтовом кавайном режиме, этакая малолетняя оторва из аниме для девочек среднего школьного возраста. Беленькое платьице на бретельках, гольфики, косички. На втором этаже клуба почти не слышно болотной оргии. Здесь люди расслаблялись. Обстановочка в стиле кибергламур, все такое блестящее и изящно скругленное, полумрак и кожаные диваны. Ди-джей за вертушками крутил легкие джазообразные миксы. Одна из стен представляла собой полукруглый экран, туда зеркалилась виртуальная проекция Битого Кластера, там тусовались Тени посетителей. Аи сейчас же окружили другие Тени, она начала болтать с ними, обмениваясь зашаренной информацией. Зиро подозрительно осмотрел ее компанию. Иногда такого от них подхватит, хрен сотрешь потом.

В дальнем углу зала сидели тайнохранители — трое солидных мужчин, в дорогих костюмах и молча курили индийский гашиш через кальян. Тайнохранители хорошо выглядели — хранить тайны это был хороший бизнес. Все как в банке, узнал какую-нибудь тайну, несешь ее в тайнохранилище, помещаешь на депозит. Дальше, тайнохранители, за процент, конечно, находили клиентов, заинтересованных в сохранении тайны, и предлагали им оплатить услуги по хранению тайны. По гибким тарифным планам. В противном случае, тайна переставала быть таковой. Многие граждане Верхнего Регистра жили с этой легальной и более того, официально поддерживаемой властями, формы шантажа. Зиро вложил в этих чуваков уже штук сорок тайн (в основном, компромат сексуального свойства и финансовые махинации), и они приносили неплохие деньги. Зиро поприветствовал тайнохранителей. Тайнохранители синхронно кивнули в ответ. Они мало говорили, давно замечено, чем больше человек хранит тайн, тем меньше он разговаривает. Наиболее успешные из них изъяснялись исключительно жестами.

Зиро сел за свободный столик, заказал выпить. Он цедил коктейль через соломинку и наблюдал за Аи. Она осторожно подошла к чей-то Тени, на вид, какой-то страшный демон с рогами и крыльями. Видимо, эта Тень принадлежала какому-то фанату сетевых ролевых игр.

- Здравствуйте, страшная системная утилита. — Поклонилась Аи демону. — Не желаете обменяться данными?

У Зиро была очень вежливая Тень.

- Аааа, Зиро! — Зиро услышал знакомый голос.

Зиро мысленно вздохнул и медленно повернул голову. Так и есть.

- Привет, Алан.

- Здравствуй, дорогой! Как я рад тебя видеть! Я присяду? — Алан говорил неторопливо, слегка растягивая гласные. По национальности он был эстонец, его родителей, ученых из Тартуского университета, сослали в В8 за выдающиеся успехи в области теоретической физики. Алан сочетал в себе все признаки вырождения, свойственные своему вымирающему этносу — высокий, ширококостный, с прямыми соломенными волосами. Водянистые, близко посаженные глаза, на широком крестьянском лице, с обожанием смотрели на Зиро. Алан, видимо, понимал, что он бы гораздо органичнее смотрелся с мотыгой на каком-нибудь хуторе посреди болот, поэтому, с некоторым успехом, компенсировал свою нескладную внешность гламурными шмотками и разнообразными косметическими процедурами.

-Присядь, конечно, — сказал Зиро с доброжелательностью вокзального объявления.

Алан изящно примостился напротив и вытянул длинные ноги. Он явно намеревался продемонстрировать Зиро свои новые туфли. Зиро решил Алану в этом не отказывать. Туфли, и правда, были ничего себе — нежная телячья кожа без единого шва, как будто обволакивала ступню. Наверняка сшиты на заказ, в какой-нибудь итальянской сапожной мастерской с многовековой историей. Шелковые носочки Алана были тоже ничего, как ничего был и винтажный костюмчик, этакое современное прочтение офицерских мундиров наполеоновской армии. На шею Алан небрежно повязал миленький полосатый шарфик.

Алан отхлебнул из стакана и потер виски ухоженными пальцами.

- Чертовы лягушки! У меня от их воплей мигрень начинается. — Алан жалобно посмотрел на Зиро. Он хотел, чтобы его пожалели.

— Да уж — сказал Зиро. — Орут, проклятые.

Повисла пауза. В разговорах с Аланом Зиро предпочитал отдавать инициативу Алану. Алан был голубой и давно сох по Зиро. Вот уже несколько лет, несмотря на абсолютную безнадежность этой затеи, он не уставал подбивать к нему клинья. И Зиро не собирался ему в этом помогать.

- Тебе заказать чего-нибудь? Я тут как раз сделку провернул… — наконец сказал Алан, робко улыбаясь.

Алан, в принципе, был такой же инфодилер-датамайнер, как и Зиро, только копал он в сторону порно. Он работал на Попозуду, воркуйского порнокороля, и специализировался на наиболее доходном сегменте порнорынка. На детской порнографии.

- Нет, Алан, спасибо.

Алан горестно вздохнул и уставился в дно стакана. Закусив губу, он о чем-то размышлял. Зиро представлял, как в голове Алана ворочаются неповоротливые грамматические конструкции из 14 падежей, умляутов и артиклей.

- Видишь того мужчину? — Наконец сказал Алан и указал взглядом на одного из посетителей.

Зиро и так обратил внимание на этого перца. Он был явно не местный. Европеец средних лет. Ухоженный. Высокий лоб, залысина на макушке, очки в золотой оправе. Что-то в нем было такое сладковатое, приторное. Иностранец пил кофе, и, приподняв брови, пялился на стену с Тенями — по нему было видно, что все это ему в новинку. Чужаки изредка попадались в Воркуйске-8 — получить визу в В8 было сложно, но можно. Воркуйские визы выдавал особый человек, раз в неделю появляющийся в здании МИДа РФ. Он не имел своего кабинета, и весь день свободно перемещался по зданию. Никаких документов для получения визы не требовалось — достаточно было найти этого человека. Человек каждый раз был новый.

- Ученый, биолог. С именем. Из Брюсселя, — продолжал Алан. Он немного погонял лед в стакане с виски, и, понизив голос, произнес:

- Это мой старый клиент. Не последний человек во Всемирной Лиге Педофилов. Большой любитель славянских девочек. Сейчас стало трудно посылать эту инфу по Сети — спецслужбы фильтруют трафик. Поэтому, за новой партией приехал лично.

На лице Зиро не дрогнул ни один мускул, но он оценил поступок Алана. Да, этот чухонец умел ухаживать. Алан тактично отвернулся.

Зиро посмотрел на иностранца сквозь очки. Сфотографировал его и прогнал фото через инфокомовские базы данных, доступные всем гражданам Верхнего Регистра. Если какая-то страна ведет компьютерные базы данных по своим гражданам, можете не сомневаться, все они есть в В8. Схема отработана. Через минуту, Зиро знал об этом извращенце все: имя, возраст, адрес, место работы, годовой доход, номер машины, кредитную историю, перенесенные заболевания, имя жены, двоих детей и т. д. Теперь, чтобы поставить его на деньги, Зиро надо было всего лишь подсесть к столику тайнохранителей. Алан просто подкинул ему денег, сдав своего клиента. Возникла щекотливая ситуация — с одной стороны Зиро был благодарен Алану, с другой стороны — это ничего между ними не меняло. Зиро принялся ломать голову как бы так поблагодарить Алана,

чтобы при этом не сильно его обнадежить, но тут, на его счастье, и к неудовольствию Алана, из клубного сумрака возник Пипетка.

Пип стоял у входа, и вертел головой, высматривая кого-то, но, взглянув на Зиро и Алана, все понял и пришел на помощь другу.

- Привет, Алан. — Бодро сказал Пип и плюхнулся на свободное место.

- Здравствуй, — холодно отозвался Алан. Пипетку он недолюбливал.

- Ну, как бизнес?

- Заебись, — сказал Алан, понизив градус дружелюбия до предельно низких величин.

- Да? А мне Корень говорил, что у Попозуды какие нездоровые терки с комитетчиками по поводу налогов. Типа, ваши реальный трафик занижают. По 30 зеттабайт левака ежемесячно прокачивают.

- Ай, — сморщился Алан. — Слушай ты больше Корня. Нормально все. Просто под шефа конкуренты копают. Купили кое-кого в Игле, те и начали докапываться…

Пип начал развивать эту тему, делая вид, что проблемы воркуйского порнобизнеса волнуют его так же, как свои собственные. Алан мрачнел на глазах, чувствуя, что его шансы тают с каждой секундой, но врожденная вежливость не позволяла ему просто так бросить разговор. Зиро слушал их вполуха, искоса рассматривая Алана. Не в первый раз он подивился, как родителям Алана, вдали от родины, удалось вырастить из него такого стопроцентного эстонца. Неожиданно он вспомнил, что недавно видел Алана по телеку, в новостях местного Восьмого канала — он участвовал в акции протеста на площади Революции. Пикет устроил общественный комитет против Дня Победы, который молниеносно организовал Казимир Крамольник. Зиро тогда не удивился — как и все истинные эстонцы, русских Алан ненавидел гораздо больше, чем немцев и считал Гитлера освободителем от советской оккупации. Он неоднократно толкал эту теорию по пьяной лавочке.

Ничего я тебе, не должен, сладкий мой, — так Зиро разрешил все свои внутренние сомнения. Он махнул рукой официантке.

- Ну что мы все о делах да о делах. — Сказал он, когда девочка поставила перед ним стопочку с текилой. — Давайте выпьем, парни. Праздник все-таки на носу.

Зиро встал и поднял стопку.

— За нашу Победу! — громко (так, что пол зала обернулось) провозгласил он. Выпил, крякнул и хлопнул о стол

перевернутой стопкой.

Как и рассчитывал Зиро, Алан моментально завелся.

- Курат! Ты еще! Ну, Зиро, ты же адекватный человек, тебя все за это уважают! Какой, к черту, День Победы? Победы над чем? Над здравым смыслом? Да эта треклятая победа стоила свободы половине Европы!

- Это ты свою Эстонию имеешь в виду? — уточнил Пип.

- И Эстонию тоже!

- Тоже мне Европа, — ухмыльнулся Пипетка. — Видал я твою Эстонию со спутников. Такое же болото как у нас, только поменьше.

Алан покраснел, как рак в кипятке, и с такой ненавистью взглянул на Пипетку, что Зиро испугался, что он сейчас броситься на него и начнет душить шарфом. Как и всякий эстонец на чужбине, Алан представлял себе Эстонию сказочной страной с молочными реками и кисельными берегами. Алан открыл, было, рот, чтобы послать Пипа куда подальше, но тут внезапно осознал, что опять отвергнут. Как всегда Алан очень обиделся. Он пробурчал что-то по-эстонски, достал из кармана слегка дрожащими руками пачку тонких сигарет, отвернулся в пол оборота и закурил.

- Ну ладно, — поднялся Пип. — Поворковал бы еще с вами, голубки, да мне еще надо звукорежиссера найти. Завтра мы здесь играем. Приходи. — Сказал он Зиро.

- И ты Алан тоже приходи. Будет клёво.

Алан ничего не сказал. Он переживал драму. Опять.

'Спасибо' — сказал Зиро своему другу взглядом.

'Без проблем' — подмигнул Пипетка и отвалил.

Если бы кому здесь и дал… — подумал Зиро, глядя ему в след.

Алан выглядел подавленно. Как всегда, Зиро стало жалко Алана, и как всегда, он подавил в себе эту жалость. Зиро тоже закурил и они с Аланом молча смотрели в экран с Тенями.

К Аи подошел Хэмпрфи Богарт. Оцифрованная копия великого актера. Кому-то импонировало иметь на посылках икону нуара.

- Что такая девушка как ты, делает в таком месте как это? — поинтересовался Хэмпфри, меланхолично пожевывая дымящуюся сигарету без фильтра.

- Да… — вышел из ступора Алан. — Казимир интересовался тобой.

- Дорогая… — Хэмпфри взял Аи за руку. — Ты так мила, что хочется запустить из тебя пару приложений! Хочешь, я покажу тебе мое программное ядро?

Похоже, Аи пытались взломать. Ну-ну.

— По поводу? — Спросил Зиро.

- Казимир спрашивал у меня, правда ли, что у тебя самая крутая Тень в городе.

- И что ты ответил? — Поинтересовался Зиро.

Алан неодобрительно разглядывал Аи. 'Что он в ней нашел?' читалось на его лице.

- Я сказал, что это правда. Все так считают. Дорогой, ты же… — Алан все же решил не сдаваться, — самый лучший!

На некоторое время весь Битый Кластер замер, наблюдая, как Аи с воплями: 'В доступе отказано!' лупит Хэмпфри Богарта мордой о стойку. От Хэмпфри во все стороны отлетали черно-белые пиксели.

Какого черта Казимир Крамольник интересуется Аи? — подумал Зиро.

- А у нее есть яойный скин? — Опять закинул удочку Алан.

- Нет. — Отрезал Зиро и попросил счет.

003: Утро в мэйнфрейме

Зиро проснулся в отвратительном настроении. Все ночь его донимали какие-то тревожные сны. Ему снилось, что он совершил нечто ужасное; что именно он не помнил, осталось лишь ощущение тоскливой безысходности от того, что ничего нельзя изменить. Все что осталось в его памяти, после того как зуммер будильника просверлил ему ухо — у него в руках какой-то крутой самурайский меч, и он бежит в небо по красному лучу, вроде как от Светоча. Зиро сбросил одеяло и сел на кровати. Потер лицо ладонями, ожидая, пока ночной кошмар растает в свете нового дня. Приснится же, подумал он.

Аи заметила, что он проснулся, и жизнерадостно (у нее-то всегда было хорошее настроение) защебетала с медиапанели на стене спальни:

- Доброе утро сенсей! Аи счастлива вас видеть! Как спалось? Не расскажете ваши сны? Аи обожает слушать ваши сны! Системный отчет! Дефрагментация жестких дисков завершена успешно! Загруженность информационной магистрали 63.2 процента! В вашем ящике 358 непрочитанных сообщения! Уровень спама 42.76 процента! Три пропущенных звонка! Две назначенные встречи! Температура воздуха плюс +18! Вероятность дождя 15 процентов! Потом Аи принялась бодро зачитывать заголовки новостных лент: 'Очередное снижение мировых биржевых индексов', 'Сигнатура Пакмана: Мнение экспертов', 'Количество жертв землетрясения в….'

- Заткнись, глупая сучка! — неожиданно для себя рявкнул Зиро. Ему хотелось кого-нибудь убить.

Аи замолчала, испуганно прикрыв ладошкой рот. На ней была домашняя розовая юката. Зиро с хмурым лицом прошлепал в ванную, избегая смотреть в видеокамеры, через которые Аи неусыпно наблюдала за ним. Зиро помазал лицо гелем и начал бриться, кося глазом на Аи — в зеркале отражался кусочек ее лица, из экрана в ванной. Аи стойко выполняла последнюю команду. Заткнуться.

Зиро жил с Аи уже несколько лет. В техническом смысле, Аи это мультиплатформенная операционная система. В этой ОС управление компьютером осуществлялось через общение с виртуальной личностью, Тенью, которую пользователь создавал и настраивал под себя. Предполагалось, что такие ОС будут сопровождать пользователя всю его жизнь (девиз разработчиков: 'Одна жизнь — одна ОС!'), все больше и больше притираясь к нему. Все больше и больше очеловечиваясь. Система чрезвычайно

гибкая, с высокой степенью самообучения и интерактивности, в вопросах кастомизации Тени (и вообще, всего её виртуального окружения) пользователь был ограничен только своей фантазией и мощностью своего железа. А мощности нужны были нешуточные — теневая операционка требовала значительных вычислительных ресурсов. Эти высокие системные требования Теней в свое время и погубили проект для всего остального мира. Теневую ОС разрабатывали в лабораториях искусственного интеллекта МТИ, однако когда выяснилось, что, для того чтобы все это реально работало, нужны компьютеры во много раз превосходящие самые мощные персоналки того времени, и, следовательно, ни о какой коммерческой выгоде в ближайшей перспективе не могло быть и речи, финансирование прекратили и заморозили проект до лучших времен. Никто, конечно, не подозревал, что исходники Теней воркуйские хакеры давно умыкнули с серверов МТИ. В Воркуйске-8 теневая технология расцвела пышным цветом — уж в чем-чем, а в вычислительных мощностях здесь не было недостатка. В Верхнем Регистре это уже даже дурным тоном считалось — без серьезного повода лично клаву топтать.

Так у Зиро и появилась Аи. За ее основу он взял шаблон кавайной аниме-девочки (разработчики учитывали японские рынки сбыта) и, как говорили в Воркуйске, 'натаскал'. (Подразумевалось, как и прямое значение этого слова, так и английское 'task'.) На натаскивание своей виртуальной Галатеи Зиро убил бездну времени, но ни разу об этом не пожалел. Теперь Аи понимала его с полуслова, полужеста, полувзгляда — они словно стали одним целым. Зиро гордился своей Тенью, сейчас он даже не мог представить, как он раньше мог без нее обходиться. Конечно, он понимал, что Аи всего лишь сложная программа, которая не может мыслить и чувствовать, понимал, что ее 'жизнь' по ту сторону экрана, всего лишь иллюзия, ловкий самообман — но все равно часто ловил себя на том, что относится к ней как к человеку. Все владельцы Теней это за собой замечали. Да и как может быть иначе, если Тень буквально становиться твоим продолжением? И поэтому Зиро было стыдно, оттого, что он ни с того ни сего наорал на Аи. В чем девочка виновата? В том, что он встал не с той ноги?

- Красавец, блин, — сказал Зиро, неодобрительно рассматривая себя в зеркало. — Она ведь даже ответить тебе не может. Ты же ее этому не научил!

Зиро закончил с бритьём, потом прополоскал рот мятным бальзамом. По привычке, исключительно ради приятной свежести во рту. С тех пор как он покрыл свои зубы нанодентом,

необходимость в чистке зубов отпала навсегда. Нанодент (коммерческое название), последнее, можно даже сказать окончательное, слово в стоматологии, особая наноэмаль, повышающая прочность зубов. Она обладала, антибактериальным действием, не желтела, короче говоря, один раз покрыл ею зубы и забыл о них навсегда. Реклама обещала, что такими нанодентовыми зубами можно перекусить стальную цепь, но Зиро, конечно, не пробовал. Нанодент стоил кучу денег, и на него стояла длинная очередь, как подозревал Зиро, из-за тайного заговора всех дантистов мира. Сделай его доступным и все они останутся без работы. Зиро умылся и набрал воды в ванну, из термочувствительного пластика, он менял цвет в зависимости от температуры воды. Зиро довел ванну до любимого мягко-розового оттенка. Залез внутрь. Включил гидромассажер; пузырьки воздуха приятно ласкали тело. Зиро расслабился. Почесал челюсть. Снял с крючка в стене обрезанный секс-интерфейс из электроэластики. С виду это была такая эластичная розовая тряпица с застежками-липучками по краям, от нее уходил в стену пучок проводов. Зиро надел секс-интерфейс на член, нацепил агменты для ванных комнат, переключил Аи в режим гейши и они по-быстрому, Зиро пропустил интро, трахнулись. Через полчаса, он вышел из ванны, заметно подобрев. Аи смущенно улыбалась и отводила взгляд. На ее щеках тонкой штриховкой проступил легкий румянец.

- Ну, лягушачья лапка, ты же на меня не обиделась, а? — нежно сказал Зиро, вытирая полотенцем голову.

- Я не понимаю значения команды 'обижаться', - ответила Аи.

- Вот и славно, — Зиро чмокнул экран.

Он подошел к окну, и некоторое время соображал, по какому поводу улица украшена флажками, пока на все вопросы ему не ответила длинная растяжка из телекса, по которой бежали цветастые поздравления с Днем Победы. Денек действительно обещал быть неплохим, лето в этом году настало в конце апреля, так тепло в начале мая давно не было. Скорее всего — никогда не было. Взгляд его задержался на табло соседнего мэйнфрейма, на нем высвечивалась его мощность в терафлопах. Соседи гудели — накручивали максимальную вычислительную мощность. На их счетчике набежало 323 тысячи с копейками.

Сильно, подумал Зиро. Пора зайти к Железному Феликсу. Между мэйнфреймами шло негласное соревнование, кто выжмет из своего дома больше.

Зиро жил в мэйнфрэйме? 25, на проспекте Ракетостроителей. Мэйнфрэймы стали строить сразу по окончании российско-воркуйской войны, когда Информационный

Комитет первого созыва утвердил программу развития В8 'в новых условиях'. В народе эту концепцию прозвали 'цифровым колхозом'. Мэйнфреймы решали одновременно вопросы жилья и работы, это были дома-суперкомпьютеры, состоящие из вычислительных узлов, одна квартира — один узел. Все мэйнфреймы были в муниципальной собственности, и его узлы сдавались операторам в аренду. Операторы, жившие в мэйнфреймах, обязаны были поддерживать свои узлы в рабочем состоянии, мэйнфреймы имели стратегическое значение для города, на них базировалась вся его вычислительная мощь. Мощности распределялась так: 50 % получал оператор узла, за труды, остальные 50 % шли в цифровой общак, из которого 30 % процентов шло на нужды Инфокома, а остальные 20 % делились равномерно между всем Верхним Регистром.

Не каждый мог жить в мэйнфрейме, хотя и не каждый и хотел. Слишком уж много возни. Надо было пройти сертификацию Инфокома, сдать экзамены на удостоверение оператора, и постоянно заполнять все эти гребанные формуляры. Многим горожанам за глаза хватало возможностей обычных серверов, их устанавливали бесплатно в каждый дом, и также бесплатных общественных сетевых каналов. Но только не Зиро. Когда дело доходило до системных ресурсов, он был ненасытен. Да на одну анимацию Аи столько уходило! Это была девушка с высокими системными требованиями. Но дело было, конечно, не только в Аи; закон доходности компьютерных систем гласит: огромная вычислительная мощь и огромная пропусканная способность канала связи приносят огромные деньги. Если же оба этих показателя не соответствуют характеристике 'огромный', всё что можно заработать при помощи компьютера это не деньги. Поэтому, не смотря на возню, экзамены и прочие условия, очередь на вселение в новые мэйнфрэймы стояла на годы вперед. Зиро, помнится, дал огромную взятку, чтобы перескочить в списке на пару десятков позиций вверх. Но не жалел. Все давным-давно отбилось.

Его компьютер занимал три комнаты из шести. Собственно, само железо, в самой большой, герметичной стерильной комнате, с прихожей-шлюзом, еще одну занимал промышленный пленочный накопитель, вместе с архивом данных, и медиакомната управления. В остальных трех, обставленных в стиле, который можно было назвать минималистским (а можно японским), он жил. Нельзя сказать, что в жилых комнатах не было компьютеров — каждая стена скрывала провода и печатные платы; мониторы, консоли, видеокамеры, микрофоны и датчики были повсюду — Зиро мог управлять Аи из любой точки. Даже его

кровать была подключена к Аи. Она регулировала мягкость матраса в зависимости от фазы сна.

Фреймами успели застроить практически весь центр города, и он, в результате, превратился в огромный суперкомпьютер. В архитектурном смысле они делились на два типа: узкие высокие и широкие плоские. Тауэры и десктопы. Зиро жил в тауэре.

И каждое его утро начиналось также как утро любого другого оператора мэйнфрейма.

Зиро приложил палец к сканеру замка и вошел в шлюз. Там он, кряхтя, облачился в белоснежный пластиковый комбинезон с подогревом, натянул маску с респиратором и перчатки. Отстоял положенные минуты под ультразвуковым пылеочистителем и шагнул внутрь своего компьютера. Это была его ежедневная трудовая повинность — техническое обслуживание узла.

Внутри легкий морозец, стерильно-белая комната плотно заставлена высокими стальными шкафами, набитыми кремнием, подмигивают созвездия индикаторных лампочек. Каждый узел мэйнфрейма представлял собой векторно-параллельную компьютерную систему из тысяч кластеров по шестнадцать мощных процессоров в каждом. Когда Зиро только въехал в свой фрэйм, мощность его узла составляла стандартные два петафлопа, но за то время, что он здесь жил, он, путем аппаратного разгона и многочисленных апгрейдов, довел ее почти до трех. В сумме с городской системой распределенных вычислений реальная мощность узла могла доходить до 17 петафлоп. Но это от погоды зависело.

Зиро поеживаясь от холода, подошел к главной системной консоли. Главное, конечно, не допускать перегрева. Первым делом он проверил показания термодатчиков (норма), потом давление в компрессорах охладительной системы на жидком азоте (ОК), потом систему фильтрации воздуха. Поменять, что ли, фильтры? Менять фильтры было лень. А, потом, решил Зиро. Это терпит. Зиро почесал в затылке и осмотрелся. Да вроде все нормально. Гудит, родной, мигает лампочками. Ах, да! Кластер 831, вспомнил он. Пару дней назад выгорела одна из материнских плат. Надо-таки поменять. Он сходил в запасник, где таких плат у него была стопка до потолка, чтоб не бегать каждый раз в магазин. Он вернулся, вытащил сгоревшую мать (все ясно — кондёры выбило, вон, аж почернели) выковырял оттуда все 16 процессоров, переставил их в свежую плату, подрубил шлейфы и зарядил обратно в надлежащий слот в шкафу. Вот собственно и все. Прелести открытой архитектуры. Зиро подавил зевок.

Закончив техосмотр, Зиро должен был заполнить

специальный формуляр (форма ТО 86-3), куда вносились сведения о состоянии данного ему в аренду оборудования. На кой это надо было делать каждый день, Зиро не очень понимал, но таковы были правила. Чиновники из отдела обслуживания мэйнфреймов любили без предупреждения заявиться с проверкой. Зиро торопливо начеркал в журнале оператора. Все. С рутиной покончено. Теперь можно и позавтракать. И Зиро пошел на кухню.

Его кухня была забита множеством крутых блестящих девайсов, превращающих жизнь любой домохозяйки в праздник, но, по правде говоря, если чем он и пользовался из всего этого, так холодильником и чайником. Зиро вообще редко ел дома. Но сейчас ему не хотелось никуда идти. Он щелкнул кнопкой чайника. Достал из шкафчика свежий кирпичик болотного хлеба из спирулины, Зиро пристрастился к нему во время блокады. Достал из своего огромного холодильника, с функциями голосовой почты, льдогенератором, телевизором, видеосистемой, и, конечно же, доступом в Сеть, пластиковое ведёрко с браконьерской черной икрой. Намазал ее, с горкой, на синеватый, плотный спирулиновый хлеб, разложил на блюде и поставил на стол. Потом заварил себе чайник великолепного красного улуна. Завтрак, типа, готов. Когда Зиро отправил в рот первый бутерброд с черной икрой, он почувствовал легкий укол совести: может сейчас он ест последнее поколение осетровых? Легкий, потому что насчет этого с его совестью все было давно договорено. Осетры могут утешиться тем, что сейчас у человечества шансы на выживание немногим больше. Зиро ел и пялился в телек, встроенный в дверцу холодильника.

Их Игла, спасибо воронке, принимала все эфирные телеканалы в мире. Сомнительное счастье. По умолчанию, телек Зиро был настроен на местный Восьмой канал. По Восьмому крутили документальный фильм о истории города. Фильм этот был снят довольно давно, несколько лет спустя после войны, и Зиро уже не раз смотрел его. Он включился на середине, как раз тогда, когда авторы фильма добрались до новейшей истории города.

После развала СССР Воркуйску-8 пришлось туго. Раньше они тут жили, практически как у Христа за пазухой. Конечно, болото, секретность, опасные эксперименты, но по крайне мере, в отличие от всего остального совка, в В8 практически не знали всей этой советской бытовой неустроенности. Партия на В8 не экономила. Кроме того, в плане свободы совести, это было самое свободное место в СССР. Город, благодаря Игле, с самого своего основания буквально купался в информации. Здесь никто бы тебя не посадил за такую ерунду, как чтение запрещенной книжки.

Партию это не волновало — воркуйское вольнодумство было надежно локализовано болотом. Городу прощалось все, кроме измены. Болотная сказка кончилась в середине восьмидесятых. Экономика Союза агонизировала, прекращалось финансирование научных программ, останавливались заводы. В 1991 году все рухнуло. Союз развалился и Воркуйск-8 остался у разбитого корыта.

Секретный статус вышел городу боком — мало того, что раньше о нем практически никто не знал, так о нем еще и забыли. 'Властям новой России', - саркастично комментировал голос за кадром, — 'не было дела до Воркуйска-8. Они делили имущество'. Внезапно каждый стал сам за себя. Внезапно все стали решать деньги. А зарабатывать деньги здесь никто не умел. Все, что было у города это наука, а науку на хлеб не намажешь. Все полетело к черту. Город захлестнул хаос. Институты и заводы грабили мародеры в поисках ценных металлов, процветала черная торговля красной ртутью и обогащенным плутонием. Интеллектуальная элита, белая кость советской науки, теряли человеческий облик, убивался диктор. В городе хозяйничали бандиты, это в В8, где в советское время практически не было преступности. Зиро, в то время, без самодельной дубинки-электрошокера на улицу не выходил. Хуже всего, что режим секретности тоже никто не отменил. Никто из воркуйчан, как и прежде не имел права покинуть город. В 1992, несколько тысяч, доведенных до полного отчаяния, горожан собрали пожитки и попытались сбежать из Воркуйска. Их остановили войска, охранявшие подступы к городу, по ту сторону болота. Слово за слово, кто-то начал стрелять, и в результате сорок трупов. До сих пор, 10 октября, День Болотного Прорыва был в В8 днем траура.

В это проклятое время на экстренное совещание собралась сливки научного сообщества города: руководители крупных институтов и заводов. Ученые мужи решали, как жить дальше. Они перебрали имеющиеся в наличие ресурсы; калькуляции были неутешительны. Воркуйск-8 был связан по рукам и ногам подписками о неразглашении и болотом. Все это время город существовал исключительно на государственные средства, теперь финансирование прекратилось и городу угрожало вымирание, в самом прямом смысле. Взывать к властям было бесполезно. Ученые мужи, скрипя сердце, признали — Воркуйск-8 предали.

Выход предложил Арсений Моисеевич Глушко, семидесятитрехлетний академик, известный своими работами в области самоорганизующихся компьютерных систем. В фильм были включены фрагменты его исторической речи, что определила будущее города. 'Если мы не может покинуть болото

на своих ногах, мы сделаем это при помощи технологий!', - сказал Моисеич и грохнул по трибуне кулаком. Дай вам бог здоровья, Арсений Моисеевич, подумал Зиро. Если бы не вы, страшно представить, что бы со всеми нами было.

Арсений Моисеевич считал бурно развившийся в то время Интернет перспективным направлением. Он разработал детальный план развития города, этот план предусматривал перевод всей его экономики на, так сказать, информационные рельсы. План был утвержден, и его осуществлением занялся Информационный Комитет, который возглавил и с тех пор был бессменным лидером сам академик Глушко. Первоначальной задачей Комитета была повальная интернетизация города, но в последствии Инфоком взял на себя и все остальное и превратился в главный орган власти в городе. Так в В8 случилась научная революция.

Игла была переоборудована, и стала самым большим в мире источником беспроводного Интернета. Инфоком прорубил публичные гейты в мировую IP-сеть, обеспечив доступ в Интернет из внутренней воркуйской сети. Воркуйская сеть работала на своем протоколе, что надежно защищало ее от внешнего проникновения. Инфоком обнулил большинство советских пленочных датахранилищ, переоборудовав их в гражданские банки данных. Информационный канал Иглы был общим, его пропускная способность делилась на равные доли между всеми жителями города. Каждый горожанин получил гослогин для доступа в сеть и счет в датабанках. В домах монтировались сетевые терминалы. Глобальная Сеть пришла в каждый дом.

Воркуйск-8 подоспел к началу Интернет-революции во всеоружии. Огромная пропусканная способность скорость канала Иглы, наличие мощных компьютеров, и главное, воркуйская плёнка, на которой, собственно, и стояло все благополучие города. Уникальная разработка воркуйских ученых из НИИИП (Научно-Исследовательского Института Информационных Полимеров) надолго опережающая время. Один сантиметр этой, почти невесомой, черной как деготь, ленты вмещал 1 терабайт данных. До сих пор секрет производства этой пленки оставался главным секретом Воркуйска-8. К такой информационной емкости во внешнем мире до сих пор никто и близко не подобрался.

Воркуйчанам, что делать, пришлось осваивать информационные технологии. Первой из информационных технологий было освоено пиратство. В фильме слово 'пиратство' не звучало, авторы предпочитали более обтекаемые формулировки, типа 'свободного информационного обмена'.

За считанные месяцы город превратился в неофициальную информационную столицу мира. Здесь занимались всеми видами манипуляции с данными — купля-продажа, транзит, хранение, поиск и обработка. Через год после интернетизации города, почти половина мировых сайтов физически хостились в B8, хотя и мало кто об этом подозревал. В середине девяностых, Воркуйск-8 сделал огромные деньги на буме доткомов, причем во многом, именно бурная деятельность Воркуйска на сетевых просторах и стала причиной этого бума. В город потекли деньги; тоненький финансовый ручеек очень скоро превратился в бурный денежный поток. Прошлые раны потихоньку затягивались — за два года город по уровню жизни обогнал Швейцарию. В город потянулись автокараваны с товарами со всего света.

Скоро в карельских болотах так сильно запахло деньгами, что их запах учуяли и в Кремле. Власть вспомнила про Воркуйск-8. На город посыпались распоряжения и приказы, затем прибыла правительственная комиссия с инспекцией. Архивная видеопленка сохранила их изумленные лица — они думали, что едут в болото, а попали в будущее. Разумеется, им тут же захотелось все тут приватизировать, продолжали язвить комментаторы. Но этот трюк с B8 не прошел. Комиссия была встречена массовыми демонстрациями протеста. Никто не собирался им ничего отдавать. Новую российскую власть выдворили из города под дулами автоматов.

Так начались русско-воркуйская война. Через некоторое время федеральная власть вернулась обратно, на этот раз, на танках. Инфоком был готов к такому повороту событий и дал зал из Пульсара, лазера с ядерной накачкой, опытного образца советского антиспутникового оружия. Этот момент в фильме Зиро нравился больше всего (3D драматизация): красный луч прошивает насквозь колонну российских Т-72, 'которые должны были раздавить их свободу'. На самом деле это был первый и единственный залп Пульсара — это было одноразовое оружие. Но в Кремле об этом не знали. Россия к тому времени уже воевала в Чечне, и поэтому вооруженное подавление 'воркуйского мятежа' было признано нецелесообразным. Бомбить город не стали — Кремлю Воркуйск-8 нужен был целым и невредимым. Было решено брать город измором. Москва объявила блокаду Воркуйску, и перерезала единственную транспортную артерию, соединявшую город с Большой Землей. Вот тогда-то и начался самый ужас. Денег в городе было до черта, но это ничего не решало, на них ничего нельзя было купить. Да, в городе делали лазеры, собирали спутники, но даже хлеб привозили из-за болота. В B8 вновь были введены продовольственные карточки.

Начинался голод, люди умирали от недостатка лекарств. Как мать Зиро — она слегла с острой пневмонией, в этом болотном климате, это было проще простого. Ее могли спасти, если бы в больнице были антибиотики. Блокада стоила жизни многим (показывали мемориал блокадникам) в основном, пожилым людям, после войны, население города заметно помолодело. Город держался только на добровольцах-сталкерах, они пробирались на Большую Землю через болото и тащили как могли, купленные на валюту, еду и лекарства. Воркуйск-8 никогда не забудет ваш подвиг, торжественно поклялся телевизор, пока по экрану полз длинный список утопших. Но это лишь оттягивало конец, и в Кремле считали часы до капитуляции Воркуйска-8. Но город не сдался. От голодной смерти Воркуйск-8 спасло болото, то самое болото, в котором был корень многих его проблем. Городские биологи начали разводить сине-зеленую водоросль спирулину, которой, естественно, было великое множество на болоте. Из спирулины пекли болотный хлеб, что-то вроде африканских лепешек дахэ, и кормили им народ. 'Спирулина платентис недалеко ушла от того первичного супа, из которого возникло все живое. Эта водоросль чрезвычайно богата протеинами, в ней содержится полный набор аминокислот, витаминов и микроэлементов, необходимых для жизни человека', - назидательно сказал с экрана Федор Петрович Куликов, тот самый ученый-болотовед, первый додумавшийся накормить воркуйчан болотной тиной. Зиро вспомнил все эти ежедневные очереди за пайкой хлеба и поежился.

Угроза голодной смерти отступила, и город начал борьбу за свою независимость. 'Это была особая война: без ружей и бомб. Это была информационная война'. Комитет вел тонкую игру. Коммуникации всегда были слабым местом России, Воркуйск-8 активно воздействовал на российское инфопространсво: глушил одни сигналы, искажал другие, подменял и передергивал, дестабилизируя, таким образом, общественно-политическую ситуацию. Комитет как мог, дискредитировал российское руководство — Игла на весь мир испускала грязные волны черного пиара. Попутно осуществлялись и другие мелкие диверсии, типа угона спутников. Однако главной целью воркуйских атак стала российская экономика — самое больное место новой России. Воркуйск-8 играл на мировых биржах через подставные фонды, сбивая цены на энергоносители, основу экономики РФ. В конце концов, местным финансовым хакерам удалась обвалить внутренний рынок ГКО, что привело к коллапсу рубля 17 августа 1998 года. В России разразился жесточайший экономический кризис. По телеку показали сначала длиннющие

очереди россиян в банки, а затем ликующие толпы воркуйчан. День российского дефолта стал днем независимости Воркуйска-8, 17 августа отмечался как государственный праздник. Россия сняла блокаду, и противники сели за стол переговоров. Кремлю срочно нужны были деньги, которые были у В8, и за это он готов был дать городу вольную, рассудив, что лучше потерять один город, чем всю страну. Стороны договорились — Москва получила деньги, а В8 экономическую и политическую независимость в границах болота. Цена свободы была, мягко говоря, высока — эти числа, что бежали сейчас по экрану, не умещались ни в поле зрения, ни в границы разумного. Цифры бежали на фоне монструозных рублевских особняков. Авторы намекали, как были потрачены эти деньги.

Воркуйский суверенитет был особого сорта — в фильме употребляли термин 'криптонезависимость'. Номинально, В8 оставался в составе РФ, при этом, сохраняя свой исконный сверхсекретный статус, что означало — в России такого города нет. Это устраивало обе стороны. В Кремле боялись что 'чума воркуйского сепаратизма' распространится на всю страну. А так получалось, что поскольку города нет, то и сепаратизма нет. Комитет это устраивало по другим причинам. К тому времени, деятельность Воркуйска-8 уже не оставалась такой уж незаметной для внешнего мира, а точнее для спецслужб внешнего мира, они-то прекрасно знали о существовании города 'со своим видением специфики информационного обмена' и постепенно усиливали свой прессинг 'на остров информационной свободы'. Номинально оставаясь в составе России, Воркуйск-8 гарантировал свою безопасность, так как до него невозможно было добраться, не потревожив 'злобного русского медведя со всеми его ядерными ракетам'.

Концовка фильма, как и положено фильму, поднимающему патриотический дух, была донельзя пафосная. Звучали заявления типа: 'город будущего', 'абсолютная свобода', 'общество нового типа', 'всеобщее процветание', 'равные возможности', 'самый высокий уровень жизни' и прочая. Зиро пафос не переносил. Во всех видах и по любым поводам. Ему сразу хотелось спорить. В фильме умолчали о том, что все их нынешнее процветание имело свою цену. И цену такую — воркуйчане, как и в советское время не могли покинуть свой город. Для всего мира Воркуйск-8 был вне закона. Внешний мир, для Зиро и всех остальных горожан, навсегда останется картинкой на экране, пусть и в самом высоком разрешении. Дело даже не в паспортах несуществующего для ООН государства. С точки зрения мирового сообщества (того, что в теме) все они были преступниками. Обыкновенным ворьём. Пол

Воркуйска разыскивал Интерпол за разнообразные информационные преступления. Другая половина проходила как свидетели. Причем поговаривали, что Комитет нарочно сливает данные Интерполу, чтобы никто не рыпался. Все просто, ребята: если родился в В8 — в В8 и сдохнешь. Они, эти болотом долбанные историографы, не сказали, что этот расчудесный городок как был, так и остался тюрьмой. Да, самой продвинутой, самой комфортабельной, но тюрьмой, такой же, какой и был всегда. По экрану поползли финальные титры. Фильм был снят по заказу Информационного Комитета.

В целом, подтекст трансляции был понятен — левацки настроенный Восьмой, критиковавший Комитет за сближение с Россией, хотел сыграть на контрасте. Ответить на пророссийский праздник антироссийским фильмом. Восьмой как бы намекал — кто забывает уроки прошлого, тот не имеет будущего.

Зиро вспомнил вчерашние тёрки про победный пиар. Ему стало любопытно, что там Инфоком впарил Москве и переключился на главный российский канал. Первый, или как его там. Там царила вакханалия победного экстаза. Телевизор, используя короткие, легкие для понимания фразы, поднимал национальное самосознание, открыто и абсолютно бессовестно зомбировал население. В телевизоре было не протолкнутся от победителей, все сплошь какие-то одинаковые, самодовольно-сытые нестарые люди, без следа мысли на лицах. Единственные, кто выглядел лишними на этом празднике жизни, были сами ветераны войны, жалкие, доживающее свой век нищие старики, которые и хотели бы навсегда забыть ужас той давней бойни, но даже в этом им отказали. Наша Победа! Наша, наша, только наша! Слава России! — завывал телевизор, как свихнувшийся проповедник, совсем забыв, что ту войну выиграла совсем другая страна.

Даже жидкие кристаллы в экране, казалось, коробило. Зиро сморщился. Икра застряла в горле.

Вот как икорка наша мечется, думал он. Ему было неприятно. Жуткая халтура. Примитивные шаблоны. За то сумму что вчера изобразил Корень, можно было и постараться. Нет, качество картинки нареканий не вызывает. Все вполне реалистично. Но, по сути…. Мощность пиара, Зиро прикинул на глаз, от силы пол Пелевина. Да где там! От одна третья, максимум. Зиро покачал головой.

Хорошо, что я остался в В8, думал он. Тогда, во время блокады, когда живот сводило от голода, он чуть было не бросил все и рванул со сталкерами в Россию, через болото. Был такой момент слабости. И что бы сейчас со мной было? Жрал бы дерьмо

и целовал в жопу воркуйских пиар-фантомов, вот что, ответил он сам себе.

Зиро сделал над собой усилие, и проглотил последний бутерброд с икрой, залпом допил чай, наблюдая, как какие-то бездарные поп-бляди, вертя жопами, исполняют диско- варианты песен военной поры.

С другой стороны, чего на Комитет пенять? Комитет ведь на заказ работает. Значит так надо. Значит, они жрут это. И жрут, похоже, с удовольствием. Добавки просят, Зиро смотрел на ликующую многотысячную толпу на Красной Площади. Ну и хрен тогда с вами, дорогие россияне, если вам так вставляет это маломощное порно. На здоровье. Только на черную икорку вы особо не рассчитывайте. Черную икру мы будем кушать. И он вытер салфеткой жирные губы.

Но настроение опять испортилось. Так всегда с этим долбанным ТВ. Когда оно уже отомрет, к чертовой матери, все зло от него. Это была ошибка в такое прекрасное утро включать телевизор. Теперь чтобы как-то вывести из мозга эту чернь, необходимо было срочно записать в кратковременную память что-нибудь другое. Зиро при помощи пульта торопливо попытался выудить из телеэфира что-нибудь нейтральное. Он остановился на телеканале посвященном IT-индустрии.

Там обсасывали Сигнатуру Пакмана. Шум по этому поводу стоял уже недели две. Именно две недели назад начали поступать первые сообщения о том, что на компьютерах по всему свету обнаружен некий чужеродный код. Все это походило на куски отработанного кэша какой-то внешней программы.

Анализ этих фрагментов показал странное. Это оказались различные кусочки кода старинной видеоигры Пакман. Да, той самой, с ненасытным желтым колобком в главной роли. Сам по себе код был безвреден, этот старинный, еще восьмибитовый код никак не мог быть исполнен на современных компах. Пугало другое — Сигнатуру Пакмана находили везде. Вне зависимости от компьютерной платформы и операционной системы. Она была везде — от самых защищенных правительственных серверов, до мобильных телефонов. Таковы были факты. Дальше начинались спекуляции.

Мрачный консультант по компьютерной безопасности правительства США рисовал апокалипсические картины. Он предполагал, что за всем этим стоит некая кибертеррористическая организация исламистского толка, готовящая невиданную доселе по размаху хакерскую атаку на Запад. По его мнению, эти исламские хакеры метили Сигнатурой Пакмана взломанные системы. Когда его спросили, почему эти

исламские кибертеррористы выбрали именно Пакмана, он, подумав, ответил, что, возможно, вечно жрущий Пакман олицетворяет для них сущность американского империализма. Если спецслужбы срочно не примут меры — мы все обречены, сказал он на прощание.

Представитель компании, лидера рынка антивирусного софта, тоже нагнетал, но в сторону своих профессиональных интересов. Борец с вирусами говорил об атаке некоего мультиплатформенного полиморфного супервируса нового поколения. Он считал Сигнатуру Пакмана меткой вируса, и называл ее распространение первой фазой будущей глобальной эпидемии. Он хмурил брови, вставал в разнообразные боевые стойки, и предлагал скачать с их сайта утилиту, убивающую этот подозрительный код на жестких дисках.

Развязный чувак из индустрии электронных развлечений смотрел на вещи легко. Он считал все это ловким рекламным трюком, еще одним примером вирусного маркетинга. Скоро у Пакмана очередной юбилей, говорил он, и под эту марку выходит новая версия игры для игровых приставок. Чувак предлагал связать этот факт с Сигнатурой Пакмана. По его мнению, долгое время Сигнатура Пакмана втихаря распространялась через спам, потом была запущена махина массовой истерии. И пока мы тут паникуем, говорил он, кое-кто посмеивается в кулак и подсчитывает будущие барыши.

Была еще одна версия. Романтического толка. Ее озвучил некий писатель на компьютерную тематику. По мнению этого худого очкастого субъекта, код Пакмана был на компьютерах всегда, только его до этого не замечали. Пакман одна из самых известных видеоигр всех времен и народов, говорил он. Не исключено, что когда-то программисты встроили код игры, вместе с эмулятором, в свои первые версии операционных систем, чтобы было за чем отдохнуть от работы. Потом как-то забыли об этом, и код Пакмана просто перекочевывал из одной версии ОС в другую. Но ведь его находят на компьютерах под самыми разными ОС? — спросили его. Писатель ухмыльнулся. Это еще одно доказательство, того, что все они никогда не стеснялись подворовывать друг у друга, ответил он.

Зиро с интересом следил за этой историей, он Пакмана уважал, в детстве он убил на эту игру немало времени. Но, как и с большинством новостей из внешнего мира, он считал, что это все его мало касается. Если это хакеры, то у них должно хватить ума не связываться с B8. Иначе это не хакеры, а идиоты. Воркуйск-8 использовался как база для хакеров всего мира. Уж с кем с кем, а с хакерами у B8 были прекрасные отношения.

Если это был вирус, он вряд ли грозил Воркуйску. В B8 пользовались пленкой, в городе была своя файловая система, поэтому вирусы из внешней сети здесь не могли размножаться. В B8 все было свое, в том числе и вирусы. А с этим было строго — за распространение компьютерных вирусов в Воркуйске-8, без разговоров, давали пожизненное.

- Сэнсей, осталось 15 минут до намеченной сессии, — напомнила Аи.

- Да, я помню. — Зиро с облегчением выключил телевизор. Зарядил грязную посуду в посудомоечную машину, и, в завершение завтрака, выпил стаканчик натурального женьшеневого энерготоника. Для тонуса. Он направился в свою медиакомнату.

В медиакомнате вместо стен жк-экраны, мягкий мат покрывает пол, потолок утыкан видеокамерами и инфрадатчиками, которые отслеживают каждое движение оператора и проецируют в заэкранную реальность.

- Полный разгон всех кластеров. Добавить 15 процентов мощностей на графику. Остановить все докачки. Заморозить фоновые процессы с низким приоритетом исполнения. Включить сетевые энкрипторы, — Зиро отдавал приказы Аи, попутно облачаясь в сенсорный костюм для тренировок. Проверив, плотно ли прилегают датчики, он натянул на голову агменты и синхронизировал вывод графики с экранами комнаты. Надел наручи для симуляции обратного хода меча. Сделал несколько упражнений, чтобы размять мышцы. Затем взял в руки бокен и встал в базовую сэйган-стойку.

- Погнали, — сказал он.

004: Эфирные войны (в реальном времени)

Зиро в Эфире. Высокачастотные волны разбиваются о борта его корабля. Он на капитанском мостике, за штурвалом, паруса ловят потоки трансляций, они несут его корабль сквозь беспросветную черноту мирового Эфира. Разряды статики подсвечивают горизонт, тучи эфирных помех стреляют зарядами черно-белого снега. Эфир бурлит, они в зоне возмущений. Частотный шторм на подходе, и если им не повезет, они почувствуют на себе всю силу его бессмысленного гнева.

Зиро бросает взгляд на Аи. Ему приятно смотреть на нее. Стройная, как веточка ивы, она молода и прекрасна, его пиратская принцесса.

- Скан Эфира, приказывает он ей.

Аи шепчет заклинание и амулет, металлическая амеба, живущая у нее на груди, оживает. Амулет зовут Пять Тысяч Глаз и он голоден. Он растет, выпускает из себя множество серебряных ложноножек, и за время, недостаточное для того, чтобы прочесть и пару строк, оплетает ее целиков. Поглотив Аи, амулет пускает побеги наружу, на конце каждого, словно цветочный бутон, глаз. Всего их пять тысяч, этих глаз, они разной формы, размера, цвета, они смотрят всюду и видят все. Пять Тысяч Глаз кормится, утоляя свой вечный сенсорный голод.

Аи светит Порты.

- Боку-ва тэки-о кандзиру, — с металлом в голосе говорит она.

Зиро легонько хлопает ее по плечу, переключая кодировки.

- Корпораты, мой господин, — сообщает она.

- Далеко? — спрашивает Зиро.

- Мы в трех делениях шкалы от них.

- Классификация судна?

- Транспортный галеон.

- Вооружение?

- 40 пушек

- Груз?

- Ментальная эссенция. Высший сорт.

- Много?

- Информация требует уточнения. На таком расстоянии в моих силах применить только поверхностное сканирование.

- Ладно, какая разница. — Зиро и так знает, что у них есть то, что ему нужно.

- Сопровождение?

- Отрицательно.

Вот это зря. Беспечность сестра беды. Нельзя так, без защиты, шастать по безлюдным уголкам мирового Эфира. Корпораты совсем расслабились, они слишком уверены в нерушимости законов, которые сами и навязали. Зиро нужен их груз. Ментальная эссенция — кровь разумных миров. Универсальный эквивалент власти — кто владеет ею, владеет всем.

- Идем на перехват! — командует Зиро.

Аи шепчет контрзаклинание — Пять Тысяч Глаз втягивает свои щупальца и вновь засыпает у нее на груди. Зиро берется за штурвал и корректирует курс. Он ловит парусами даб-волну, позитивную вибрацию Первичного Бита, она несет его корабль в точку перехвата.

Вот он — на горизонте показались голые мачты галеона. Зиро осматривает его в подзорную трубу. Они убрали такелаж и идут на веслах.

Их тоже замечают.

- Входящий сигнал, Зиро-сан, — докладывает Аи.

- Визуализируй.

- Хай!

Перед ними — объемная проекция капитана галеона. Один глаз у него золотой но в остальном он выглядит естественно — дорогое искусственное лицо и тело. Корпоративные лычки на форменном камзоле, алый платок на шее. Хмырь с Иголочки.

- Кто ты, мать твою, такой? — Рычит капитан. — Идентифицируй себя! На каком основании ведешь трансляции на служебных частотах?!

- Я Гайбраш Трипвуд, могучий пират, — отвечает Зиро.

Капитан галеона молча сверлит Зиро золотым глазом. Он узнал его по повадкам Зиро в первой десятке корпоративного листа смерти. Можно гордиться собой. Капитан цедит сквозь зубы:

- Воркуйская крыса, молись, чтобы у меня достало милосердия лично вздернуть тебя на рее. Страшно подумать, что ждет тебя, когда я доставлю тебя для суда в метрополию. Недолго тебе осталось бесчинствовать в коммуникационных потоках! — он хлебнул рома из металлической фляжки и сплюнул.

- Разрыв соединения, — сообщает Аи.

Золотоглазый первый начал гнать волну. Залп из всех орудий, вялая подборка радиопопсы. Ха. Зиро отстреливает волновые демпферы, и волна гаснет в Эфире.

- Я выхожу из себя, — говорит Аи. В ее голосе сотни острых

бритв.

- Давай, — говорит Зиро.

Аи выходит из себя. Она делает шаг в сторону и раздваивается. Копии почкуются в геометрической прогрессии, пока не заполняют собой всю палубу. Зиро осматривает свое войско, лаская ладонью рукоять катаны. Это успокаивает его, холод металла растворяет волнение, он чувствует спокойную отрешенность, лучшее настроение для схватки.

Расстояние между кораблями стремительно сокращается. Зиро лихо руля штурвалом, поворачивает свой корабль левым бортом, ощетинившимся жерлами динамиков. Они так близко, что Зиро невооруженным взглядом, видит имя вражеского корабля — четыре числа через точку. Зиро перетаскивает из другого окна свой боевой плейлист, заряжает орудия музыкой и дает залп из всех динамиков. На галеон обрушивается мощная акустическая волна хип-хопа и скретчей. Скретчи вскрывают верхнюю палубу, ядреная читка обрушивает Мачты, через пробоины в трюмы галеона хлещет Эфир. Рули выведены из строя, вражеский корабль медленно крутится на месте, постепенно теряя плавучесть. На судне начинается пожар и слышна серия взрывов.

Загрузка……. Фаза 2.

Крючья вгрызаются в жертву, визг лебедок, борта двух кораблей с грохотом соприкасаются. Зиро освобождает Меч от ножен, и втыкает его в небо. На лезвии недобро горят огни Святого Эльма.

- Абордажная команда! К бою! — командует Зиро.

Он дает отъезд, круговым движением руки обводит свою армию зеленой рамкой и посылает на абордаж

- Банзай! — кричит он. Его Меч рвется в бой.

- Банзай!!! — мелодичный голосок Аи усиленный в десятки раз, бьет по ушам.

Аи ничего не стоит умереть за него. Она не знает, что такое смерть. Она идет до конца, не оглядываясь.

Зиро первым прыгает на вражескую палубу. Их ждут. Корпораты сбились в стаю на корме. Впереди вожак, капитан с золотым глазом. За ним Боссы помельче. Черные отглаженные до толщины лезвия бритвы стрелки на брюках, белые рубашки, с закатанными рукавами. Они вооружены кривым скимитарами и очень расстроены. В недрах галеона продолжает что-то взрываться, палубу трясет.

- Крысы болотные! — рычит золотоглазый в сторону Зиро

- Убейте их!! — ревет капитан сквозь грохот разрушения. В золотом глазе горит дьявольская искра.

-Убейте их всех!!!

Они бросаются друг на друга. Начинается самое интересное. Аи, все ее копии, вооруженные остро заточенными металлическим веерами, входят клином в стан врага, на острее клина Зиро, точнее, его Меч, Зиро сейчас нет, есть только его ненависть и страсть спрессованные в лезвие, разящее врагов направо и налево. Трудно описать то, за чем невозможно уследить глазом. Видны только мгновенные карающие вспышки молний, это лезвие Меча пишет иероглифы смерти, словно сама богиня солнца Аматэрасу движет им. Первым же ударом он разрубает надвое одного из ближайших Боссов, но Меч не успокаивается на этом, он продолжает свой смертельный путь сквозь тела врагов — рубя, разя, колеча. Реки крови бегут по палубе усеянной искалеченными телами. В пылу схватки, Зиро не теряет голову, головы теряют только его враги. Он ищет золотоглазого, он пробивается к нему сквозь сонм врагов, кровь капает с лезвия, и вот он уже рядом с ним, лицом к лицу.

Капитан прижат к штурвалу. Выглядит уже не столь презентабельно, весь лоск сошел. На мгновение, время, замедлившее свой ход с началом схватки, останавливается совсем, мир становится статичной монохромной картинкой, фоном для Зиро и его врага. Доли секунды, длинные как вечность, они смотрят друг другу в глаза — и, еще одна вспышка стальной молнии. Фонтан крови и голова капитана падает рядом с обезглавленным телом.

- То-о! — кричит Зиро.

Сопротивление сломлено. Оставшихся добивает Аи. Из тел его врагов утекает Корпоративный Дух. Зиро вытирает красное от крови лезвие о штанину и возвращает своего демона смерти в ножны. Меч засыпает. Он нагибается, над отрубленной головой капитана галеона и вывинчивает Золотой Глаз Капитана из глазницы.

Аи вновь склеилась в одну девочку. Зиро вместе с ней подходит к корабельному лифту. В панели с кнопками есть небольшой разъем. Зиро ввинчивает туда Глаз Капитана. Лифт открывается.

Они спускаются в трюмы. Ряды дубовых бочек и бутылей из темного стекла. Ментальная эссенция. Зиро смотрит на ярлыки на бочках. Все ясно — одна из колоний посылала в Метрополию ежегодную дань. Время урожая. Ребром ладони Зиро сносит горлышко одной из бутылок. Аи наливает густой красной жидкости в хрустальный бокал и на подносе подает Зиро.

- Снимите пробу, сенсей, — говорит с поклоном она.

Зиро принимает бокал. Некоторое время он греет его в ладонях, слегка помешивая, подносит к лицу, вдыхая аромат. Делает небольшой глоток, смакуя. Это ментальную эссенцию произвели лучшие умы.

Зиро с размаху разбивает бокал о стену.

- Начинай перекачку! — Командует он.

- Хай!

Зиро возвращается в лифт, его палец останавливается на пол пути к кнопке.

- Что-то я забыл… Что еще полагается делать Герою? Ах да! Освободить угнетенных! Одарить рабов свободой.

Зиро спускается глубже, на нижние палубы агонизирующего судна, где Корпораты держат своих рабов. Он видит множество маленьких клетушек. В каждой по человеку. Ну, или что-то вроде того. Кажется, все они вытесаны из камня торопливым скульптором, экономившим материал на лицах. У некоторых вообще нет лиц, у некоторых отсутствуют уши, у некоторых глаза. И ни у кого из них нет рта. Все они скованы золотой цепью и продолжают по инерции самозабвенно делать свою работу: дергать какие-то рычаги, нажимать педали, вращать колеса…

Зиро разрубает золотую цепь. Чары спадают, на грубых лицах рабов медленно, как во время печати фотоснимка, проступают человеческие черты. Бессловесная рабочая скотина вновь превращается в людей. Они покидают свои клети, что-то нечленораздельно мычат, бесцельно машут конечностями, натыкаются друг на друга, как малые дети. Наконец они приходят в себя, в их взор возвращается разум. Они угрюмо смотрят на Зиро и Аи.

- Вы свободны. — Говорит им Зиро.

-Спасибо, — говорит один из них, тот, что посмелее. На вид ему за сорок, брюхо с трудом сдерживает ремень. Мысль во взгляде за стеклами очков.

- Спасибо, — с горечью повторяет он. — За заботу. От чего ты нас освободил? От нашей работы? От сытой спокойной жизни? От уверенности в завтрашнем дне? От будущего наших детей? Да на хера нам такая свобода?!

- Мы два года работали над этим продуктом. Ишачили не разгибаясь. Наконец, мы закончили и тут появляешься ты, пират долбанный, и крадешь мастер-копию релиза, прямо перед отправкой в тираж. Нам этого никогда не простят. Компания потеряет миллионы! Нас за это с дерьмом сожрут! Спасибо, могучий пират! — он отвешивает саркастичный поклон.

Аи молниеносно раскрывает веер, готовая снести ему голову

за такое неуважение к господину. Зиро жестом останавливает ее.

- Пожалуйста, — говорит он, пожав плечами.

- Аи, уходим. Достаточно на сегодня. — Аи послушно сворачивается и прыгает Зиро в карман.

Пора заканчивать этот театр. Зиро хлопает в ладоши.

- Свернуть все окна! — Приказывает он.

005: Буккакэ

Хакерство довольно унылое занятие. Сгорбленный в три погибели над клавиатурой хакер, набирающий юникс-команды в текстовом режиме (красные глаза, кривые плечи, туннельный синдром) уже давно никого не возбуждает. Куда веселей и полезней для здоровья совместить хакинг с симулятором кэндо, парой любимых компьютерных игр и диджейским софтом. Мастер Настройки Виртуального Десктопа Теневой ОС позволял творить что угодно. Одна знакомая девчонка Зиро, занимавшая транзитом данных превратила процесс пересылки пакетов в балет. 'Лебединое Озеро', там. 'Спартак'. Плясала со своей Тенью, со скинами звезд балета мужского пола.

Медиастены моргнули и эфирный океан сменился обычным десктопом. Зиро подцепил зрачком иконку с полученным файлом и скинул на ленту. Пленочный накопитель зашуршал метровыми бобинами.

Аи выдала на экраны статистику прошедшей сессии: количество нанесенных/пропущенных ударов, и список скачанной инфы. Зиро остался доволен. Если и дальше так пойдет, то скоро он выбьет из этой проги титул Мастер Меча. Пусть и виртуального, но то что, ему пока не приходилось рубить головы в реальности не самое большое горе.

Реальность. Мысли Зиро словно споткнулись об это слово. То еще словечко — похоже на стершуюся от времени разменную монету.

- Зиро-сан, вы были великолепны! Аи никогда не видела такого искусства владения мечом! — Восторженно аплодировала Аи.

Еще б ты видела, подумал Зиро.

- Спасибо, милая. Ты тоже была на редкость… интерактивна, — сказал он.

Милая отвесила благодарный поклон.

Зиро посмотрел на часы — сегодня он собирался скинуть Михалычу свежую инфу. Но на завод идти было еще рановато, а дома сидеть не хотелось, слишком уж погода хорошая. А в B8 каждый день хорошей погоды как праздник. Зиро решил прогуляться и заодно зайти к Пипетке. Тем более, что трава у него кончилась. А погода была хорошая.

- Аи, соедини меня с Пипеткой, — Зиро дал команду Аи.

- Пипетка-кун на проводе, — объявила Аи.

- Алло, привет. Чё ты там?

- Да ничо! — Как-то раздраженно отреагировал Пип.

- Я хотел к тебе зайти. Или я не вовремя?

- Да нет, нормально все. Заходи, заходи.

Зиро услышал звон бьющегося стекла.

— Да успокойся ты! — рявкнул Пипетка. — Это я не тебе, — торопливо пояснил он.

- Что там у тебя твориться?

- Да ничего. Давай скорее, — Пип повесил трубку.

Хмм, подумал Зиро и пошел одеваться. Натянул художественно драные джинсы. Долго выбирал футболку, их у него было великое множество, наконец, остановился на черной, с инопланетным захватчиком из классической видеоигры Space Invaders. С тем, что второй слева в третьем ряду. Сверху — свою любимую мегафункциональную куртку болотного цвета в стиле урбан-милитари от UB, 'Una Bomber' — конспиративного бренда европейского антиглобалисткого подполья, они, под видом функциональной уличной одежды выпускали амуницию для уличных боев. Куртка была сшита из негорючей, водоотталкивающей материи с программируемой жесткостью — по внутренний стороне шел секретный шнурок, если его затянуть, куртка твердела и вполне держала удар ножа. В растягиваемом, эластичном воротнике прятались антигазовые фильтры. В капюшоне — звукоизоляционная прокладка, защита от шумовых гранат. В воротнике — солнечные батареи. Ну а всякие устройства типа радиоджаммера и системы лазер-таггинга, Зиро спорол, на это у него были свои методы. Венчали сегодняшний дресс-код кеды. Обыкновенные, бесхитростные кеды на твердой подошве. Зиро обулся и взял с полочки у зеркала кругляк пленки, заготовленный для Михалыча. Взвесил его на ладони. Ну, нормально. Хватит за аренду узла заплатить за следующий месяц. Он спрятал бобину во внутренний карман куртки. Одел агменты. Посмотрел на себя в зеркало.

- Ты со мной разговариваешь? — Зиро сложил пистолет из ладони и наставил на свое отражение. Отражение нахально ухмылялось, сверкая нанодентовой улыбкой. Зиро открыл дверь.

Небо было того редкого лазурного оттенка, который обычно бывает только на заставках операционных систем. Как же хорошо когда не зима, думал Зиро, идя по по проспекту Ракетостроителей. Зиму он ненавидел. Солнечная радиация действовала благотворно, и на душе у Зиро стало радостно-спокойно, настолько, что он даже не пнул ногой лягушку, попавшуюся по пути. Аи, в дефолтовом режиме, в припрыжку бежала рядом с ним, иногда замирая у хот-спотов, и приложив ладонь к уху, вслушивалась в датапотоки. Зиро же слушал музыку, свою любимую японскую рок-группу Го Го Нана Иичи

Хачи Хачи, временами подыгрывая на воображаемой гитаре, когда начинались эти невообразимой красоты гитарные соло, которыми так славилась группа. Он шел и думал, о том, как же крут их первый альбом 'Дасоку Хокку'. Что годы идут, знание увеличивает скорбь, и все такое, а 'Дасоку Хокку' ничего не делается. Все также сильно вставляет, как и в первый раз. Может дело в молодости? Нет, конечно, у ГоГо нет проходных альбомов, да что там альбомов, нет проходных песен, все, к чему прикасаются пальчики Накасимы Юу, превращается в золото. Но все же есть в 'Дасоку Хокку' что-то особенное. Что-то такое, как это сияющее солнце над его головой.

Как всегда, Зиро транслировал свою плейлист по FM-радио. Зиро дослушал до 'Рокку' и заметил, что за ним увязался молодой, долговязый тип, в переливающейся разными цветами голо-тишке и в джинсах со вставками из телекса. Модник, типа. На парне были агменты марки visionix предпоследней модели с желтыми стеклами. Долговязый догнал его и, извинившись, спросил, что за такую классную группу он слушает? Зиро, мысленно вздохнув, ответил, что это японская рок-группа, Го Го Начи Ичи Хачи Хачи, что это лучшая рок-группа в мире и что стыдно ему, такому здоровому лбу, не знать таких простых вещей. Здоровый лоб трогательно устыдился, и спросил, как это пишется, а то, он не знает японского языка. Зиро терпеливо ответил, что название пишется по-английски: Go, восклицательный знак, Go, восклицательный знак, 7188. Зиро видел, сквозь желтые стекла его агментов, как он пытается вбить название группы в строку сетевого поиска. 'С пробелами?', - спросил здоровый лоб. Вот дурень, подумал Зиро. 'Открой канал', - сказал он. 'Я сейчас тебе все солью директом'. Они соединились, и Зиро закачал ему все, что у него было под тэгом 'Go!Go!7188'. Из агментов это выглядело так: перед Зиро, на уровне глаз, в воздухе возникло несколько иконок папок с файлами. Зиро сгреб папки и бросил их в сторону долговязого, который ловко их поймал. Без агментов все это выглядело, как два случайно встретившихся на улице человека вдруг стали перебрасываться воздухом.

Здоровый лоб сердечно поблагодарил и просветленный, пошел своей дорогой. Зиро, покачивая головой, посмотрел ему в след и, чтобы впредь не доставали, прицепил к своему радиоканалу поясняющую метку с гиперлинком, и продолжил свое рок-путешествие. К Ракете он вышел как раз к С7 полупанковской прыгалки со второго альбома Go!Go!7188 'Гётаку'. Он если и уступал 'Дасоку Хокку' по степени разрыва мозга, то лишь самую-самую чуть.

Это была РКК Н1-Л3, огромная ракета-носитель (больше просто не построишь — рухнет под собственной тяжестью) она должна была доставить советского человека на Луну, да не сложилось. По форме РКК Н1-Л3 очень напоминала морковку, поэтому Зиро называл ее 'джетто нинжин', то есть 'реактивная морковка' — так называлась одна из его самых любимых песен у Go!Go!7188. Хотя конечно эта песня была совсем не про то, как Советы облажались с Луной. После провала советской лунной программы одну из ракет притащили в Воркуйск-8 и украсили ей Проспект Ракетостроителей. В советское время это широко практиковалось — украшать В8 всякими такими ставшими не нужными, но все равно, совсекретными штуками. В Ракету по крытым эскалаторам поднимались люди — теперь в ней был торговый комплекс, известный своими совершенно космическими ценами.

Зиро миновал Ракету, и вышел на одну из центральных улиц города, улицу имени Академика Глушко. Это был дорогой район, земля тут стоила каких-то совершенно безумных денег, поэтому на этой улице бизнес держали только те, у кого эти безумные деньги водились: банки, датабанки и тайнохранилища. Последних было больше всего, прямо одно за другим; Код Энигма, Mystery House, Ангар 51…. Зиро видел сквозь большое окно из бронированного стекла, как внутри 'Ангара' снуют девушки в респираторах и белых обтягивающих трико. Одни сосредоточенно перемыкали штекеры на распредщитах, другие деловито сновали туда-сюда, с тележками груженными бобинами пленки. Вооруженные автоматами охранники на входе лениво провожали его взглядами.

Видимость стремительно ухудшалась — спам с боем пробивался сквозь фильтры интерфейса, облепляя все поле зрения агментов анимированными рекламными баннерами. В Аи отмахивалась от них веером, но где там. Можно было, конечно, на время снять очки, но тогда в бой за внимание потребителя вступали медиафасады, телебилборды, громкоговорители и голопроекторы. Перед Зиро в воздухе нарисовалась синтетическая красотка, в одном нижнем белье. Красотка томно улыбнулась и сказала: 'Дорогой, я умею хранить тайны' и приложила указательный палец к алым губкам. Реклама в этом районе совершенно теряла всякий стыд. Зиро решительно прошел сквозь рекламный фантом.

Сегодня на улице было полно народу — толи погода, толи праздник, толи и то и другое. В очках Зиро силуэты прохожих были усыпаны красными точками, это датчики фиксировали источники электромагнитного и инфракрасного излучения. В

очках остался американский софт, который по данным сенсоров, автоматически ранжировал людей по степени опасности для общества. Шкала от А до Е, где Е безобидный овощ, а А потенциальный террорист. Если верить агментам, потенциальным террористом был каждый второй.

Станция монорельса, куда шел Зиро, располагалась неподалеку от памятника Сталкерам. Идея внушительной, метров десять в высоту скульптурной композиции из коричневого сплава, была позаимствована у классического полотна 'Бурлаки на Волге'. Трое мускулистых сталкеров, увязая по колено в металлической грязи, с героической озабоченностью, тащили за собой несколько надувных лодок груженых мешками. Особенно скульптору удались лягушки; их тупые морды самодовольно блестели на солнце. Зиро поднялся по эскалатору на довольно людный перрон. 'Пуля' не заставила себя долго ждать. Он вошел в разъехавшиеся с шипением двери, и выбрал место рядом с мальчишкой лет десяти в больших наушниках.

Сосед его игрался с куском эластики. Эластикой называли обширное семейство наноматериалов, эластомеров с программируемой растяжимостью и пластичностью, которые вошли в обиход не так давно. Эластика парадоксальная штука, Зиро, помниться, обалдел, когда в первый раз ее увидел. Но потом, конечно привык, потому что к хорошему привыкаешь быстро. Эластика это, грубо говоря, наномодифицированная резина. Но если обычную резину растянуть, а потом отпустить, она снова сожмется до своего первоначального размера. А вот эластика так и останется натянутой, если её слегка перекрутить при растягивании. В ходу было две основных разновидности эластики: механическая, типа той, с которой забавлялся его сосед, и электрическая, которая перестраивала свою молекулярную структуру под воздействием электрических импульсов. Электроэластику широко использовали в компьютерной индустрии, например, в секс-интрефейсах. Да и вообще — это была одна из тех, казалось бы, мелочей которые, на самом деле, меняют весь мир навсегда.

В руках у мальчика была игрушечная эластика с повышенной пластичностью, такую продавали в детских магазинах, этакий пластилин нового поколения. Толстый кусок длиной с палец. Парень пожевал губы и начал плести башню. Суть этого вида развлечения с эластикой была проста — соорудить башню выше всех. Для этого надо было постараться так распределить нагрузку, чтобы можно было растянуть эластику на максимально возможную длину. Зиро видел в Сети конструкции по пять метров высотой, из стандартного куска. Сосед его,

конечно, был не такой асс, но тем не менее он, что называется, чувствовал материл. Еле заметно кивая в такт внутреннему биту, он отработанными движениями растягивал и подкручивал; на глазах у Зиро рождалась ажурная конструкция, напоминающая опоры ЛЭП. Мальчишке удалось дотянуть башню от колен до носа, но тут она вся мелко задрожала, и эластика, исчерпав все лимиты растяжения, с тихим хлопком сжалась до своего первоначального размера. Мальчик что-то недовольно пробурчал себе под нос и начал заново.

Аи, тем временем, от нечего делать, танцевала в проходе между сиденьями, под Thunder Girl с третьего альбома Go!Go! 7188 Татегами, который сейчас жарил в наушниках Зиро. Танцевала, пока прямо сквозь нее, с воплями 'Гол!', как стадо слонов не промчалось несколько фанатов Болотных Чертей. Зиро поморщился: неприятно, когда топчут твою Тень. 'Черти топят, черти рвут! Черти с тиной всех сожрут!' — Скандировали фанаты, размахивая зелеными шарфиками. Болотные Черти размочили счет, и устроили победную свалку у чужих ворот — Восьмой транслировал чемпионат по столь популярному в В8, болотному футболу. Обычный футбол, только в болотной жиже. Самое трудное в этом виде спорта, было различить кто свой, кто чужой — через несколько минут после начала матча, все игроки были одинаково по уши в грязи. Поэтому, в телетрансляциях, на футболистов накладывали метки, как в компьютерных играх. Судья, увязая в черном дерьме, понес мяч на центр поля. 'Черти', похоже, опять возьмут кубок, подумал Зиро и встал с места. На следующей станции выходить.

Пипетка жил на окраине жилсектора в собственном доме. В отличие от Зиро, Пипетка не родился в Воркуйске-8. Он переехал сюда, когда ему было лет восемь. В В8 жила его бабушка, он работала на ВЗКА, Воркуйском Заводе Контрольной Аппаратуры, где делали логику для ракет и всякое шпионское электронное барахло. Бабушка очень любила внука, и долго хлопотала, рассылая прошения по инстанциям, чтобы им позволили увидеться. Ей как-то это удалось, чудо по тем временам, и родители отправили Пипетку на летние каникулы к бабушке на болото. Бабушка как-то взяла внука на производство — и все, Пипетку обратно не выпустили. Он слишком много знал. Так Пипетка получил воркуйскую прописку. Спустя много лет его бабушку угробил свихнувшийся автомат по прошивке печатных плат.

Заблудится в лабиринте маленьких улочек частного сектора В8, было проще простого, но Зиро, конечно же, хорошо знал это район, и вышел максимально коротким путем на переулок

Юннатов, где стоял двухэтажный коттедж его друга. Электронный замок узнал его в лицо, и приветливо открыл калитку. Зиро пересек запущенный дворик (на фэн-шуй Пипетке было определенно положить) и только собирался позвонить, как дверь сама открылась настежь, едва не дав ему по носу. На пороге стояла некая красна девица. Красна девица было реально красна, глаза ее как Светочи пылали. Девица была вне себя — Зиро показалось, что она сейчас как Аи, переполнит своими копиями окружающее пространство. Она бросила жгучий взгляд, на отступившего, на всякий случай, Зиро и обобщила:

- Козлы!

Девица развернулась.

- Чтоб ты сдох чмо болотное! — прокричала она в дверной проем, конкретизируя направление своей обиды.

— Вали отсюда, — вяло огрызнулся Пипетка, откуда-то из глубины дома.

Ага, подумал Зиро. Вчера Пип, как всегда, подцепил какую-то телку, а сейчас настала развязка. Финита ля комедия. Психосоматический тип Финиты Зиро с ходу определил как ТТТ — Типичная Тупая Телка. Все на месте — мини, блондинка, гипнотизирующий макияж, силикон, ботокс, бефалопластика.

Финита разрыдалась и, закрыв лицо ладонями, бежала, компостируя шпильками дерн.

- Так вот что это был за шум! — Зиро, наконец, смог зайти.

Пипетка, растрепанный и слегка опухший, вышел ему на встречу и протянул руку.

- Привет.

- Что, опять?

- Да, блин, — Пипетка выглядел слегка смущенным. — Прилепилась, дурища. Хрен отлепишь. Решила, что у нас все 'серьезно'.

Если к чему Пипетка и относился серьезно, так это к марихуане и музыке. Уж никак ни к женщинам. Но женщины, почему-то, отказывались это понимать.

Зиро миновал прихожую и оказался в окружении музыки — первый этаж своего дома Пипетка превратил в профессиональную студию звукозаписи. Здесь он творил и тут-то все было жутко серьезно. Студия была поделена на две части, звукоизолированная комната со стеклянной стеной, где играли музыканты; за стеной виднелась ударная установка, пара гитар в примочках и многоярусные клавиши. Во второй части студии сосредоточилось все для записи и обработки саунда. Длинный микшерский пульт с кучей крутилок. Компьютеры, мониторы. Ряды металлических ящиков с электроникой, опутанные

толстыми проводами, и выглядевшие жутко профессионально: шкалы и тумблеры с малопонятными подписями. Пленочный накопитель с самой большой в В8 библиотекой сэмплов. Вертушки и диджейские примочки. Полки, заваленные винилом и дисками. Афиши многочисленных музыкальных проектов, к которым Пип приложил руку. Медиацентр. Умопомрачительной цены ламповый хай-фай. Кожаный диван. Фикус в кадке. Кофемашина. Напольный, почерневший от частого употребления, бонг. Здесь все было серьезно, но довольно грязно: пол, усыпанный сигаретным пеплом, тарелки с мумифицированными останками еды, грязные чашки, банки-бутылки, пепельницы с горами окурков…. - короче, атмосфера творческая.

. Зиро только собрался присесть, как вдруг…

- Нет, я не могу так уйти!!!

В дверях стояла Финита. В режиме 'ярость блондинки'. Она шагнула внутрь, со все дури хлопнув дверью, так, что сработала сигнализация. Пипетка кинулся к щиту в прихожей. Финита что-то кричала Пипетке прямо в ухо, но из-за воя сирены не было слышно что.

…. ничтожество! — закончила фразу Финита на выдохе. Сирена замолкла.

- Ты что, думал, переспал со мной и все?!

- Честно говоря, да, — вяло ответил Пипетка.

- Я не такая!!!

- Конечно, не такая, — не стал спорить Пипетка. — Зато я такой. Я тебя не стою, милая. Прощай.

- А это?! — Финита вытащила из сумочки лав-пейджер и сунула ему под нос. — Это что?

Пипетка пожал плечами.

Финита бросила Пипеткино сердце на пол и раздавила каблучком. Сердечко лопнуло брызгами мелкой электроники.

- Послушай, э-э-э, — Пипетка явно не мог вспомнить имени Финиты, — дорогая. Мне жаль, что так получилась. Ну нам же было хорошо этой ночью, правда? Неужели этого так мало?

— Ты говорил, что любишь меня! — Финита опять задумала расплакаться.

Пипетка начал терять терпение.

- Ты че? Совсем дура?

- Говорил! Говорил! Говорил! — Финиту заело. Она достала из сумочки японский уникодер, перепаянный под плёнку. — Послушай, я записала, — она нажала пару кнопок и прокрутила аудиозапись.

- Ооо, я люблю тебя! — рычал Пипетка, под мясной бит и стоны Финиты.

Оп-па, подумал Зиро.

- Так ты записывала?! — Пипетка задохнулся от возмущения. — И что ты еще, интересно, записала?

Слезы на лице Финиты мгновенно высохли. Зиро всегда поражала эта женская функция. Ему казалось, что у всех женщин есть в мозгу переключатель с подписью: 'слезы вкл/выкл'.

- Все! Я всегда все записываю! — Финита презрительно улыбалась. — И аудио и видео. Вот, например, — Финита отжала быструю перемотку.

- Послушай, девочка, — невнятно вещал Пипетка. Он явно был вдрызг пьян. — Я делаю ставку на элитарность. Только элитное креативное дерьмо для уважаемых людей, которые ценят качество, — судя по журчанию на заднем плане, Пипетка повел Финиту на экскурсию в оранжерею. — Мое дерьмо курят на самой верхушке Иглы! А на вал пусть работают остальные. Кому не хватает таланта. Все это ерунда, твои рассказы, — грунт, лампы, удобрения. Тайны для лохов. Секрет в музыке! В позитивных вибрациях! Марихуана это цветок любви! Когда она чувствует любовь, она вознаграждает тебя хорошим урожаем. А что еще, как не музыка есть квинтэссенция любви?!

- Правда? — Пискнула Финита.

- Я тебе говорю! Вот эта вещь, — после короткой паузы заиграла музыка, какой-то этнодаб, с единственным речевым сэмплом: 'If you wanna gimme, i don't give a damn', - дает прирост урожая на 20 процентов! Шишки прямо на глазах пухнут!

Финита нажала на 'стоп' и погрозила Пипетке уникодером.

- Вчера ты был в ударе, дорогой. Много интересного рассказал. Имена клиентов, цены, сорта, секреты всякие…. Думаешь, я не знаю, куда эту инфу слить? Да в этом районе каждый второй дурь выращивает! Я уже не говорю, про всех этих твоих бывших, которых ты поливал грязью весь вечер. Найти их адреса нетрудно. На контрасте хотел сыграть, подонок?

Пипетка изменился в лице. Финита оказалась не такая уж и ТТТ.

- Ну-ка дай сюда! — Пипетка потянул руки к уникодеру, но Финита отскочила, и резво извлекла из сумочки дамский тазер. Розовый, в цветочках.

- Попробуй отбери!

Пипетка отступил. Глубоко вздохнув, он сказал, старясь изо всех сил, чтобы голос его звучал ровно и дружелюбно:

- Милая, ну чего ты хочешь? Если вдруг любви, то ее нет у меня.

- Если нет любви, тогда давай денег!

- Как неожиданно, — пробормотал Пип.

Финита торжествовала.

- Ну и кто кого поимел? — Она прошлась кавалеристским шагом по комнате. — А это что за потаскуха? — Финита заметила Аи, она, как обычно, прицепилась через хот-спот к Пипеткиной панели.

Аи распознала в голосе Финиты агрессию и рявкнула:

- Заткнись, глупая сучка!

Вот так всегда с ней. Ляпнешь что-нибудь, а потом это всплывает в самый неподходящий момент, подумал Зиро и отключил аудиопоток. Онемевшая Аи показала Фините средний палец. Зиро отключил и видеопоток. Только Аи сейчас не хватало.

- Ладно, черт с тобой, — пробурчал Пипетка. Он подошел к микшерскому пульту, и жестом подозвал Зиро. Нажал на нем пару кнопок и вручил другу наушники.

- Сядь, послушай пока. Мой новый микс. Все, лучше чем… — он оглянулся на Финиту. — Я сейчас все улажу.

И Зиро стал слушать, временами поглядывая на Пипетку и Финиту. Их экспрессивная мимика и резкие, ломанные, жесты хорошо ложились на готический брэйкбит в наушниках. Иногда Финита подкрепляла свои доводы, прокручивая записи на уникодере. Что от там наболтал? Потом послушаю, лениво думал Зиро. Он тоже записывал.

Пипетка постоянно прокалывался с женщинами. В романтических связях он был не очень разборчив. Ну поэт, что возьмешь. Зиро, почему-то, вспомнил, как-то они, укурившись в полный хлам, слушали Radiohead на Пипеткином умопомрачительном хай-фае. Пипетка продемонстрировал Зиро косяк. Вот косяк, сказал Пипетка, смахивая слезу. Я его люблю. Но я люблю его не за то, что это косяк, а я люблю косяк за эффект от его использования. После использования я косяк уже не люблю. Любить больше нечего. Вот так же и с тёлками. Все это, брат, сплошные косяки…

Финита и Пипетка, похоже, пришли к какому-то соглашению. Пип скрылся в доме, вернулся с довольно толстой пачкой валюты в руках и сменял ее на маленькую катушку пленки. Финита прожгла его взглядом напоследок и торжествующе покинула поле локальной гендерной битвы. Пип что-то такое сказал ей вслед, что Зиро показалось, что на мгновение свет белый померк. Зиро снял наушники.

- Ну как? — Пипетка присел рядом.

- Нормальный замес. Дергает за душу.

Зиро порылся в карманах и нашел простенькую глушилку, замаскированную под одноразовую зажигалку и отдал ее Пипетке.

- Слабенькая, конечно, но всякую мелочь, вроде мобил и уникодеров, глушит. Включатся, когда прикуриваешь. Ты прям как ребенок!

- Где ты вчера был такой умный? — Пипетка меланхолично щелкал кремнием. Агменты Зиро фиксировали незначительные помехи.

- Насколько влетел?

- А…. Влетел и влетел. — Пипетка махнул рукой. — Слушай, вот тут пакетик с семенами лежал. Ты не видел?

- Нет.

- Вот зараза. Подрезала. Нет, ну что за девки пошли, а?! Невозможно просто. Так и Человека-Паука превратится недолго.

Человек-Паук был известный (единственный) воркуйский серийный маньяк-убийца, резавший женщин где-то на излете совка. Давняя и очень мутная история.

Зиро пихнул локтем в бок пригорюнившегося Пипетку.

- Да бросай ты этот компост, Пип! Секс дело техники! Я уже вообще не представляю, как можно совать в органику. Заходи как-нибудь и мы тебе покажем настоящий хентай!

Аи зарделась.

Зиро подобрал с пола игровой кейпад и вывел на панель меню секс-плагина Аи.

- Смотри, здесь все просто, — Зиро скользил по пунктам выпадающего меню. — Сначала выбираешь партнера. Если тебе не нравится Аи, можешь сменить модель — там, в пресетах, есть еще другие телки. Я регулярно выкачиваю всех основных порнозвезд. А можешь и сам сконструировать кого-нибудь, если не в лом. Количество партнеров не ограниченно. Так, здесь технические настойки: стили, позы, длительность, скорость, глубина, точки….

Зиро ставил отметки на трехмерной мужской фигуре.

- Если сложно, на первых порах, можно все через Мастера Настройки сделать. Зиро включил Мастера Настройки. Мастер Настройки выглядел как Зигмунд Фрейд.

- Учти, это японская версия, она много чего может. Советую попробовать буккакэ. Сейчас очень модно.

- Чего попробовать?

- Буккакэ. Это… эээ… групповая оральная эякуляция, — пояснил Зиро. — Вот тут проставляешь количество шлангов. Если хочешь, у Аи на шее будет специальный воротник, — он приложил к шее растопыренные ладони, — чтобы не одной капли битамина эсу не пропало.

- Чего не пропало?

- Витамина С. Сперма, на жаргоне. Еще прикольно включить

буккакэ вместе с гоккуном.

-???

- С заглотом, — торопливо пояснил Зиро, мельком глянув на ошалелое лицо друга.

— Видишь, тут можно подкрутить визуальный объем спермы, будет мощно, как извержение Везувия. Размер члена тоже можно изменить. Вот, смотри типа дэйкачин-XXL.

- Ого!

- А ты думал!

Зиро увлекся.

- Так, ну это всякая попса: анару — анальный секс, шибари, это такое японское садо-мазо с веревками, дань эпохе Сенгоку, тентакли всякие, зентай, суси на голом теле, ашикоки…

- Ашикоки?!

- Да. Эти типа как пайдзури только не сиськами, а ногами. Древнее японское искусство.

- Ногами?! — Пипетка схватился за голову.

- Потом переключаешь ее в режим лоликон и ставишь вишенку…

- Вишенку?!

- Ну да. Несовершеннолетняя девственница.

Я многого не знал о своем лучшем друге, читалось на лице Пипетки.

— Как настроил, одеваешь экс-костюм. У меня прекрасный Бинарный Экстаз три икса делюкс от Теледилдоники. Дорогой, пиздец. Беспроводной. Полноконтактный, 99, с хером, процентов покрытия тела. Только, короче, дырки для глаз. Все умеет. Невероятные тактильные ощущения. Регулируемая степень влажности. Удобный спермоотвод. Ммм! И все, понимаешь? Задал программу, одел костюм, одел очки, моргнул куда надо и вперед, факку! Потрахался, выключил и забыл. Мозг не страдает. И это главное. На кой тебе все это надо, чувак? Весь этот, — Зиро взболтал рукой воздух, — болливуд? Заходи, мы с Аи тебе все красиво сделаем.

Зиро запустил программу вхолостую, представляя, как дома, в темном шкафу, вспучивается губками-язычками-пальчиками, изгибается и корчится, пустой секс-костюм. Серебристый. Из тончайшей электроэластики.

- Только ты его потом сам постирай.

Пипетка непроизвольно поежился.

- Да знаю я все это. Просто секс-симы не по мне. У меня от всего этого мурашки по коже. Секс с Тенями как… амфетаминовый гон. Так же неправдоподобно совершенен. Она же, — Пипетка кивнул на Аи, — может быть чем угодно. Кого же

ты тогда трахаешь на самом деле? Нули и единицы? Или тебя просто костюм дрочит? Это меня беспокоит.

- А ты не беспокойся. А то не встанет. Пип, это банальная технопаранойя. Ты же все рано так или иначе трахаешься с операционными системами. — Зиро кивнул на Пипеткины компы. — Я просто предлагаю тебе получить от этого удовольствие. В конце концов.

- Старик, ничего не поделаешь. Моя специализация — древнейшие способы обмена данными. Мясные автоматы. Ретро, так сказать.

- Нравится девкам жизнь ломать, красавчик? — Зиро глумливо улыбнулся.

- Да иди ты! Извращенец…. Ты чего, ваще, приперся?

- Дунуть хочу, — сказал Зиро, обнимая друга за плечи и обворожительно улыбаясь.

- Дунуть, он хочет… — Пипетка с деланным недовольством сбросил руку Зиро с плеча. — Дунуть надо заработать!

- За дозу я готов на все! — Зиро едва сдерживал смех. — Хочешь, я убью эту сучку?

Пипетка больше не мог прятать улыбку.

- Ладно, пошли, торчок проклятый.

Музыка-музыкой, но на жизнь себе Пипетка зарабатывал продажей марихуаны. В подвале его дома располагалась гидропонная оранжерея непрерывного цикла, хэмп-фабрика, как гордо именовал ее Пипетка. В подвале все был залито ярким желтым светом, и играл тот самый совершенно секретный даб, повышающий урожайность на сколько-то там процентов. В центре подвала, под батареей рефлекторов с мощными лампами росло где-то десять квадратных метров травы. Свежая посадка, еще в вегетативной фазе развития. Сколько там кустов сказать было сложно — Пипетка растил траву по технологии 'зеленое море' — все кустики сверху были прикрыты крупноячеистой сеткой, которая принуждала растения расти не вверх, а вширь, и освещение распределялось равномерно для всей листвы. Получался этакий ровный газончик дури. По стенам стояли большие пластиковые шкафы — компьютеризованные гроубоксы замкнутого цикла. В самом большом одном тихо прели бонсайные мамки разных сортов, цветущие женские кусты с которых Пипетка нарезал клонов. В других рос разнообразный эксклюзив на разных фазах развития. Пипетка остановился возле одного из них и открыл дверцу. Там было три куста, на глаз вполне созревших — листья почти все опали, могучие шишки побурели. Но Пипетка невооруженному взгляду не доверял. Он оторвал пинцетом по кусочку от каждой верхушки, пошел к

рабочему столу, заваленному всяким садоводческим инвентарем, и некоторое время рассматривал образцы под микроскопом. Ну, нормально, — заключил он и взял в руки секатор. Он выключил свет в гроубоксе, и вытащил горшки с кустами наружу.

- Будем маникюрить. — Пип выдал другу ножницы, перчатки и респиратор. Поставил перед ним три картонные коробки.

- Листья сюда, — показал он. — Крупные шишки сюда, мелкие сюда. — Да благословит нас Джа, — сказал он и отсек верхушку первого куста. Поднес к носу здоровенную, смолистую, усыпанную белыми кристаллами, шишку и понюхал. Зажмурился от удовольствия. Протянул Зиро.

- Понюхай.

Зиро понюхал.

- Чувствуешь, немного дыней отдает? В этот сорт гены дыни подмиксованы. Для ароматной отдушки.

Действительно, оттенок дыни в запахе присутствовал.

- Класс, — сказал Зиро и протянул шишку Аи.

- Сугой! — пропищала Аи.

Пипетка гордо улыбался.

- Как листики обрезать? — спросил Зиро. — Совсем или чуть-чуть?

- Ну так…. — Пипетка щелкунул ножницами. — Чтобы было эстетично.

Когда они закончили, (а это заняло время), Зиро понял, что в принципе, можно уже не и курить. Он встал и размял затекшую спину.

- Ох! Устал, — сказал он жалобно.

- А ты думал! — важно сказал Пипетка. — Это тебе не с девками своими нереальными по Сети скакать. Это, чувак, работа на земле! Тяжелый крестьянский труд! Такой же, как тысячи лет назад.

Они взяли полные дынной травой коробки и понесли к сушильному шкафу. У Пипетки зазвонил телефон. Пипетка поставил свою коробку на пол и ответил на звонок. Разговор был короткий:

- Конечно, есть, что за вопрос? Когда? Ага.

- Сейчас дальнобойщики приедут за товаром, — пояснил он. Часть своего товара Пип поставлял на экспорт в РФ, реализуя его через воркуйских дальнобойщиков.

Как раз тогда, когда они разложили по полочкам все шишки для просушивания, они увидели по мониторам системы видеонаблюдения, что к дому подрулил старенький, японский мини-грузовичок.

- Открой им ворота, пожалуйста. А я пока товар соберу, — попросил Пип.

Зиро поднялся наверх, вышел во двор и открыл ворота. Грузовичок заехал во двор. Из кабины выбрались дальнобойщики. Их было двое. Первый, скорее всего, прикидывался французом. Штаны-клёш, полосатый свитер, кепка, тоненькие аккуратные усики. 'Француз' курил 'житан' без фильтра. Второй косил под шотландца. Он был нечесан и рыжебород, в килте, гольфах, жилете и берете, все как члену шотландского оркестра полагается. Воркуйские дальнобойщики давно превратились в особую касту в городе, этакий гибрид секретного агента и водителя крупнотоннажного грузовика. На них держалось снабжение города, они единственные могли беспрепятственно покидать город. Схема снабжения В8 была простой — товары покупались на подставные фирмы на территории РФ, затем дальнобойщики фурами доставляли их в город. Но так как государственный статус В8 был, мягко говоря, туманный, дальнобойщикам приходилось мимикрировать под иностранцев. Конечно, образы они выбирали максимально затасканные, но, с другой стороны, дальнобойщикам приходилось дурить в основном российских ментов, а тут много ума не требовалось.

Появился Пипетка с объемистой сумкой в руках. Он пожал руки дальнобойщикам, расстегнул молнию и начал выкладывать пакеты.

- Так, — говорил он. — Здесь Мазари Шариф, Скайуокер, Блюберри, Дизель Райдер. Ну и 'Вдова' до кучи.

- А это тебе, чувак. — Один из пакетов Пипетка протянул Зиро.

'Шотландец' кивнул, пошарил под килтом и вытащил несколько толстых, перетянутых резинками, пачек евро.

- А что-нибудь новенькое есть? — спросил 'француз'.

- Ну…. — Пип почесал в затылке. — Есть одна штука. Но не знаю как она вам. Новый трансгенный гибрид. С геном хрена. Типа, для улучшения жизнестойкости. Мощная такая, индика, но приход довольно странный. Пробивает на думы о судьбах Родины.

- То есть? — Не понял 'шотландец'.

- Ну, в натуре! О судьбах Родины. Ну, помните, весь этот интеллигентский кухонный пиздеж?

- Ты чего, подкалываешь нас? — Спросил 'француз', подозрительно глядя на Пипетку.

- Да вы что, мужики? Какие шутки? Это же бизнес!

Дальнобойщики переглянулись. По их лицам можно было догадаться, что они решили, что Пипетка выжег себе мозги.

От Пипа это тоже не укрылось.

- Да попробуйте сами! — Он достал из кармана пакет.

Дальнобойщики-косплейщики опять переглянулись и присели на скамейку. Достали свои, нереальной емкости, трубки и пыхнули.

Некоторое время они сидели молча, уставившись куда-то вдаль. Наконец 'шотландец' изрек:

- Если бы Хрущев увлекся не кукурузой, а коноплей история России сложилась бы по-другому.

'Француз' посмотрел на товарища округлившимися красными глазами.

- А ведь и правда, — сказал он. — Вроде бы мелочь: не та сельскохозяйственная культура. А какие последствия!

- Да за культуру мне даже не говори! — 'Шотландец', взмахнул своей широкой, как лопата, ладонью. — Культура, это то, что всегда не хватало этой стране! Настоящей, правильно торкающей, культуры! И все, понимаешь, только и могут, что руки заламывать — ах, мол, культуры нет ни хрена! Конечно, нет! А откуда ей взяться? Сама по себе она не вырастет! Нужна почва соответствующая. Нужны семена. Уход нужен, удобрения. Режим полива. Культура ведь очень нежная вещь! Ее росточки надо долго холить и лелеять, пока не окрепнут. Пропалывать, подвязывать. И долго-долго ждать пока они смогут дать плоды. А у нас же как? Только, сука, проклюнулось что, мы давай перепахивать, на хрен, все культурное поле. Под предлогом борьбы с сорняками. А пашем-то мы глубоко, этого не отнять! И все херим вместе с корнями! Так хрена удивляться, что культуры нет? Корней же нет, понимаешь?! Вот и не растет ни хрена!

- Да, да! — закивал 'француз'. — Семена это очень важно. Семена, семенам рознь! Ведь если брать что ни попадя, толку не будет.

- Вот видите, — усмехаясь, произнес Пипетка. — И так вот пока не опустит. Я думаю, это все из-за гена хрена. Он, наверное, как-то по-особому на наши мозги влияет. Надо бы на иностранцах эту траву попробовать. На других, так сказать, культурах. Мне она не очень нравится — тема не моя. И слишком уж сильно прибивает. Даже руку трудно поднять, только и остается, что пиздеть. Но прёт она не слабо. Правда, мужики?

- Правда? Ха! Не говори мне про правду! — Начал, было, 'шотландец', но на этот раз он смог себя взять в руки. Они ведь были неслабые ребята, эти воркуйские дальнобойщики.

- А много у тебя этой дури хреновой? — Спросил 'шотландец'.

— Это все, — Пип кивнул на пакет. — Я на пробу вырастил.

- Я беру все. По двойной цене. Да это дерьмо взорвет

московский рынок! У меня там много всякой интеллигенции берет. Это же самое то, что им надо! На этой публике можно нормальные бабки поднять. Сделаешь еще такой?

- Сделаю, — пообещал Пипетка.

- Ну, поехали? — Предложил 'француз'.

'Шотландец' помотал головой.

- Погоди. Гнет еще.

Он встал, и немного пошатываясь, подошел к машине. Долго рылся в кабине, и наконец, извлек оттуда волынку. Уселся на крыльце дома и заиграл какую-то протяжную заунывную мелодию.

Зиро достал свою трубочку и тоже дунул. Вчерашней, обычной травы, придающей оптимизма и разгоняющей туман в мозгу. Некоторое время Зиро слушал волынку. 'Шотландец' играл неплохо, но мелодия была очень тоскливая, видимо, мысли о судьбах Родины, которые все еще одолевали исполнителя, были на редкость безрадостные.

Зиро посмотрел на часы. Пора, пожалуй, двигать.

- Ну, я пойду, — сказал он другу. — Спасибо тебе, чувак. За помощь.

- Да ладно! Тебе спасибо.

Пипетка засунул руку в карман джинсов.

- Не забудь сегодня. — Он отдал Зиро флаер.

- Я приду, — пообещал Зиро.

На флаере был изображен, в векторе, вампир за вертушками. Подпись гласила: 'Только сегодня! Адский микс от Hellblender! Ночь тотального техноготического угара! feat. Mindbending Tomatoes & Can Cancel Cancer. 9 мая, 00.00, Битый Кластер.

006: Все права защищены

«Jammin». Михалыч рассказывал, что эта песня Боба Марли была их любимой в то время. В то время, Михалыч сидел на Игле, служил в радиоразведке. Они там глушили частоты, очищали эфир от капиталистической скверны. С музыки все и началось. Большой фанат западного рока, Михалыч с сослуживцами, записывал западную музыку с радиотрансляций, потом эти воркуйские бутлеги расходились по всему Союзу. Так Михалыч пристрастился к торговле данными. Сейчас он владел одним из самых больших в B8 заводов по производству левых дисков. Михалыч хвастался, что каждый третий пиратский диск в бывшем СССР был отлит на его заводе. В B8 ему многие поставляли данные, в том числе и Зиро.

Завод Михалыча был в другом конце города, в научном секторе, чтобы туда добраться надо было сделать пару пересадок. На одной из них, погода неожиданно слетела с нарезки, и циклоны схлестнулись в схватке. Небо потемнело, налетел холодный арктический ветер, он поднимал тучи мошкары с болота и разбивал о город. Зиро спрятался от непогоды в забегаловке неподалеку. Заведение называлась 'Джексон & веник', внутри оно было украшено комиксами в лубочном стиле, изображавшими, в былинном ключе, историю знаменитой поправки конгресса США, запрещающей поставлять красным высокие технологии. Соответственно, и меню заведения было национально-русское, и Зиро, нагуляв себе аппетит, отобедал борщом боярскими, драниками сметанными, пельменями сибирскими, наблюдая через окно за разгулом стихи. Небо затянуло тяжелыми, синими до черноты, тучами, и разразилась яростная гроза. Зиро пил чай с блинами и смотрел, как, шикарные молнии раз за разом лупят в Иголку, в самое ее острие — никто в городе в дополнительных громоотводах не нуждался. К этому зрелищу невозможно было привыкнуть, оно всегда ошеломляло и пугало как в первый раз. Каждый раз, когда молния вонзалась в башню, Зиро думал — все, это — последний удар, сейчас она упадет, не выдержит гнева Неба. Но Игле все было нипочем, дуре этой бетонной, только снег в агментах, кратковременные сбои связи, шок от удара. Дождь мгновенно разогнался до тропического ливня, словно Господь Бог спустил воду в небесном унитазе. По улицам растеклись реки воды, казалось еще немного такого дождя и болото выльется из берегов и, сожрет, наконец, город, но дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Подул сильный южный ветер, он разогнал

северные тучи, и небо прояснилось. Весь катаклизм не занял и получаса. Глобальное потепление, мать его. Климатический шаффл.

Зиро шагая, по свежей, умытой дождем, улице, добрался до станции монорельса, оседлал 'пулю', и через три с половиной песни Go!Go!7188 оказался в другом конце города, в бывшем научном секторе города, где располагался бизнес Михалыча. От станции до завода было рукой подать. Когда-то в этом приземистом здании, располагался один из многочисленных воркуйских НИИ-ящиков, где изучали аэродинамику, турбулентность и прочие завихрения. Во дворе завода суетились грузчики, они грузили фуры свежим товаром, по двое перенося на плечах длинные шесты, плотно усаженные записанными болванками. Зиро миновал проходную, поднялся на третий этаж, в приемную директора завода. Курносая девчонка на ресепшене, имя которой Зиро постоянно забывал, запрокинув голову и мечтательно приоткрыв ротик медитировала в агментах. Зиро громко кашлянул, чтобы вернуть ее с виртуальных небес на рабочее место. Секретарша испуганно сорвала очки с лица. Увидев, что это всего лишь Зиро она не смогла скрыть вздох облегчения, и, улыбнувшись, поведала, что директор сейчас в цеху. Зиро развернулся и спустился в подвал, где собственно и было сосредоточено производство. В этом подвале, на всю длину здания, раньше стояла огромная аэродинамическая труба. Теперь аэродинамикой здесь и не пахло, но труба, в фигуральном смысле, осталась, и в эту трубу ежеминутно вылетали сотни тысяч долларов правообладателей интеллектуальной собственности. В цеху было жарко и воняло палеными дисками, длинные ряды револьверных станков слаженно штамповали данные. Зиро на минуту засмотрелся, как по конвейерным лентам ползут эти блестящие смешные кругляшки, с которых потреблял информацию внешний мир. Серьезный бригадир в маске и белом комбезе, перекрикивая грохот машин, сообщил, что Михалыч сейчас на складе. Зиро, что делать, пошел на склад. Михалыча он нашел, в каком подсобном помещении в дальнем уголке складского ангара. Когда Зиро вошел в эту, небольшую, заставленную коробками, комнатушку, Михалыч разговаривал по телефону.

-.. будет, мы договаривались. А вот и он! Да. Понял. Жду. — Михалыч повесил трубку.

- Привет, Зиро!

- Привет.

Зиро пожал руку Михалыча. Это был грузный мужчина, с усами, на середине шестого десятка. Типичный такой местный

купчила. Михалыч был без обычных пиджака и галстука, ворот бледно-фиолетовой рубашки расстегнут, рукава закатаны, обнажая густоволосатые руки, с давними армейским наколками. В комнате витал запах дешевой пьянки. На столе стояло несколько бутылок водки ('Болотная Особая'- на спирулине) и какая-то нехитрая закуска из фаст-фуда. В комнате был еще один мужчина, и он лежал лицом в пластиковой тарелке с салатом.

- Товарищу, походу, хватит. — Сказал Зиро, и только тут, заметил, что собутыльник Михалыча привязан к стулу промышленным скотчем.

Михалыч скривился.

- Волк брянский, ему товарищ. Это, сука, шпион! Агент Майкрософт Офиса. Лазил по территории, вынюхивал. Охрана по мониторам засекла.

Зиро с сомнением посмотрел на предполагаемого корпоративного агента. Тот на Джеймса Бонда не тянул. Какой-то такой очень средний. Одет без выпендрежа: джинсы, серый свитер, кроссовки.

- С чего ты взял?

Михалыч хмыкнул.

- Я их, блядей, сердцем чую. Столько лет в органах. — Видя, по реакции Зиро, что он его не убедил, он подошел к агенту, взял его за правую руку и закатал рукав свитера. Затем взял со стола карманный детектор купюр, и посветил ультрафиолетовой лампой в район сгиба локтя.

Под ультрафиолетом, на коже проступили мелкие цифры: 74016-640-0000106-57906.

- Серийный номер МС Офиса. — Пояснил Михалыч. — Они там все меченные.

Аи, стоящая рядом с ним, щелкнула своим фотиком; Зиро рефлекторно сфотографировал номер. Зиро моргнул и сохранил картинку. Вдруг пригодиться?

- Ну и что ты делать с ним будешь? Очистке сдашь? — спросил он.

- А толку? От них потом ничего не добьешься. Мне надо знать, кто его навел. Крамольник обещал разобраться. Яныч быстро из него все дерьмо выбьет. А пока, вот, водочкой отпаиваю, чтоб не дергался. Пусть, падла, хлебнет нашего болотца! — недобро оскалился золотыми зубами Михалыч. Рядом с агентом лежала пластмассовая воронка. Зиро непроизвольно передернуло. Сам агент ни разу не пошевелился за время разговора, и, кажется, не дышал.

- Он вообще, живой?

- Да там и литра не было! Очухается, куда денется.

К черту, это не мое дело, подумал Зиро.

- Вот, как договаривались. — Зиро выложил на стол бобину пленки, переводя, таким образом, тему разговора в нужное ему русло.

- У тебя весы здесь есть?

- Где-то были… — Михалыч открыл дверцу шкафа. — А, вот…

Он, кряхтя, расчистил место на столе для аптекарских весов с набором гирек. Электронные весы в этом бизнесе считались моветоном. С электронными весам гораздо проще сжульничать. Михалыч собрал архаичные весы еще советского производства, уравновесил чашечки и взвесил пленку.

- 100 грамм. — Михалыч, по своему обыкновению, округлил в меньшую сторону. Он достал свой коммуникатор в золотом корпусе, запустил калькулятор.

- Так…. Значит, это у нас 100 петабайт….

Один грамм воркуйской пленки вмещал один петабайт данных.

— … сто петабайт это сто тысяч терабайт… -

Тот факт, что в 1 петабайте на деле не 1000, а 1024 терабайта, Михалыч упорно игнорировал, ссылась на то, что в прайсе написано не 'тебибайт', а именно 'терабайт'. Вот жулик.

- Теперь умножаем на пять…

Михалыч покупал данные по курсу 1 доллар за 1 терабайт. И если бы Зиро был мальчиком с улицы, он бы получил за свою пленку сто тысяч долларов. Но Зиро было не мальчик с улицы, давно в бизнесе. Его Коэффициент Эффективности, составлял пять пунктов. КЭ показывал насколько качественную инфу поставляет на рынок инфодилер, нечто вроде внутрицехового динамического рейтинга воркуйских торговцев информацией. Коэффициент каждого сертифицированного дилера вычисляла по своим формулам группа как бы независимых экспертов Торговой Палаты при Информационном Комитете. По принятым в В8 правилам инфообмена, при оптовых поставках данных гонорар продавца вычислялся путем умножения базового тарифа на КЭ. У Зиро был высокий КЭ, и хоть и не самый высокий, но гораздо выше среднего уровня. Коллеги говорили, что у Зиро нюх на хорошую дату. Ценность данных он определял очень точно и практически моментально. Ему достаточно было взглянуть на список ссылок по результатам поиска, чтобы выбрать верную. Хороша ли книга, он понимал, прочитав лишь несколько строк. Кино — посмотрев титры. Музыка — кликнув наугад в середину звуковой дорожки… Софт он вообще чувствовал, чуть ли не уровне машинных кодов. Зиро и сам толком не мог объяснить,

откуда это у него. Чистая интуиция, скорее всего. Интуиция, помноженная на хороший вкус.

- Ну, короче, пол лимона? — Михалыч закончил свои сложнейшие подсчеты и вопросительно взглянул на Зиро.

- Нормально. — Кивнул тот.

Михалыч продолжил общение со своим драгоценным коммуникатором.

- Все. Бабки ушли, — сказал он, через некоторое время.

В левом ухе у Зиро звякнула мелочь. Аи подтвердила, что вся сумма, за вычетом налогов и банковской комиссии, поступила на его счет.

- Ну, давай. — Зиро начал разворачиваться.

- Погоди. Давай-ка проверим, что ты принес. Может ты всю пленку шумом забил? — Михалыч, прищурив левый газ, с подозрением посмотрел на Зиро.

Вот, блин, барыга, мысленно вздохнул Зиро.

— Валяй, проверяй. — Сказал он, присел на край стола и закурил. Свои любимые австралийские Long Beach. По 30 сигарет в пачке.

Михалыч достал из кармана лупу, отмотал немного пленки и стал рассматривать ее на свет, неубедительно изображая глубочайший интерес. Зиро саркастично за ним наблюдая, пускал дым в потолок. Когда огонек сигареты добрался до фильтра, он посчитал, что дал господину директору достаточно времени на верификацию данных.

- Ну? — осведомился он.

- Да нормально вроде записано. — Михалыч аккуратно смотал пленку.

Зиро, из чувства мелкой мести, демонстративно осмотрел гирьки от весов. Не пропиленные ли. В В8 обвесить дорого не возьмут.

— Ты чего, обиделся? — отреагировал Михалыч. — Ничего личного, только бизнес. Как говориться: хочешь жить — умей вертеться.

- Ты это Джордано Бруно скажи. Галилео Галилею — раздраженно ответил Зиро. Бытовые штампы, с претензией на великую мудрость выводили его из себя.

— Пока. — Он снова повернулся к выходу.

- Да погоди ты! — Михалыч схватил его за рукав. — Чего ты резкий такой? Не обижайся, говорю! — Михалыч взял в руки початую бутылку водки. — Присядь, давай спирулинки дернем!

Зиро бросил взгляд на агента.

- Нет уж, спасибо.

- Да ладно тебе! По маленькой! Праздник же! — наседал

Михалыч, при этом, избегая смотреть Зиро в глаза. Зиро начал злиться.

— Ты чего, с первого раза не понимаешь? Я же сказал 'нет'! И в праздник этот я не верю. И вообще, какого хрена я должен тут с тобой…

Тут за дверью послышался уверенный топот, она распахнулась, и в комнату, сверкая чисто выбритым черепом, и почти выскакивая из своего расстегнутого, длиннополого кожаного плаща, влетел Казимир Янович Крамольник. Его телохранитель, невысокий, но крепко сбитый, широкоплечий бычок, восточной национальности, с плоским лицом и далеко разнесенными глазами, киргиз, видимо, судя по этой национальной шапке из войлока, занял позицию в дверях, блокируя свой тушей выход из помещения. У него над плечом торчало нечто, очень похожее на рукоять самурайского меча, впрочем, Зиро отверг это предположение в силу его полной неправдоподобности. Казмиров бычок уперся в Зиро тяжелым взглядом, напрочь игнорируя всех остальных. Зиро перевел взгляд на Казимира Крамольника.

— Щиро витаю. — Поздоровался Казимир. На его лице играла эта его всегдашняя, брезгливо-снисходительная улыбочка. — Давненько не виделись. — Это он сказал персонально Зиро.

- Привет, — сказал Зиро без всякого энтузиазма. Казимир был не из тех людей, по которым он скучал.

- Вот он, — Михалыч указал на безжизненное тело.

- Вижу, — сказал Крамольник, внимательно рассматривая агента. — Номер списал? — спросил он у Михалыча.

- Вот, — Михалыч протянул Казимиру бумажку с номером.

Крамольник подошел к агенту. Взял за запястье, пощупал пульс. Поднял голову. Голова его болталась как у младенца. Оттянул веко и осмотрел глазное яблоко. Затем, выпрямился и неприязненно посмотрел на Михалыча.

- Ну и что мне с этим овощем делать? — Недовольно спросил он.

- Ну, это… — Михалыч неопределенно взмахнул руками. — Как обычно…

Казимир слегка покачал головой, глядя на Михалыча, как доктор, только по доброте своей душевной не сообщающий больному, что у него запущенный рак. Он пододвинул стул с агентом к стене, отступил на пару шагов, достал из подмышечной кобуры большой черный пистолет и два раза выстрелил ему в грудь. Кровь агента МС Офиса брызнула на коробки с пиратскими дисками. Агент дернулся пару раз и обмяк.

И Михалыч, и Зиро, остолбенев от неожиданности, смотрели на Казимира. В наступившей за выстрелами, звенящей тишине, в голове у Зиро быстро промелькнуло все, что он знал про этого типа.

По национальности Казимир Янович Крамольник был наполовину поляк наполовину украинец. Родился и вырос в городе Ивано-Франковск, в западной Украине. Казимир ненавидел русских. Для кого-то, может быть, это был лишь штрих к портрету, но для Казимира эта ненависть являлась главным внутренним стержнем личности. Они жил ради этого, — чтобы отмстить всем русским на свете, которых он считал воплощением мирового зла. В его ненависти можно было найти свои резоны — за годы советской власти семье Крамольника крепко досталось. Там было все — голодомор, Катынь, УПА, ссылки и лагеря. В этих жерновах перемололо почти всех его родственников. И вся эта боль воплотилась в Казимире. Казимир считал, что во всем этом виноваты только русские и никто другой. И еще в детстве он поклялся отомстить.

Начинал Казимир с борьбы с Советами. Как только Казимир подрос, и поступил на филфак Львовского университета, он, от простого избиения пьяных русских в подворотнях, перешел к организованной подготовке всеукраинского восстания. Он, с такими же молодыми украинскими националистами, создал тайную антисоветскую организацию. Они раскидывали листовки, собирались на тайные собрания, все такое, но Крамольника сдали соратники и его посадили. Первый раз он сравнительно легко отделался. С зоны Крамольник вернулся твердым, как легированная сталь, и снова стал мутить антисоветские заговоры. На этот раз он дошел до формирования вооруженных бригад, но тут его опять сдали свои. На этот раз Казимиру впаяли по полной и отправили воркуйский лагерь. Он вышел в середине 80ых по горбачевской амнистии, когда последняя воркуйская зона была расформирована. Казимир остался в Воркуйске-8, тогда уже с этим было проще. Революции требуют денег, и Казимир решил их заработать в Воркуйске-8. Он сколотил банду, в которой не было ни одного русского, его группировка занималась рэкетом и контролировала большую часть кооперативов в научном секторе города. Ходили слухи, что в то время он поднял большие деньги на красной ртути. Дела его шли в гору, но вдруг Союз развалился. Сам, без всякого участия Казимира.

После, в своих многочисленных интервью местной прессе, Казимир говорил, что день, когда развалился Союз, был самый счастливым днем в его жизни. Однако дальше, в тех же интервью, он сообщал, что недолго радовался. Это была лишь видимость

свободы, Враг сжег красные флаги, переоделся в новые цвета, придумал новые границы, паспорта и деньги, но всюду, всюду, за этой ширмой, Казимир видел знакомый оскал старого режима. И опять, опять, по мнению Казимира, угроза свободы для всех, только что освободившихся их коммунистического плена народов, исходила из Москвы, которая никак не могла избавиться от своих имперских амбиций. Казимир понял — борьба не окончена.

После научной революции он завязал с беспределом (во всяком случае, с явным) и встал на сторону Инфокома, всячески приветствуя независимость Воркуйска-8. Во время блокады он вообще вел себя по-геройски — водил через болото караваны с продовольствием и лекарствами, чем спас множество жизней, за что был награжден Болотной Звездой — звездой героя Воркуйска-8. Большинство горожан и знали его, как местного героя, борца за свободу Воркуйска. Однако постепенно дорожки Крамольника и Комитета разошлись. Инфоком не хотел обострения отношений с Россией, а Казимир хотел идти до конца. Он хотел развалить Россию, по воркуйскому сценарию, расчленить ее на десяток-другой малых государств. Комитет его не подержал. Но Казимир не сдался, и стал реализовывать свой план на свой же страх и риск.

Первую часть этого плана, — ослабление роли России в бывших союзных республиках путем передачи власти в них антироссийским силам, Казимир худо-бедно осуществил. Все эти цветочно-цветные революции, когда-то прокатившиеся по постсоветскому пространству, были его рук дело. (Главное в революциях, правильно выбрать их символ, говаривал Казимир.) Геополитический шулер, Казимир так ловко передергивал из Воркуйска-8 финансовые и информационные потоки, что о существовании его, Казимира Яновича Крамольника не догадывались даже ключевые фигуры этих революций, все происходило как бы само собой, а в Кремле привычно думали на Белый Дом. Но со временем, все эти разноцветные революции обернулись пшиком. Русская нефтегазовая труба оказалась сильнее демократических идеалов, кроме того, многие граждане новых независимых государств, почему-то упорно отказывались ненавидеть русских. Это очень удивляло Казимира. На этом успехи Крамольника закончились.

Говорили, что сейчас Кузьму, как назвали Крамольника в Комитете, держат на коротком поводке. На его подрывную деятельность в бывших советских республиках в Игле смотрели сквозь пальцы, это им было выгодно, так как отвлекало внимание Кремля от В8. Но любые попытки Казимира повлиять на ситуацию

в самой России твердо пресекались. Все что сейчас оставалось Казимиру — мелкие пакости. Вроде поставки в РФ отравленного польского мяса.

- Что-нибудь при нем было? Хорошо обыскал? — голос Казимира вырвал Зиро из потока мыслей, в текущий момент пространства-времени, в котором, теперь, кроме всего прочего, был и свежий труп.

Михалыч тяжело сглотнул и ответил:

- Он пустой вроде был. Даже мобилы не было.

- Это странно, — задумчиво проговорил Казимир, продолжая поигрывать своей пушкой. Эта большая, больше Беретты, квадратная, в глухом металлическом кожухе, зверюга, напоминала те пистолеты, с какими бегала Лара Крофт в ранних версиях, когда разработчики еще экономили на полигонах. Зиро, как и многие мальчики, был немного задвинут на оружии, и узнал этот редкий пистолет. Это был так называемый 'АП СБЗ 2', так же известный как Пернач, одна из последних модификаций пистолета Стечкина. 'АП СБЗ 2', расшифровывалось как 'Автоматический Пистолет Стечкина, Бельцера и Зинченко второй модификации'. Стечкин, Бельцер, Зинченко. Делая оружие можно добиться полного межнационального консенсуса, подумал Зиро. Мало что так сближает людей.

- Ладно. На обратном пути утопим труп в болоте, — сказал Казимир, и вдруг интенсивно зашморгал носом. Еще секунду назад у него не было ни малейшего признака простуды, а тут, в мгновение ока, он покраснел, глаза его начали слезиться, а из носа полило, так, будто там прорвало какой-то внутренний клапан. Казимир торопливо нашарил в кармане оранжевый носовой платок, и несколько раз оглушительно чихнул. При этом он, не отрывая платок от лица, вертел головой в разные стороны что-то высматривая. Наконец, его взгляд остановился в одной точке, на потолке. Казимир резко, от бедра, вскинул Пернач и выстрелил. Над головой Зиро, с звонким треском, лопнула и зашипела-заискрила, спрятанная под пластик камера видеонаблюдения. Казимир трубно высморкался на прощание, снял очки, и принялся протирать запотевшие стекла. Лицо его не сулило ничего хорошего.

- Извини, Казимир… мямлил Михалыч, непроизвольно пятясь. — Я совсем забыл. Но это видео для внутреннего пользования! Чтоб кладовщики хуи не пинали!

- Он забыл… Забывчивый какой, — сказал Казимир и вновь водрузил очки с круглыми стеклами, на свой тонкий, крючковатый нос.

- А может тебе ухо отстрелить, кацап ты драный, чтобы ты

запомнил, блять, — никаких камер в моем присутствии!!! У меня аллергия на видеосъемку!!! Я ненавижу этот запах! — размахивая пистолетом, орал он.

- Сейчас я ему память поправлю, — зловеще сказал телохранитель Крамольника. Он отлип от стены и нетерпеливо переминался с ноги на ногу, всем своим видом показывая — одно слово Казимира и он с огромным удовольствием размажет Михалыча по стене.

Кровь отхлынула от лица Михалыча. Казимир молча смотрел на него в упор. Под его суровым взглядом директор становился все бледнее и бледнее и, кажется, худел на глазах.

- Будем бить рублем, — наконец вынес вердикт Казимир. — Ты же поможешь народу Украины с москалями за газ расплатиться?

- Нема пытань, панове! — Михалыч вдруг заговорил по-украински. — Мне ради свободы наших братьев от нашего брата ничего не жалко. Выбачьте, шановни друзи! — сказал он и зачем-то поклонился.

Казимир скривился. Видимо Михалыч где-то не правильно поставил ударение. Казимир не вносил издевательств над родным языком.

- Ладно, парни. С вами, конечно, очень весело, но мне пора. — Подал голос Зиро.

- Зиро, подожди минутку. У меня к тебе дело есть, — сказал Казимир.

Да что ж такое сегодня, подумал Зиро.

— Что такое?

- Да понимаешь, у нас в конторе что-то с Сетью случилось. В последнее время резко упала пропускная способность нашего канала. В инфопотоке стали появляться эти, как их… — Казимир потер лоб. — Цепные циклы, да? Ну, когда дата на одном месте крутится, как в водовороте, слипается и канал забивает. Не знаешь из-за чего это?

- Ну… Скорее всего, кэш на ваших прокси-серваках забился. Но так не скажешь точно. Надо смотреть.

— Ну, так может ты посмотришь?

Делать мне больше нехрен, подумал Зиро.

- А чего я? Ты в техподдержку позвони. Это их обязанность.

- Ай. Что ты их не знаешь? Пока заявку примут, пока рассмотрят, а потом еще ждать черте сколько, когда они там соизволят задницу от стула оторвать. А нам работать надо!

- Ну, тогда давай я тебе телефон дам, у меня ребятки есть знакомые, они как раз датастоки чистят. Все сделают в лучшем виде.

- Слушай Зиро, — вздохнул Казимир. — Я работаю только с теми, кого я знаю. Тебя я знаю, ты один из лучших специалистов. Да для тебя это плевое дело! На полчаса. Я заплачу, сколько скажешь. Только надо прямо сейчас, у нас вечером очень важная сессия. Ну, давай, решайся.

Меньше всего Зиро хотелось мараться о данные Казимира, но Крамольник, обожавший чуть что палить во все стороны, был не из тех людей, которых можно было просто так послать. Пока Зиро соображал, какой бы отмаз придумать, Казимир обратился к телохранителю.

- Ну, чего стоишь? Займись! — он указал на труп.

Телохранитель кивнул и направился к мертвому агенту. Зиро увидел, что у него и, правда, за спиной висела катана. Телохранитель извлек меч из ножен. Примерился и рубанул труп по шее. Он ударил бездарно, как крестьянин, неловко замахнувшись и растеряв силу на половине удара, и, как следствие, клинок нелепо застрял в шее. Телохранитель уперся в труп ногой и с трудом вытащил меч. Полуотрубленная голова агента повисла на сухожилиях, как пробка, привязанная к горлышку бутылки. Да ты прям Семь Самураев, не меньше, подумал Зиро, глядя на этого идиота, с окровавленным Мечом в руках.

- Ты чё, обалдел?! — воскликнул Казимир. — Когда я сказал 'займись' я имел ввиду — упакуй его!

- Я хотел удар потренировать. На настоящем теле лучше, — немного виновато сказал Семь Самураев.

- Ты слишком много смотришь японских мультиков, — заметил Казимир после некоторой паузы.

Что касается Зиро, то всем его вниманием завладел Меч. Зиро кое-что понимал в самурайских мечах и это был Настоящий Меч. Не новодел какой, старинный, породистый Меч. Зиро просто чувствовал как от этого, сверкающего в свете ламп лезвия, веет древней историей. Этой вещи здесь быть никак не могло. Нахождение этого Меча, здесь и сейчас, противоречило каким-то малопонятным, но совершенно неоспоримым законам мироздания. От этого у Зиро голова пошла кругом.

- Зиро, слушай…

Аи еще раз щелкнула камерой и прогнала фотографию Меча через сетевые поисковики. Одно совпадение. Старая черно-белая фотография. Улыбающийся сержант американской армии в форме времен Второй Мировой позировал с мечом в руках, (явно не с этим) на фоне большой кучи мечей в ножнах, судя по инвентарным бирками на каждом, реквизированных у японских офицеров. Ну и какой же из них этот?

- Эй, Зиро! — Окликнул его Казимир.

- Чего? — Зиро с трудом оторвал взгляд от катаны.

- Ну так что? Поедем? — немного нервозно спросил Крамольник.

— Куда? Ах, да. Поехали. Гляну что там у тебя.

- Добре! — повеселел Казимир.

Это мой Меч, думал Зиро. Он для меня. И он будет моим. Он почему-то был в этом абсолютно уверен.

007: Новый Прометей

- Бедняга. Ты его видел? Он же ему мозги сжег водярой! Вот выродок. — Сказал Казимир таким доверительным тоном, словно они с Зиро были, как минимум, друзья детства.

Зиро и Казимир стояли на стоянке перед заводом и наблюдали, как Семь Самураев, при помощи водителя Казимира, носатого грузина, пытаются запихать черный пластиковый мешок с трупом агента в багажник тачки Казимира, черного 'бэнтли'.

- То есть ты хочешь сказать, что ты его от страданий избавил? — сказал Зиро.

Казимир насмешливо посмотрел на него.

— А ты что хочешь сказать? Что я…эээ… хладнокровный садист? Фашистская сволочь? — сказал он, комично поджав губы и выпучив глаза.

Зиро промолчал. На самом деле ему было плевать на агента. Против Воркуйска идет необъявленная война. Агент был враг, а врага уничтожают. Если не мы их, то они нас. Мир суров, но, тем не менее, продажи МС Офиса неуклонно растут.

- Ничего-ничего, — Крамольник великодушно махнул рукой. — Фашист так фашист. Часть имиджа, знаешь ли. С москалями только так и надо. Москали и кацапы признают только силу. Пока в чан не двинешь, до них не доходит. А фашисты для них сила! Кстати о фашистах. Ты, случайно, не читал, эти нацистские учебники для вермахта, как обращаться с москалями на оккупированных территориях?

- Случайно не читал.

- А зря. Очень полезная для бизнеса книга. Сразу понимаешь, как дела с кацапами делать. Во-первых, четко формулируешь задачу. У кацапов всегда были трудности с логикой. Когда перед ними ставят задачу, а потом говорят, коротко и четко, по шагам, как ее достичь, на них это производит большое впечатление. Все — дал задание и потом подгоняешь хлыстом. — Казимир изобразил, как он подгоняет кацапов хлыстом. — Только прямое подавление! Главное, не вступать с кацапами в разговоры. Кацапы могут любого заболтать до смерти. Да, немцы всегда очень хорошо понимали кацапов. Ну понятно — кацапы это те же немцы, только наоборот…. — Ну что вы возитесь! Давайте, быстрее! — прикрикнул он на своих людей.

Зиро только сейчас заметил, что Аи глюканула. Когда он вышел из складского ангара, она застряла в стене, рядом с воротами. Анимация движения зациклилась, Аи дергалась как эпилептик, в нескольких местах скин сполз с полигональной

модели. Магия присутствия пропала. Аи, конечно, не гуляла по улицам города вместе с Зиро, она, тоже выражаясь фигурально, гуляла по дискам муниципальных серверов. Там где в реальном времени шел обсчет цифрового ландшафта B8, компьютерной модели города. Модель целиком повторяла реальный город — там, где стена в реале, там стена и на модели. Цифровой ландшафт превращал город в единое информационное пространство, и все AR-функции были завязаны на него. Но в этом месте, видимо, цифровая разметка не была проведена корректно. Аи попала в слепое пятно, где координаты виртуального города не совпадали реальными. Такое частенько случалось на окраинах, где тестирование проводили спустя рукава. Подпрограмма AR-визуализации Тени выкинула сообщение об ошибке и предложила перезапуск. Зиро закрыл программу. Иногда все эти AR-штучки сильно отвлекают.

Бойцы Казимира наконец справились с трупом и багажником. Они сели в машину; Зиро и Семь Самураев сзади, Казимир рядом с водителем. Машина тронулась.

Зиро думал только об одном — как бы увести у этого дурня катану. Она была прекрасна. Зиро рассматривал ее богато декорированную гарду-цубо — два дракона оплетали друг друга, и рукоять из простого светлого дерева, обтянутой потертой кожей ската. Черные лакированные ножны выглядели почти новыми, видимо были сделаны недавно.

- Где ты его взял, клоун? — Спросил Зиро у Семи Самураев.

- Не твое дело. — Семь Самураев грозно сдвинул брови.

- Что, нравится игрушка? — Казимир, повернувшись в пол оборота, решил поучаствовать в беседе. — Наш трофей. Отбили на разборке с якудзой. В девяностые.

Зиро хмыкнул.

- Якудза? В Воркуйске? А какое дело якудзе до B8?

- Якудзе до всего есть дело, — веско сказал Казимир. — Это очень дотошные люди

Зиро не поверил ни единому его слову. В якудзу он не верил. Эта 'якудза' сейчас не более чем гопники с рабочих окраин японских городов. Какие, нахрен, разборки в Воркуйске?

- Казимир, ты смотрел фильм 'Расёмон'?

- Нет. А что?

- Да ничего.

- Да я вообще не люблю кино, — принялся разглагольствовать Казимир. — Кино самый тупой вид искусства. Смотреть кино все равно, что в окно смотреть. Никаких умственных усилий не требуется. Ленин, вон, не зря кино хвалил. Он прекрасно понимал, скотина, как кино массы отупляет. Вот

литературка другое дело. Чтение это вид труда. Чтение развивает. А кино так… Красивая обманка для быдла.

Зиро мог бы назвать несколько фильмов, которые, по его мнению, заставляют думать, но у него не было ни малейшего желания затевать искусствоведческий спор с Крамольником.

- Меч сам по себе ничто. Он оживает только в руках война, — сказал он Семи Самураям.

Вместо ответа, Семь Самураев тупо просверлил его взглядом.

Зиро вздохнул.

- Продай. Любые деньги дам.

- Ха! — Семь Самураев стукнул коленом по коробке. У него на коленях стояла картонная коробка, битком набитая валютой. Вклад Михалыча в энергетическую независимость Украины.

- Слушайте, пацаны. Давайте я вам там все настрою, что вам надо. А вы мне этот Меч. Если что я еще и доплачу. На кой он вам? У вас другие игры.

- А ты у нас, значит, мечи самурайские любишь? — Сказал Казимир таким тоном, словно сделал пометку в записной книжке. — Ну да, ну да. И девчонка эта твоя японская….

- Так что? — Настаивал Зиро.

- Только через мой труп! — Семь Самураев громко задекларировал свою позицию. Он вцепился в рукоять Меча и обиженно смотрел на шефа. Словно ребенок, которому пригрозили отобрать любимую игрушку.

- Посмотрим, посмотрим. — Казимир деланно оценивающе взглянул сначала на телохранителя, потом на Зиро — Через чей там труп получится.

Зиро напрягся. Крамольник это заметил.

- Ой, да расслабься ты, Зиро, — обезоруживающе улыбнулся он и всплеснул руками. — Шучу я. Шучу! Договоримся! Я, Казимир Крамольник, всегда щедр к лояльным мне людям.

База Казимира располагалось на окраине научного сектора, совсем недалеко от болота. Когда-то здесь была станция спутникового слежения, две огромные тарелки торчали над высоким бетонным забором с колючкой поверху. Створки глухих черных ворот медленно расползлись в стороны, и они заехали во двор. Первое что увидел Зиро за воротами: вооруженных автоматами людей, в камуфляже и в масках. Охранники, больше смахивавшие на боевиков, отдали честь автомобилю. Они вышли из машины. К Казимиру сразу подбежали несколько человек, он отошел и начал с ними о чем-то перетирать. Зиро огляделся. На базе Крамольника витал дух какого-то, как показалось Зиро, нездорового оживления. Суета, шум, гам. Кругом бегают какие-то

запаренные люди с оружием. Бухали пневматические молотки, сверкала сварка — у подножия станции слежения заканчивали монтаж интерфейса для разгрузки дататрака. Высокую ажурную арку облепили рабочие, внизу несколько человек, матерясь, катили катушку проводов высотой в человеческий рост. В центре другого очага возбуждения находился оранжевый грузовик, похожий на машины муниципальной дорожной службы. В его крытый кузов закатывали большие колеса для грузовика. Казимир вернулся.

— Ну, пойдем. — Он резко развернулся, и, цокая по асфальту каблуками, пошел в сторону непримечательного трехэтажного здания. Семь Самураев грубовато подтолкнул Зиро, мол, иди следом.

У входа висела табличка 'Открытый Евроазиатский Институт Геополитических Исследований'. Они миновали холл (охранники за мониторами вскочили с мест и отдали Казимиру честь), и поднялись на второй этаж. Казимир свернул налево. Они прошли по длинному серому коридору, минуя двери с табличками типа 'Склад Компромата' и 'Лаборатория Громких Политических Отравлений'. Казимир остановился у двери с надписью 'Отдел Медиатеррора' и приложил палец к электронному замку. За дверь оказался довольно просторный зал, там рядами стояли столы с сетевыми терминалами. На стене висела большая цифровая карта постсоветского пространства. Она напоминала метеорологическую карту в реальном времени, только вместо атмосферных фронтов — зоны медиапокрытия и пунктирные стрелки финансовых потоков. Внутри никого не было. Зиро по-хозяйски присел к ближайшей консоли, щелкнул курсором по соответствующей иконке на десктопе, и начал вникать в топологию местной сети.

- Зиро, руки покажи, — сказал Казимир.
- Чего? — удивился Зиро.
- Руки покажи. — Повторил Казимир.
- Зачем?
- Покажи, говорю!

Тьфу ты, подумал Зиро. Параноик хренов.

- Ну вот. — Он протянул ладони к Казимиру. — Ничего нет.
- Ему, — Казимир кивнул на телохранителя.

Зиро повернулся к Семи Самураям. Тот вцепился в его запястья мертвой хваткой, и, провернув нехитрый приемчик, вывернул руки Зиро за спину. Это было так неожиданно, что Зиро не успел оказать никакого сопротивления. Казимир достал наручники из кармана плаща и сковал руки Зиро.

— Какого…! — Зиро попытался встать, вместе со стулом, к

которому его пристегнул Казимир, но Семь Самураев навалился на него всем своим весом, вжимая в землю. Этот коренастый уродец оказался неожиданно силен.

Казимир достал из кармана нимб и довольно грубо натянул его Зиро на голову.

'Уууууух….', - затухающий звук в наушниках, похожий грустный вздох. Перед глазами Зиро возникло окошко: 'Обрыв соединения'. Связь пропала, Зиро оказался в абсолютной информационной пустоте. Вместо постоянного шепота сети, уши сдавила ватная тишина. Нимб полностью экранировал владельца, блокировал входящий/исходящий трафик, глушил записывающие устройства. Стопроцентная инфоблокада. Выглядел нимб как терновый венец из проводов, проволоки и разномастных конденсаторов. Кустарная воркуйская штучка.

- Вы чё, в конец охренели?! — воскликнул Зиро.

Казимир молча извлек из-под плаща свой огромный пистолет. У Зиро на миг все оборвалось в груди, он подумал, что они его сейчас кончат, как того агента. Однако Казимир, выдержав паузу, просто положил ствол на стол. Не обращая на Зиро внимания, он достал упаковку таблеток, это было один из этих американских амфетаминов. Выдавил парочку из блистера и растолок рукояткой Пернача в белую пыль. Вдул через ноздрю. Скривился.

— Лекарство. От аллергии. Нос уже ни к черту, — пояснил он. Как будто Зиро волновало его здоровье.

Зиро немного расслабился. Ничего они ему не сделают. Руки коротки.

Казимир взял стул и сел напротив Зиро. Стянул с его лица агменты и посмотрел в глаза. Вид у него был очень серьезный.

- Зиро, с сеткой у нас все в порядке, — сказал Казимир. — Ты мне нужен для другого дела.

- Что же это, вашумать, за дело такое, что мне надо руки выкручивать?!

- Я хочу слить данные из восьмого датахранилища, — ровно, как будто речь шла о каком-то совершенно обыденном деле, сказал Казимир.

Зиро не поверил своим ушам. Он давно утвердился во мнении, что Казимир абсолютно безумен, но это его заявление свидетельствовало о том, что он серьезно недооценил степень его сумасшествия. Восьмой датахран — закрытый архив Инфокома. Там хранилась информация о деятельности Комитета. Все о городе. Все о его гражданах. Попросту говоря, там были все тайны В8. Эти данные принадлежали только Комитету и больше никому. Высший уровень секретности, допуск категории 'А'. Короче

говоря, Казимир Крамольник решил наехать на Комитет. Неслыханное дело! Еще никто в В8 не восставал против Инфокома. Кто же осмелится кусать кормящую руку?

- Казимир, — мягко, как надо разговаривать с психами, сказал Зиро. — Если ты захотел себе свернуть шею, это твое дело. Но я тут причем? Я даже не спрашиваю о причинах этого безумного поступка — у тебя все равно ничего не выйдет.

- Ты так считаешь?

- Конечно, черт, нахрен, дери, я так считаю! — Взорвался Зиро. Это же не шутки! Это гостайна! Восьмое войска охраняют! Ты что, штурмом собрался брать антенный остров?! Да вас всех просто перестреляют к едрене фене!

Казимир хмыкнул.

- Думаю, обойдется. Но если что, мы можем и пострелять. Короче, слушай. Схема такая — в семь вечера по расписанию, на антенный остров идет инфокомовский дататрак с бэкапом дневных данных. Он как раз будет разгружаться в восьмом датахаране. Мы его перехватим и в нем поедут мои люди. Антенный остров сегодня практически без охраны. Почти весь гарнизон сейчас в городе, будут следить за порядком во время этих гребанных празднеств. И все начальство тоже будет в городе. Территорию будут патрулировать всего три наряда. Да и те наверняка перепьются по случаю великой, — Казимир скривился, — победы. Мы спокойно подъезжаем к восьмому датахрану и перекачиваем инфу в грузовик. Коды доступа у меня есть. Смена, что будет на дежурстве куплена целиком. Сливаем и валим, не нарушая расписания. Никто ничего не заметит.

- Гениально, — сказал Зиро. — Казимир, ты гений. Я бы тебя зааплодировал если бы меня руки не были связаны. У тебя все получится. Вперед! Но я-то тебе зачем? Чтобы было с кем поболтать по дороге?

- Дататрак вмещает 20 тонн пленки, следовательно, его емкость около двух зеттабайт. Данных в восьмом датахране йоттабайт на 5. И большая часть, как обычно, мусор. Времени у нас будет немного — на все про все два часа. В 22.00 дататрак идет обратно в город, чтобы не привлекать внимание мы не должны нарушать расписание. У тебя хорошее чутье на ценную информацию. И у тебя лучше всех натасканная Тень. На самом деле, я тебя из-за твоей девчонки и выбрал. У нее, как говорят, феноменальная скорость обработки запросов. Твой нюх, плюс ее скорость, и мы все успеем. Вот зачем ты мне нужен — ты должен выбрать на скачку из восьмого ценной инфы на два зеттабайта. Мне все равно что. Лишь бы это была действительно важная информация.

- Спасибо за комплименты. Нам с Аи очень приятно. Кстати, о Аи. Как ты верно подметил, она отлично натаскана. Если я исчезаю с ее локаторов, она ставит на уши весь город, — Зиро помотал головой в нимбе. — Извини, Казимир. Придется, отложить это дело. Скоро сюда вломятся эсбэ, пожарные и скорая помощь.

Казимир сморщился и раздраженно потер лоб.

- Мне, право, неприятно, — сказал он. — Ты что думаешь, я идиот? Что я не знаком с списком функций Теневой ОС? Что я настолько туп, что упустил из виду, что каждая Тень присматривает за своими хозяином? — Казимир покачал головой. — Мальчик, мы ведем тебя уже неделю. Мои хлопцы раскурочили всю твою оболочку. Когда ты сел в мою машину мы переключили твою Тень на нашу утку. Теперь она ее ведет. Она думает, что ты сейчас у друга своего, этого, как его, который музыкант.

- Ты блефуешь. — Сказал Зиро. Что он мог еще сказать?

Казимир порылся в карманах.

- Вот, хлопцы из компьютерного отдела мне дали, — он сунул распечатку под нос Зиро. — Узнаешь?

Зиро посмотрел на бумагу. И похолодел.

Там были его частоты. Расшифровка сигнальных кодов Аи. Его ключи шифрования. Схема трафика. Пароли доступа. Вся его цифровая подноготная.

Тут-то Зиро и понял, что серьезно влип. Теперь он понял, чего Аи глюканула на складе. Кроме того, он припомнил, что всю прошлую неделю, пока он пиратствовал в Сети, он чувствовал странное покалывание в сенсорном костюме. Его кто-то ощупывал, а он не придал этому значения. Попался, как лох. Какие-то там Казимировы хлопцы поимели его в сухую. Черт побери, дался мне этот Меч, подумал Зиро.

- Я не хочу в этом участвовать, — наконец выдавил он из себя. — Эта затея — чистое самоубийство.

- Самоубийством будет твой отказ сотрудничать, — холодно произнес Казимир. — Вот это самоубийство. Я лично против тебя ничего не имею, Зиро, но теперь ты слишком много знаешь. Если ты откажешься сотрудничать, он, — Казимир кивнул на Семь Самураев, — попрактикуется в отрубании голов.

Семь Самураев попробовал эту идею на вкус и довольно оскалился.

Черт-черт-черт, думал Зиро. Что же делать?

- Я не люблю людей заставлять, — продолжал Казимир. — Это контрпродуктивно. В любом деле важна личная заинтересованность. Я готов поделиться с тобой данными.

Можешь взять двадцать процентов, на свой выбор. Представь, какие это огромные деньги! Разбогатеешь! Да с такими бабками даже можно будет из B8 уехать! Задолбало, небось, болотце-то родное?

На пулю в голову я разбогатею, подумал Зиро. Смятение и растерянность уступили место злобе.

- Значит, деньги — процедил он. — Борец, значит, за идею. Данко, блять, с горящим сердцем на вынос! Сколько же нужно жрать человеку, чтобы нажраться? Тебе что, бабок мало?! — Зиро пихнул коробку с деньгами ногой, она стояла на полу, на расстоянии удара. На пол посыпались пачки валюты.

- Бабки? — удивленно поднял бровь Казимир. — Я разве что-то говорил про деньги? Ты прям как москаль, Зиро, — сказал он укоризненно. — Одна извилина в башке, и та все время о бабле думает. Деньги меня не интересуют.

- А что же тебя, мать твою, интересует?!

- Правда. — Коротко ответил Казимир. — Свобода. Историческая справедливость. Я хочу уничтожить Россию. Освободить угнетенные кацапами народы. Сбросить с их шей удавку энергетического рэкета Москвы. Раз и навсегда покончить с москальским игом!

- Бог в помощь, — ядовито сказал Зиро. — Я, в принципе, за. Я их тоже не люблю. Но причем здесь данные из восьмого? Они только B8 касаются. Ты ничего не путаешь?

Казимир, кажется, не заметил сарказма. Он вскочил и возбужденно начал прохаживаться перед Зиро взад-вперед. Похоже, амфетамин подействовал.

- Я долго терпел. — Сбивчиво заговорил Казимир, размахивая Перначом — Я слишком долго молчал. Но этот праздник стал последней каплей! Верхушка Иглы давно думает только о себе! Они предали все, что нам дорого! Нам всем плюнули в душу! Комитет продал нас москалям! Они превратили Воркуйск в цифровую шестерку Кремля. Теперь мы отвечаем за идеологию. Это мы создаем в москальских телевизорах образ счастливой свободный державы. Кремль ворует сырье, Комитет ворует информацию — и они покрывают друг друга. Москва не дает внешнему миру свернуть нам шеи, а мы за это оболваниваем москальское быдло, чтобы оно не свернуло шеи им сами. Власть Кремля держится только на воркуйском телепиаре. На той лжи, что рендерят наши сверхмощные компьютеры. Иголка затуманила мозги миллионам! Чтобы сломать эту долбанную вертикаль надо захватить телевидение! Этим мы и займемся. Кодовое название нашей операции — Новый Прометей.

Про план 'Прометей' Зиро что-то слышал. Кажется, так

назвался план польской разведки, по расчленению молодой Советской России на отдельные мелкие государства. Тогда эта задача полякам оказалась не по зубам.

- Мы взломали коды управления спутниковой группировки Орбита, обеспечивающей ретрансляцию федерального телесигнала на удаленные территории России, — продолжал Казимир. — Орбита вещает на Восточную Сибирь, Дальний Восток, Якутию, — он показал дулом пистолета на карте где это. — Это цель нашей атаки. Нефтегазовые регионы. Главный источник дохода Кремля. И главное их оружие. Мы захватим частоты и начнем свое шоу в прямом эфире. И на это раз в нем будет только правда! Смонтированная с порно, для привлечения внимания. Представь, приходит такой средний работяга с работы, включает телевизор, и видит, вместо привычных клоунов режима, сочную групповуху. А после эякуляции идет актуальный репортаж на тему, кто, как и сколько спиздил денег. Тут до любого дойдет, как его власть имеет. Я все покажу, как есть! Как были сфальсифицированы выборы. Как работает коррупционная схема распила сырьевого бабла. Конкретно, доходчиво, с цифрами и фактами. С упором на деятельность местных властей. Я все про всех знаю, у меня на каждого крупного чиновника досье. Я всю свою базу по откатам солью в эфир! Кто, сколько, за что. Я покажу, как это наглое ворье жиреет на сырье, пока те, кто его добывают, стираются в кровь к пятидесяти годам. В этих регионах давно зреет недовольство. Люди там начинают понимать, не смотря на весь тот туман, что испускает Игла, что содержание Москвы обходится им слишком дорого. Надо только поднести горящую спичку и весь этот нефтегазовый пузырь взорвется. Этой горящей спичкой и будет наша трансляция. За этим, с вероятностью 90 процентов последует бунт. Нефтегазовая труба будет перерезана. А когда Москва лишится трубы, РФ рухнет. Боже мой, сколько я ждал этого момента! Наконец, я отомщу этим гадам за все!

- Погоди, — сказал Зиро. — То есть ты хочешь провести нелегальную трансляцию на государственных частотах? Я правильно понял? Но это же нарушает Пакт о Невмешательстве! И если в Москве поймут, что сигнал идет из В8….

Казимир отмахнулся.

- Вряд ли. Москали слишком тупые. Наш трафик будет хорошо замаскирован. Следы будут вести, — он ухмыльнулся, — в США. Они в это с охотой поверят. Ненависть к Америке у москалей в крови.

- Но Инфоком-то ты не наебешь!

- Верно. И, конечно, эти пробляди кремлевские меня сразу

москалям сольют. Поэтому мне и нужен архив Комитета. Если они наедут на меня, я солью данные из восьмого датахрана во всемирный публичный доступ.

Зиро на время потерял дар речи.

— Ну ты и сволочь, — сказал Зиро, когда схлынул шок от последнего заявления Казимира. — Вот так, запросто, готов всех нас продать ради собственной шкуры? Ну ладно, Рашка. К ней особый счет, да. Но наши-то люди в чем виноваты?! Да если весь мир узнает, чем мы тут занимаемся, нас в момент передавят, как котят! Ракетами забросают! Бомбу атомную, нахер, сбросят!

- Вот поэтому Инфоком мне ничего не сделает. — Ухмыльнулся Казимир. — Да не волнуйся ты так! Я уверен — до этого не дойдет. Шансы велики как никогда. Я все просчитал. Ты пойми! Подумай глобально! Это твой шанс войти в историю! Уничтожить, наконец, эту империю зла! Возможно, тебе наплевать на Украину, Польшу, Грузию, Прибалтику, на все те народы, у которых Москва снова хочет отнять свободу. Но ты подумай о B8! Ты думаешь, эта наша беззаботная жизнь будет вечно длиться? Как бы Комитет не юлил и заискивал, рано или поздно Москва уничтожит Воркуйск. Это же совершенно очевидно! Москали все уничтожают, к чему бы не прикоснулись. Такова их природа. Единственный шанс выжить — ударить первым!

Это ты, гнида, готов уничтожить все, что мы так долго строили, думал Зиро. Это ты раскачиваешь лодку и подставляешь B8 под удар. Черт побери, мы только-только зажили как люди! Распад Союза, революция, война, блокада…. Люди устали от потрясений. Они хотят стабильности. А ты готов все это взорвать к чертям, мегаломаньяк хренов! Впрочем, Зиро прервал сам себя, до этого не дойдет. Потому что все кончится гораздо раньше, на антенном острове, где их всех перестреляют к чертовой матери. Сейчас о своей шкуре думать надо, а не судьбе народов. У Зиро остался только один аргумент, который, как он считал, мог подействовать на Крамольника.

- Казимир Янович — едко осведомился он, — одного не могу понять, как же ты меня взял в это дело? Я же натуральный москаль! Или кацап? Русский, короче. Папа русский, мама русская, без вариантов. Ты же с русскими не работаешь, не так ли?

Казимир смерил Зиро взглядом.

- Ты на наш сайт заходил когда-нибудь?

- Нет, конечно!

- Вот я и вижу, что ты плаваешь в терминологии. У нас на сайте про кацапов и москалей все четко разведено. В разделе

часто задаваемых вопросов. — Казимир вздохнул. — Ладно. Объясню лично. Если мы собираемся работать вместе, между нами не должно быть недопонимания. Так называемые русские делятся на два типа: кацапы и москали. Кацапы, это русские вообще. Москали это те, кто лежат под Москвой. Москали это худшая форма кацапа. Да и вообще худшее, что может быть. О том, как отличить кацапа от москаля информация в другом разделе. Тут, конечно, практика нужна. По глазам проще всего. Когда видишь эти наглые, постоянно бегающие вороватые глазки….

- Тогда я кацап, — перебил его Зиро. — Русский, не лежащий под Москвой. Правильно? Мне нельзя доверять. Мне жаль, Казимир, но я, походу, не прошел расовый контроль. Я не могу участвовать в этом историческом грабеже. Что делать, против крови не попрешь. Развяжите меня, я пойду.

- Ну, зачем ты наговариваешь на себя? — вкрадчиво сказал Казимир. — Ну какой ты кацап? Ты посмотри на себя! С тобой все в порядке, я проверил. У тебя же бабка из Мариуполя, так?

Бабушку свою Зиро почти не помнил.

- Из Мариуполя? Ну, может быть. Да в В8 кого не возьми…. У любого нашего человека можно найти родственников в Украине!

- У любого хорошего человека, — поправил Казимир. — Кацапы самая низшая форма славян. Поэтому украинская кровь гораздо сильнее кацапской. Если в человеке есть хоть капля украинской крови, она легко забивает всю эту кацапскую гниль. Так что не переживай. Ты не кацап. — Говоря это, Казимир был абсолютно, непрошибаемо, железобетонно серьезен.

Господи, подумал Зиро. Кузьма совсем головой поехал.

- У нас мало времени, — Крамольник скрестил руки на груди. — Определяйся, Зиро. Час пробил. Ты с нами или нет? Что ты выбираешь? Умереть или прославить свое имя в веках? Смерть или подвиг?

Думать тут было не о чем. В том, что этот псих пришьет его, не моргнув глазом, Зиро не сомневался. Зиро, для приличия, помолчал несколько секунд и ответил:

— Подвиг, хуле. Давайте все сдохнем во имя всеобщего блага. Всегда об этом мечтал. Вива ла революцион! — Зиро снова надел свою любимую саркастичную маску. Словно все происходящие его не очень касалось. Словно он единственный человек в мире, а все остальное лишь бездарно нарисованный фон.

Казимир недоверчиво смотрел на Зиро, как бы сканируя на искренность. Зиро, для убедительности, решил добавить 'личной

заинтересованности'.

- Только одно условие. Вы мне, после всего, Меч отдадите.

- Меч? Дался он тебе…. Ну ладно, базара нет. Меч так меч, — кивнул Крамольник.

- Но…, - начал Семь Самураев.

- Не ной! — Оборвал его Казимир. — Я тебе новый куплю. — Он бросил ключи от наручников Семи Самураям.

- В машину его посади. И следи за нимбом! — приказал он своему телохранителю.

008: Стрелы Бога

Зиро сидел как на иголках. Он был в оффлайне, спасибо, нимбу, уже, наверное, час. Последний раз он был в оффлайне года три назад, вместе со всем городом, во время бунта скачков. Скачки занимались транзитом больших объемов информации. Они требовали у Инфокома увеличения информационных квот в свою пользу, но Комитет, естественно, на это не пошел. В отместку скачки саботировали сеть. Они запредельно накрутили трафик, сеть не выдержала нагрузки и рухнула. Связь пропала на пол дня. В городе началась паника, люди боялись потерять свои докачки. Скачкам тогда крепко досталось. Потом, им, кажется, даже не предъявили официальных обвинений — суда разъяренной толпы оказалось более чем достаточно.

Семь Самураев молча сидел рядом и хмурил брови.

- Ну, может перед смертью откроем друг другу души? Откуда у тебя этот Меч? — обратился к нему Зиро.

- Богиня солнца Аматэрасу послала его мне, — ответил Семь Самураев. Лицо его было непроницаемо серьезно.

- По почте? Или лично вручила?

Семь Самураев не снизошел до ответа.

- Да вы, я вижу, все тут с головой не дружите, — подытожил Зиро.

- Заткнись! А то опять наручники одену, — огрызнулся Семь Самураев.

Разговора по душам не получилось. Зиро смотрел в окно и молча аккумулировал злость. Ну, гады, я вам покажу, думал он. Не знаю еще, как, но вы мне заплатите! Крамольник тем временем затеял митинг. Он забрался на крышу фургона оранжевого грузовика с мегафоном в руках, вокруг собралась все члены его геополитической ОПГ: человек семьдесят-восемьдесят, не меньше. Кого там только не было — таджики, молдаване, узбеки, прибалты, грузины, армяне, евреи, украинцы, чеченцы, какие-то малые народы Севера, черт знает кто еще; какой-то постсоветский Вавилон — такое впечатление, что Крамольник, как Ной, собрал в свою банду каждой твари по паре. Весь этот интернационал был вооружен — в основном автоматами, но попадались люди с пулеметами и гранатометами. Они явно готовились к войне.

Казимир поднес мегафон ко рту.

- Любы други! — начал он, приложив руку к сердцу. — Воистину, этот день станет днем великой победы. Но не той, лишившей народы будущего, превратившей полмира в ГУЛАГ, а

подлинной, настоящей победы! Днем победы свободы, совести и разума! Сегодня последний день России! Сегодня эта чудовищная страна отправится в ад!

Бандиты молча внимали свому лидеру.

- Да, это трудное и опасное дело, — продолжал Казимир. — Пути назад не будет. Но вы не должны знать страха! Боятся, значит уподобляться москалям! Ибо нет на свете трусливей нации. Они всего бояться! Боятся, что что-то изменится. Боятся, что ничего не изменится. Но больше всего они боятся друг друга. Чувство общности в них просыпается только в случае внешней опасности, но это реакция загнанной в угол крысы. Поэтому их постоянно готовят к войне. Поэтому им постоянно нужен враг! А на самом деле враг в них самих! Они сами себе враги! Никто так не ненавидит своих соплеменников как москали! Все они спят и видят, как убивают друг друга! Прекрасно! Мы дадим им такую возможность! А что им останется, после того, как мы покажем им, кто они есть на самом деле? После того как они увидят правду, без всех этих воркуйских прикрас? Сегодня мы разрушим иллюзию о великой могучей державе, что вдалбливается им в головы! Ту иллюзию, что лепится засаленными от денег руками в этой проклятой башне! — Казимир указал на Иглу.

— И после, братья мои, нам остается только сидеть и ждать. Мы будем смеяться, глядя, как москали душат друг друга. Как они с пеной у рта, вцепятся друг другу в горло! И не бойтесь Комитета! Нет никакого Информационного Комитета! Есть только идеологический отдел Кремля! Есть только предатели, которые продали нашу свободу за грязные московские нефтедоллары! Братья, на наших плечах лежит высочайшая ответственность! Только мы можем спасти цивилизованный мир от этих агрессивных варваров! На нас сейчас смотрят миллионы детских глазенок, замерзающих зимой в холодных домах! Мы их единственная надежда! Мы не позволим их трубе задушить нашу свободу! И мы победим! Мы не можем проиграть, потому что на нашей стороне правда! И даже если мы все погибнем сегодня, — Казимир выдержал драматическую паузу — это будет не зря! Наши имена станут образцом мужества и героизма в памяти последующих, свободных и счастливых, поколений! Кацапстан должен быть разрушен! Пусть он утонет в собственном гавне! — Казимир нажимал на букву 'г'. — Да здравствует новая эра! Эра правды и свободы! Ни брехни! Ни брехни! — начал скандировать Крамольник, дирижируя Перначом.

- Ни брехни! Ни брехни! — слаженно подхватило сборище, потрясая оружием.

Чертовы зомби, подумал Зиро и отвернулся.

Казимир наорался вволю и распустил собрание мановением руки. Дверь хлопнула — он сел в машину.

- Ну как я был? Убедителен? — спросил Казимир у Зиро, подмигнув. Он был неприятно бодр.

Зиро изобразил зевок.

- Ты был как всегда.

- Ну, поехали! С богом! — Сказал Казимир. Он ерзал от нетерпения.

Некоторое время они бесцельно колесили по городу. Зиро с тоской смотрел на беспечно слоняющийся по улицам народ и думал, — вряд ли хакеры Казимира смогли добиться стопроцентной имитации его обычного входящего/исходящего трафика. Это невозможно и Аи это наверняка просечет. Вопрос в том, достанет ли у нее мозгов все перепроверить? Скажем, позвонить Пипетке, и проверить с ним ли он на самом деле? А если нет? Зиро с ненавистью смотрел на бритый затылок Казимира. Ему очень хотелось двинуть по этому затылку чем-нибудь тупым и тяжелым.

Где-то через полчаса Крамольник приказал остановить у похоронного бутика под названием Неоновый Стикс.

- Я сейчас. Заказ заберу, — Сказал Казимир и вышел из машины.

Пока он отсутствовал, Зиро внимательно, (даже слишком внимательно), изучил загробный ассортимент. Теперь он был полностью в курсе, почем сейчас, так сказать, хостинг для трупов. Большую часть витрины занимал роскошный цифровой гроб для похорон с десктопом, что в В8 считалось наивысшим шиком. Гроб весело мигал светодиодами, на жк-экране в крышке крутилась графическая презентация с техническими характеристиками. Пусть душа покойного ищет успокоение в Сети! Еще в витрине стояло несколько надгробий со счетчиками посещений. Зиро понравилось, то, что было сделано в виде первого процессора пентиум, того самого, с ошибкой. Вот уж точно — могильный камень. Также предлагались услуги по изготовлению посмертных мультимедийных дисков и мемориальных сайтов. От всего этого настроение у Зиро совсем упало.

Казимир вернулся с большим траурным венком. По лентам из телекса бежали слова скорби (на украинском) в адрес боевиков УПА, вперемежку с цитатами из Кобзаря.

- Я вам покажу День Победы. — Казимир смотрел в сторону Иглы. — Я вам такую победу покажу… — Он открыл багажник, собираясь положить туда венок. — О, черт! — Он хлопнул себя по лбу. — Мы забыли скинуть труп! Ну ладно, черт с ним, по дороге в болоте утопим. Напомните мне!

Они еще немного покатались, пока Казимир не проинформировал о начале первой фазы операции. Они заехали на парковку одного из крупных супермаркетов. Казимир исходил из принципа: хочешь спрятаться — вообще не прячься; на парковке было полно машин, кругом сновали разнополые потребители с тележками, набитыми покупками; и конечно, никому и в голову не могло прийти, что в этом бэнтли готовятся совершить самый дерзкий теракт в новейшей истории Воркуйска-8. Крамольник нацепил на себя гарнитуру связи, положил ноутбук на колени. Открыл крышку и застучал по клавишами.

Напротив висел большой уличный билборд, агитирующий молодежь идти служить в очистку. На рекламном щите был изображен юноша с открытым лицом и холодным взглядом, в киберкаске, с подписью: 'Служба Инфобезопасности. Чистота. Порядок. Будущее. Записывайся сейчас!'. Ну и куда вы смотрите? — мысленно спросил Зиро юношу. Юноша, понятное дело, не ответил. Зиро отвернулся, и через плечо Казимира, заглянул в экран лэптопа. Все ясно — в одном окне кусок карты города, по ней ползет зеленый треугольник, означающий дататрак, в других окнах видео с головных видеокамер его людей. Казимир видел всю картину разом, издали координируя операцию. Зиро было не свойственно уповать на высшие силы, но тут он взмолился: 'Господи, сделай так, чтобы этот сумасшедший хохол облажался!' Но не на того напал. Этот сумасшедший хохол хорошо подготовился.

Хакеры Крамольника вломились в систему управления трафиком, и подменили сигнал от инфокомовского дататрака на собственную симуляцию. В принципе, думал Зиро, если бы операторы трафика на вахте занимались бы делом, а не дрочили бы там по углам, они могли заметить, как ползущий по карте маркер вдруг, ни с того, ни с сего, моргнул и поднять тревогу. Но где там — кто же у нас на работе-то работает?

- ОК, мы его ведем, — выслушав рапорт взломщиков, сказал Крамольник в микрофон.

- Казимир, и как ты не путаешь, кто кого ведет? — влез Зиро.

Казимир скривился и нервно постучал пальцем по виску.

- Помолчи, бога ради! Я работаю!

Банда Казимира, под видом дорожных рабочих, подкараулила грузовик где-то в глубине промсектора; серый, до крайности унылый, район складов, гаражей и слесарных мастерских. Мало людей, мало машин, мало камер. Дататрак стремительно приближался к группе оранжевых жилетов,

которые, прикрывшись предупреждающими знаками, бурно имитировали трудовую деятельность на обочине. Один из этих псевдодорожников, сбросил кусок брезента со стоявшей на дороге, тяжелой на вид, квадратной штуковины, с тумблерами, шкалами и кнопками. Из прибора выходило два провода, которые вели к двум толстым, с руку толщиной, медным электродам, выбитых в дорожное покрытие. Террорист занес руку над прибором и… тут надо кое-что объяснить по воркуйские автомобильные дороги.

Воркуйск-8 очень гордился своими дорогами. Настоящее чудо техники — проложены с учетом всех требований логистики, ровные и гладкие, как скатерть, с подогревом в зимние месяцы, со светящейся жидкокристаллической разметкой и голографическими дорожными знаками, которые голопроекторы проецировали в воздухе над полотном. Самое же дорожное покрытие было сделано из наномодифицированного асфальта, который обеспечивал идеальное сцепление с колесами, на лету меняя свою структуру в зависимости от погоды (например, в дождь покрывался мелкими пупырышками), да еще и мог сам себя ремонтировать, — трещины и мелкие выбоины затягивались сами собой. Но это было еще не все — сейчас в В8 переходили на дорожное покрытие нового поколения. Этот наноасфальт второй версии кроме прочего, реагировал на резкое торможение автомобиля. При торможении температура дорожного покрытия под колесами автомобиля резко возрастает от трения, на это и реагировал асфальт, который в этом случае моментально размягчался, снова превращаясь в ту вязкую и очень липкую субстанцию, которой он был в момент укладки. Сделано это было ради повышения безопасности автодвижения, ведь, как правило, резкое торможение — прямое следствие опасной ситуации. И если на обыкновенном шоссе, истеричный визг тормозов часто означает некоторое количество трупов и груду искореженного железа, то на воркуйской нанодороге второго поколения машины лишь намертво приклеивались к асфальту, как мухи прилипают к клейкой бумажной ловушке. Не навсегда минут через пять-десять асфальт вновь застывал. И надо заметить, хоть такая особенность воркуйских дорог временами и приводила к курьезным ситуациям — количество жертв ДТП в городе неуклонно сокращалось.

Это шоссе, было как раз из таких, второй версии. Боевик повернул регулятор температуры до максимального значения, и участок шоссе, по ходу движения грузовика, моментально превратился в твердый клей. Зиро очередной раз невольно поразился наглости Крамольника. Подонки взломали дорогу!

Дататрак резко сбросил скорость и, пропахав две недолгие колеи в дорожном покрытии, остановился как вкопанный, рыча работающим вхолостую двигателем. Его колеса дымились. Водитель торопливо заглушил мотор. Судя по всему, некоторое время внутри кабины шла дискуссия. Наконец, дверь со стороны водителя открылась. В руках у пожилого усатого шофера была длинная палка, которой он несколько раз опасливо потыкал в асфальт. Убедившись, что дорога снова пригодна для передвижения, водитель, вместе с инженером резервного копирования, вылезли из машины и направились в сторону дорожной бригады. Водитель, адресуясь к оранжевым, завел длиннющую матерную тираду, на такие способны только советские шофера с большим трудовым стажем. Масштаб проклятия поражал воображение, но непосредственно до сути своих претензий этот мастер словесности не успел добраться — когда экипаж грузовика поравнялся с оранжевыми, один из них вскинул пневматический пистолет и выстрелил. Водитель и инженер, рухнули, как подкошенные, на предательский асфальт.

- Надобраничь, — ухмыльнулся Казимир. Пистолет был заряжен дротиками с какой-то вырубающей химией.

Боевики действовали быстро, слаженно, без лишней суеты. Инженера и водителя оттащили к обочине, натянули им на лица тонкую пленку из косметической эластики, таким образом, они мгновенно изготовили две маски, точные копии лиц своих жертв. Двое из террористов скинули оранжевые робы (под ними была синяя форма коммунального отдела), натянули новые лица, и поспешили к кабине. Остальные молниеносно, как на гонках Формулы 1, поменяли колеса дататрака. Закончив, они со стволами наперевес, открыли задние двери фургона, и спрятались внутри, между бобин с пленкой. Оставшиеся спешно замели все следы дорожных работ — затолкали дорожные инструменты, знаки и бесчувственные тела инженера и водителя в машину дорожной службы.

- Выбросьте их возле какого-нибудь бара, подальше отсюда, — приказал Казимир. — И не забудьте им ногти спилить!

Вся операции не заняла и пятнадцати минут.

- Ух, — выдохнул Казимир и вытер вспотевший лоб носовым платком. — Половина дела сделана, хлопцы. Осталась самая веселая часть! Гони к Игле!

Зиро нервно заерзал. Он поднял руку, что бы поправить нимб, но Семь Самураев пихнул его в бок рукоятью Меча.

- Даже не думай, — предупредил он.

- Чего? Да у меня от этой хреновины голова чешется!

- Скажи спасибо, что еще есть чему чесаться!

- Скажи спасибо, что богиня солнца Аматэрасу не ебнула тебе по голове с неба!

- Заткнитесь! Оба! — рявкнул Казимир. У него пискнула гарнитура. Казимир выслушал рапорт и чертыхнулся.

- Их остановили на КПП. Дорога перекрыта. Ждут кремлевскую делегацию, мать ее перетак. Пока москали не проедут, дорога для всех закрыта. Нашли время! Вот с москалями всегда так — вечно лезут куда не надо и…

Тут Казимир, с видимым усилием, взял себя в руки и новой лекции о сволочной сущности москалей они не услышали.

- Ладно. Хрен с ними. — Сказал Казимир своим людям в дататраке. — Говорят ждать — ждите. Из машины не выходить. В разговоры не вступать. Я сейчас подъеду. Устрою им сцену. — Он порылся в бардачке, нашел там свою Болотную Звезду героя Воркуйска и небрежно приколол ее на лацкан плаща.

- Давай быстро к КПП! — приказал он шоферу.

Зиро ликовал, не особо пряча свои чувства.

Чтобы добраться до резиденции Информационного Комитета, надо было пройти пару проверок. Первый блокпост стоял на выезде из города, второй, уже на острове, при въезде на режимную территорию. На первом обычно не шмонали без особого резона, он обеспечивал лишь предварительную фильтрацию. Поэтому-то Казимир и не ожидал тут никаких задержек. Водитель утопил педаль газа до днища и очень скоро Зиро созерцал приземистое серое здание, окруженное кольцами колючки, с окошками-бойницами, и крышей, густо поросшей антеннами. Шлагбаум был опущен, дорога закрыта. Дататрак стоял у обочины шоссе.

Патрульный махнул им светящимся жезлом, приказывая остановиться. Это был младший лейтенант, три молнии на лычках. Он был не один, напарник (его звания Зиро не разглядел) лениво прохаживался возле дататрака. Младший лейтенант втянул лицевой дисплей в шлем и направился к машине. Он был молоденький, даже не лейтенант, так, лейтенантик, наверное, только из училища. Даже усы не мог толком отрастить. Несерьезность юности компенсировала внушительная экипировка — инфокомовский спецназ был упакован по полной. На лейтенанте было все — гелиевая броня, очки-мониторы, сканеры-датчики, умные стволы с умными патронами, микропроцессоры в каждом квадратном сантиметре. Инфоком на военных денег не жалел.

- Сиди тихо, — зловеще предупредил Зиро Семь Самураев. К Мечу добавился еще и пистолет, Зиро почувствовал, как дуло уперлось ему в бок. Казимир опустил тонированное до полной

черноты стекло.

- В чем дело, офицер? — холодно спросил он.

- Казимир Янович? Здравия желаю! — лейтенант воркуйских вооруженных сил отдал честь. — Прошу прощения, но дорога перекрыта. Ждем гостей. Надо немного подождать.

- Ладно, я подожду, — раздраженно произнес Казимир. — У меня же полно времени!

- Еще раз, извините, — сказал лейтенантик. Ему явно было неловко. Как же, он заставляет ждать самого Казимира Яновича Крамольника! Легендарную личность! Кавалера Болотной Звезды!

- А кого ждем? — Спросил Казимир, раскуривая сигарету и краем глаза наблюдая за напарником лейтенантика, который все вертелся возле грузовика.

- Вы разве не знаете? Российскую делегацию. Прибыли на празднование Дня Победы.

- Дожили, — сокрушенно сказал Казимир. — Москали в Воркуйске. За это ли мы боролись, а офицер? За это я болото прошел вдоль и попрек? Чтобы всяким московским шавкам дорогу уступать? — когда Казимир упоминал болото, у него дергалась щека. Лейтенантик взглянул на Болотную Звезду Казимира и совсем стушевался.

— Мне это, честно говоря, тоже не по душе, Казимир Янович, — понизив голос, сказал он. — Но я что? Я солдат. Я просто выполняю приказы.

Что-то пискнуло у него в шлеме — начальство вышло на связь. Лейтенантик отвернулся.

- Так точно! Все чисто. Есть ждать! Понял. Слушаюсь, товарищ полковник!

- Ну, вот и они, — сказал он Казимиру.

Сначала в вечернем, темнеющем, небе показалась целая туча дронов, а через пару минут мимо них промчался сам дипломатический кортеж — впереди и сзади инфокомовские черные джипы с охраной, а между ними машины с российским номерами, — в основном, так любимые русской элитой, дорогие 'Мерседесы' и BMW, с мигалками на крышах.

— Блять! — Вышел из себя Казимир. — Ты посмотри на них! С мигалками! Как будто у себя дома! Едут, мать их, по Воркуйску, как по Рублевке!

Он высунулся из окна, и, потрясая кулаком, заорал вслед удаляющейся кавалькаде:

— Эй, упыри! Валите назад в свою Кацапетовку! Это наш город! Наш!

Лейтенантик смотрел на Казимира с нескрываемым восхищением. Того и гляди, автограф попросит.

- Недолго вам всем осталось! — напоследок пообещал Казимир мигалкам, и вновь обратился к лейтенантику:

— Ну, что, офицер мы можем, наконец, ехать?

- Еще нет, Казимир Янович. — Лейтенантик опять рассыпался в извинениях. — Отбоя еще не было. Думаю еще полчаса, пока доедут. Хотите кофе? Я сбегаю!

- Очень любезно с вашей стороны, лейтенант.

И лейтенант пошел за кофе.

Хорош защитничек, подумал Зиро.

Свет уличных фонарей мигнул и погас. Потом снова загорелся. Потом опять погас. Опять загорелся. У Зиро загудела голова. Точнее, это не голова загудела, а загудел нимб на его голове. Нимб гудел и вибрировал, так сильно, что голова тряслась. Зиро не успел сообразить, что к чему как один за другим на нимбе стали рваться провода.

Младший лейтенант вышел из дежурки, осторожно неся в руках бумажный стаканчик.

В салоне автомобиля надрывно завыла сирена. Зиро, и все остальные террористы, подпрыгнули от неожиданности. Звук шел из очков. Аи вопила сиреной только в случае смертельной опасности. На пределе мощности динамиков.

- Что за…?!! — Семь Самураев выронил пистолет от неожиданности. И сразу поплатился — Зиро резко двинул ему локтем в горло, согнул ноги в коленях и со всей силы ударил в дверь машины. Выворотив замок, он вылетел из автомобиля и несколько раз перекатился по асфальту. Боковым зрением он заметил, как Казимир бросился вслед за ним.

В следующее мгновение огненная полоса разрезала небосвод на две части, и в машину Казимира с диким воем ударила огненная стрела. За этим последовал мощный взрыв. Зиро задохнулся от жара, на пару секунд ослеп и оглох. Он осторожно поднял голову и увидел на месте машины глубокую яму. Из ямы валил черный дым — горело то немногое, что осталось от автомобиля.

Ошарашенный лейтенант сдернул автомат с плеча и заорал:

- Тревога!

Казимир, которого ударной волной бросило на землю, вскочил, молниеносно выхватил из подмышки свой Пернач и выстрелил лейтенанту в грудь. Лейтенант упал. Его бронежилет, наполненный особым наногелем, который моментально затвердевал при ударе, выдержал выстрел — но несколько ребер он явно поломал и лейтенантик потерял сознание от болевого шока.

- Лежать, — прошипел Казимир, и начал расстреливать

камеры.

Перед глазами Зиро плясали яркие круги света, их оставила на память его сетчатке яркая вспышка. Напарник лейтенанта, стреляя короткими очередями, отступал к КПП. Зиро бросился, было, бежать, но споткнулся обо что-то и снова растянулся на шоссе. Скосил глаза — он споткнулся о человеческую руку. Она сжимала катану в ножнах. Это все, что осталось от Семи Самураев

Аматэрасу?! На миг Зиро преисполнился мистического ужаса.

— Кацапье тупое, — устало сказал Казимир, перезаряжая обойму. — Все проебут. Ничего поручить нельзя. Сука, Михалыч, маркер проебал. Ну, как, как можно было его не заметить?! — Он покачал головой. — На части порву, гниду.

Из грузовика, выскочили боевики в масках и начали палить во все стороны. До Зиро, который благоразумно продолжал лежать на земле, чтобы не словить пулю, дошло, что произошло. Божественно вмешательство действительно имело место. Правда, немного не в той форме, в какой это изображают различные религии. На них обрушились Стрелы Бога. Такое называние впечатлительная пресса придумала для американской военной системы точечного удара орбитального базирования. Боевые спутники, заряженный десятком здоровенных вольфрамовых стержней. Все просто, даже тупо: по наводке с земли на голову жертвы падает кусок металла. Тут даже никакой боезаряд не нужен — чудовищной кинетической энергии, которую приобретает это копье, падая с орбиты, вполне достаточно, чтобы посадить на кол очередного врага демократии. Или, как в нашем случае, нарушителя авторских прав. В тело засланного агента, судя по всему, был вживлен маркер — он должен был навести на пиратский завод Стрелы Бога. Маркер сработал, когда они притормозили на блокпосте. Но Аи таки смогла засечь своего хозяина, перехватила сигнал маркера, прогнала его через свои фильтры, признала опасным и успела послать предупреждающий сигнал такой мощности, что пробила блокаду нимба. Судя по тому, что мигали фонари, она для этого задействовала дополнительные энергоресурсы.

Вот умница, с нежностью подумал Зиро. Накину ей пару эксабайт на своп. Порадую деточку. Если, конечно, жив останусь.

Боевики Казимира, ощетинившись стволами, заняли круговую оборону возле грузовика. Из КПП выбегали бойцы, на ходу застегивая броню. Один из них был с базукой. Без лишних раздумий, он вскинул адскую трубу на плечо, припал на колено и выстрелил. Ракета угодила в кабину дататрака и он взорвался. Боевиков шарахнуло оземь. Из разорванного кузова во все

стороны хлынул черный поток, маслянисто сверкающий в свете фонарей. Пленка. Слетевший с катушек носитель информации черными щупальцами стремительно расползался по шоссе — это было целое плёночное наводнение. Сначала плёнки было по щиколотку, потом стало по колено, и она все прибывала и прибывала. Передвигаться стало невозможно, плёнка цеплялась за ноги и бравые воркуйские вояки и Казимировы террористы, падали, запутавшись в ней, пытались встать и снова падали, с каждым движением запутываясь в ней все больше, вязли, как в долбанной трясине. Казимир добавил неразберихи — метнул чесночную бомбу. Место боевых действий накрыло зловонным облаком, жуткий запах прокисшего чеснока выедал глаза, раздирал глотку, продирая до самых кишок.

Зиро торопливо натянул агменты, потом растянул воротник куртки и обмотал им лицо от подбородка до глаз. Он подполз к Мечу, разжал мертвые пальцы. Вскочил на ноги, освободил клинок от ножен и поднял над головой. Лезвие блеснуло в ночи, и какая-то странная волна прошла по его телу от затылка до пяток. Зиро начал остервенело кромсать Мечом черную массу. Острый, как свежая бритва, клинок рассекал пленку легко, словно теплое масло, только ошметки во все стороны. Зиро быстро вырвался из магнитного плена и оглянулся. Черт знает что, полный хаос — уже и не разобрать кто свой, кто чужой, все в плёнке с ног до головы, кто-то стреляет не понятно в кого, кто-то блюет от чеснока, кто-то просто орет и лишь Казимир спокойно стоит по колено в плёнке и протирает очки. На лице — крайняя степень раздражения.

- Ну, блять, ладно. В другой раз, — зловеще пообещал он и нырнул в темноту.

Зиро спрятал Меч под куртку и, пригибаясь, быстро-быстро побежал в сторону ближайшей станции монорельса. Повезло — 'пуля' на станции, как раз отправляется. Зиро едва успел протиснуться между закрывающихся дверей, украдкой отдышался и выбрал себе место в конце почти пустого вагона. Положил Меч на колени и напустил на себя скучающе-безразличный вид. Всю дорогу он пялился в спину какого-то панка. Панк был в косухе из телекса, и один из ее кусков, в районе лопаток, показывал Восьмой канал. Зиро ожидал что-то вроде срочного выпуска новостей и сообщения о теракте. Но по Восьмому шла какая-то обычная бодяга, очередной круглый стол по поводу Дня Победы. Официальные сетевые ресурсы тоже молчали. Зиро немного успокоился. Может, пронесет? Он сошел на своей станции, и не торопясь, прогулочным шагом, и даже, кажется, насвистывая, дошел до родного мейнфрейма. Поднялся на лифте, открыл

ногтем дверь квартиры и шагнул в темную прихожую.

- Милая моя, ты не поверишь что было… — сказал он Аи, закрывая дверь на все замки. Оборачиваясь, он заметил блеснувший в темноте тонкий красный луч. В ту же секунду в него выстрелили из тазера.

009:Инфинити

'Катиться по наклонной плоскости'.

Да, так мама это называла. Разговор шел о жизни Инфинити. Мама, кажется, припомнила все возможные штампы.

Инфинити некоторое время развлекала себя тем, что представляла их в лоб:

Вот она, безвольная тряпичная кукла катится вниз по бесконечной плоскости в сеточку, как в старинных видеоиграх….

Вот она аккуратно снимает крышку своего черепа и 'берется за ум'…

Вот она раздвоилась и 'отдает себе отчет'. В папочке. Отчет, в смысле.

Мама длинно и нудно говорила в том смысле, что ее, Инфинити, красота не бесконечна, что пусть она не выпендривается, рожать все равно придется, а по опыту предыдущих поколений, лучше всего рожать как раз в ее возрасте, говорила, что, наверняка, из тех мужиков, что вокруг нее вертятся, можно уже выбрать, наконец какого-нибудь принца! Мужики тоже не бесконечны, трагичным голосом предрекала она. Что если Инфинити не дура, то должна правильно распорядится своей красотой. 'Я положу ее в банк, под проценты', хотела сказать Инфинити. Но не сказала. Инфинити была в режиме 'хорошая дочь'.

- Да, мама, — только и говорила она. — Хорошо. Может быть. Наверное.

Мамины нотации всегда оказывала на нее такое действие — казалось, ее душит в своих кольцах большая болотная гадюка, ее застарелый детский кошмар. Инфинити, по инерции, представила себе длинную змею с головой матери. Мама ощупывала воздух раздвоенным языком, и шипела как радио на свободной частоте.

Инфинити непроизвольно затрясла головой, пытаясь вытряхнуть из нее этот образ. Мама все-таки! Любимая мамочка…

Со смертью отца время для нее если и не остановилось, то изрядно замедлило ход, и теперь их часики никогда не догонят друг друга. Мама так и осталась там, в прошлом, в мире простых бытовых установок на женское счастье. Муж + дети + дом = женское счастье. По этой формуле у Инфинити был полный провал.

Мама требовала, чтобы Инфинити изменилась. Незамедлительно. 'А то будет поздно!'.

Как будто у Инфинити в животе тикает бомба с пластидом.

Мама говорила, говорила, говорила, казалось, этому не

будет конца, но конец есть у всего. Пи-пи-пи. Конец связи. Минус сколько-то там нейронов. Кто же считает твои нейроны, когда тебе 'желают добра'?

Ну блин.

Настроение пропало. А до этого звонка у нее было прекрасное настроение, прошу заметить. Она собиралась испытать свою новую рогатку. Приехала сюда, на этот заброшенный завод на окраине промсектора, где она обычно практиковалась в стрельбе. И началось.

Инфинити нашла в бардачке почти пустую пачку сигарет. Закурила. Вообще она не курит. Только когда стресс. Она курила и слушала, как ветер шелестит свежей листвой. Недалеко высокая вышка-фумигатор распыляла инсектициды, одуревшие от яда комары, выписывали в воздухе восьмерки. Вот и вся компания.

Разговор с матерью никак не шел из головы. Бобины ментального магнитофона крутились туда-суда, и Инфинити чувствовала легкую досаду за свой безвинно оттраханный мозг.

Под занавес, мама спросила — Ради чего она живет?

Хороший вопрос.

И: чего она хочет?

Тоже ничего вопросик.

Приз за лучший вопрос уходит в воркуйские болота.

Инфинити затянулась полной грудью. Сигарета зажата между средним и безымянным пальцами в прямой ладони, так, что когда Инфинити затягивалась, складывалось впечатление, что она прикрывает ладошкой рот, чтобы не сболтнуть чего лишнего.

Неразумно злится на родителей.

Вообще, неразумно злится.

Мама так и не оправилась от смерти отца. Он умер, когда Инфинити собиралась заканчивать школу. Отец был большой и сильный, он был словно стена, за которой всегда можно было спрятаться от любых жизненных бурь, и казалось, что так будет вечно. Он мог поднять Инфинити левой рукой, даже не сгибая ее в локте. Он обожал свою жену и дочь. Что-то они там мудрили с атомом и, когда-то, он получил хорошую дозу радиации. Спустя годы, врачи сказали — рак. Они сказали это, когда было уже слишком поздно. Долгое время болезнь жила в нем — отец не обращал на нее внимания. А потом было уже слишком поздно. Он умер, так как и жил — с достоинством, не смотря на страшные боли, не смотря на то, что в последние часы своей жизни он харкал черной кровью, ни на минуту не потеряв лица. Он никогда не жаловался. Потом были похороны — слезы текли по щекам Инфинити, когда она смотрела в голубое-голубое небо, где маленький спортивный самолетик крутил фигуры высшего

пилотажа.

Мертвые петли.

Все рухнуло. Мать попыталась, было, излить образовавшийся избыток любви на свою дочь, но Инфинити была уже в том возрасте, когда переизбыток родительского внимания только тяготит и, в конце концов, покинула родной дом. Мать осталась одна. Как тараканы из всех щелей, тут же полезли фобии и паранойи, ее не оставляло чувство вины, всевозможные 'если бы' даже спустя столько времени, продолжали душить ее.

На глаза навернулись слезы. Инфинити стало жалко маму. И папу. И себя. Себя, впрочем, больше. Ну, скажите, в чем она виновата? Мама даже не пыталась стать на ее сторону. Не пыталась посмотреть на вещи ее глазами. Она даже никогда не называла Инфинити — Инфинити. Мама называла ее детским именем, которое, заметьте, она и придумала. А Инфинити это бесило. Бесило. Бесило. Бесило. Теперь она Инфинити, понятно? Это имя больше ей идет. Оно больше отражает. Ну что, так трудно выговорить? ОК, попробуем по слогам, следите за губами: Ин-фи-ни-ти. Бесконечность по-английски. Не бог весть какой редкий ник. Вон в Сети всяких Инфинитей пруд пруди. (Поэтому кое-где Инфинити была 'Инфинити_топлесс'.) Инфинити ее гослогин. А гослогин самое важное в В8. У нее даже визитка была такая, на хорошей бумаге было выдавлено:

(R) — потому что Инфинити имела на себя патент. Когда-то она удачно продала трехмерный скан своего тела в качества лекала для женского манекена. Один из одежных брендов, устроил онлайновый конкурс, на лучший дизайн манекенов под их линейку женской одежды. Инфинити выиграла. Когда дело касалось ее внешности, она всегда выигрывала. Теперь ее пластиковые реплики украшали модные бутики по всему свету, пока Инфинити тихонько цвела себе в В8. Так что, теоретически, ее пластиковую близняшку многие видели. Это был популярный модельный ряд.

'Девочка-манекен — Королева Болота'. Хорошее название для фильма ужасов. Инфинити снималась в воркуйском независимом кино. Среди ее поклонников были разные мальчики, в том числе и из местной арт-тусовки. Она снялась в болотной драме 'Бадяга', и трэш-хорроре 'Говорящая Тина'. В роли Тины.

Инфинити одернула платье. Задралось, пока она ерзала на сиденье, слушая мамины проповеди, аж черные кружевные трусики видны. Сегодня она одела мини. С Днем Победы,

мужчины — Инфинити показала ножки. Она любила это черное платье. Ограниченная серия одного небольшого японского лейбла, который, в основном, обшивал косплееров. Кожаное, с закрытыми плечами, без рукавов со стоячим воротничком, и декоративными погончиками. На спине, декольте и талии шнуровка под корсет. Металлические вставки и ременные стяжки. Сапожки подстать платью; высокие, до колен, из блестящего черного латекса, на высокой платформе, украшенные десятком фальшивых ременных застежек. Легкое, так сказать, доминирование. Только хлыста не хватает.

Снова запел мобильник-трансформер, который она носила на запястье, как браслет. По электронному браслету нарезали круги цифры определившегося номера: 8674534.

Это дохлый номер. Инфинити обрубила звонок. В отношении мобильной связи Инфинити иногда вела себя потрясающе антисоциально. Мало кто мог с ней сравниться в искусстве сброса звонка.

8674534 не отставал. Пищал и вибрировал, пытаясь прорваться в ее мозг. Инфинити скидывала звонки. Мужчин много, а мозг у нее один. Несчастный и одинокий девичий мозг. Отменить. Разговор с этим номером был давно закончен.

Еще один вызов: 6787888. Смотри-ка, еще один проснулся. Номер другой, но разницы никакой. Она скинула и этот звонок. Знала она наперед, что он скажет.

Все они одно и тоже говорят.

8674534, 6787888, 8674534, 5616119…

О, еще и 5616119. Это робкий номер. И это только один из его недостатков. Позвонит раз-другой и угомонится. Отмена.

…8674534, 5616119, 6787888…

Что они там, договариваются между собой? Инфинити подозревала среди мужиков какой-то заговор. Все они начинали хотеть ее одновременно. Наверное, какие-то волны. Поля. Физика чувств.

…6787888, 8674534, 6787888, 5616119…

SMS от 8674534. Клюковка, чего трубку не берешь?

Хм… 'Клюковка'. Это было. Вишенка была. Грушка была. Даже морковка была. Сад и огород, думала Инфинити. Отказать.

…6787888, 6787888, 5616119, 6787888…

О, бедная Инфинити! Рабыня цифр! Жертва мобильности! Пальчик устал нажимать на красную трубочку.

…6787888, 8674534, 6787888, 7770000…

О, 7770000! Поприветствуем! Новый участник марафона жертв любви. Да, это очень важный номер. Того и гляди лопнет от собственной важности. Три семерки и куча нулей! Этот номер

считал, что нули это круто. Чем их больше, тем он круче выглядит на экране мобилы. Идиот. Хоть и при деньгах. Ноль с кучей нулей. Ноль на нуле и нулем погоняет. Вот и реакции от нее — ноль.

Ноль Инфинити ненавидела всем сердцем. От нуля веяло бедой. У нее в детстве была фобия — 'нулебоязнь', как называл ее психиатр, к которому ее в детстве водили родители. Не такая уж редкая фобия, о ней прекрасно осведомлены разного рода продавцы разного рода товаров, обожающие оканчивать свои цены на девятки. Маленькая Инфинити могла понять, что значит ноль, но не могла понять, зачем. Скажите, кто-нибудь когда-нибудь видел этот ноль? Можно его пощупать? У Васи два яблока, а у Тани — ноль. Какая же ты дура, Таня. Гипотетически, оно, конечно, может существовать, это огромное ничто, но если существует кто-то, кто может ткнуть пальцем и сказать, — 'это ноль', значит, это уже ноль плюс что-то еще, а ноль плюс что-то еще, уже не ноль, верно?

Как сегодня много чисел, вздохнула Инфинити.

В младших классах у нее случались истерики на уроках математики, когда в результате решения примера у нее получалось это самодовольное ничтожество. Инфинити чувствовала себя обманутой. Перечеркнутый компьютерный ноль напоминал ей треснувшее зеркало, то самое, которое к несчастью. Она ложилась спать, закрывала глаза, но они стояли перед ее внутренним взором стройными рядами:

0000000000000000000000000000000000000000000000000000000000000000
0000000000000000000000000000000000000000000000000000000000000000
0000000000000000000000000000000000000000000000000000000000000000
0000000000000000000000000000000000000000000000000000000000000000

Ужас.

Химиотерапия и груз прожитых лет слегка примирили ее с нулем, она снисходительно усмехалась, когда встречала его на пути, мол, привет, скотина, еще не сдох, но принять его до конца — никогда. Чтобы досадить нулю она и выбрала себе такой ник — 'Инфинити". Потому что ноль и бесконечность понятия противоположные. Инфинити, лично, за бесконечность. Дохлая восьмерка круче треснувшего зеркала. А чтобы еще больше досадить всем нулям на свете, она даже сделала себе тату на плече — значок бесконечности из оплетающих друг друга роз. Хотя все эти абстракции, числа-формулы, это не про нее. Инфинити не доверяла математике. Что, вообще, знает о жизни математика? Она доверяла только своей интуиции. Сама формулировала собственные теоремы и сама же доказывала или опровергала их на ходу. А все эти математические абстракции —

это все для мальчиков. Это их игрушки. Всех этих интеллектуальных допущений Инфинити не признавала. Либо — либо. Такая уж у нее натура. Такие принципы. А не нравится — звоните кому-нибудь другому.

Но, видимо, нравилось. Потому что:

8674534, 6787888, 7770000, 5616119, 7770000….

Ошибка 404. Страница не найдена. Сервер не доступен. Перезвоните позже. Телефон скоро лопнет от пропущенных звонков.

Если она ненавидела — то ненавидела. Но если уж любила, то любила, до одури, полностью растворяясь в любимом. Те, кому посчастливилось, почувствовать, как она любит, никогда уже не могли этого забыть. Только вот эти мужчины совершали одну и ту же ошибку — они думали, что это навсегда. Но в мире нет ничего постоянного. И Инфинити была живым воплощением этого вселенского закона. Какой-то предохранитель неожиданно перегорал внутри ее, она сама часто не могла понять причин этого. Словно ей кто-то управлял. И она безвольная кукла-марионетка и не отвечала за свои действия. И все, она уходила, оставив позади еще одно разбитое на мелкие осколки сердце.

…5616119,7770000, 8674534, 6787888…

Сходящие с ума от ревности цепочки цифр. Все не то. Шлак. Пустая порода. Ошибки. Промахи.

А ведь как бы было здорово влюбиться! Весна ведь, самый сезон. Да так, чтобы в омут головой и трава не расти. Такая экономия на наркотиках! Как же, держи карман шире. Где уж тут расцвести чувству, когда все кругом опутано липкой земноводной похотью?

Лягушки орали как сумасшедшие.

Когда кругом это долбанное болото! Когда кругом этот долбанный Воркуйск!

Инфинити сдалась и отключила связь. Коммуникатор переключился в режим ожидания и стал демонстрировать разноцветные узоры. Инфинити неприязненно смотрела на свое запястье. Это не телефон. Это наручники. Тебя насильно приковывают к кому-то. Одно расстройство от него и паранойя. Хорошо бы его снять и как следует потоптать ногами. Но нельзя. Это детский поступок. А она уже взрослая девочка — Инфинити приходилось себе об этом постоянно напоминать.

Некоторое время Инфинити сидела в тишине. Если, конечно, не считать лягушачьих воплей. Потом на ее поясе начали светиться лав-пейджеры. Один, другой, третий… ни дать, ни взять гирлянда на новогодней ёлке. Лав-пейджер это очень простая штука. Раздел accessory подраздел romantic gifts.

Идеальный подарок на день св. Валентина. Придумали, конечно, японцы. Пейджер в виде сердечка. К каждому такому сердечку прилагался индивидуальный телефонный номер, который следовало хранить в секрете. Если позвонить на этот номер соответствующее ему сердце начинало мигать. Ненавязчивый способ напомнить любимой/любимому о своих чувствах. Один гудок в трубке — одно биение сердца, одна вспышка. В свое время это было страшно модно и Инфинити надарили их целую кучу. Каждый запавший на нее мужик считал своим долгом. Набралось, наверное, штук 30, уже и не упомнишь где чье. Инфинити насадила их все на цепочку, и носила на поясе, как аксессуар. Материальное доказательство безоговорочного триумфа на любовном фронте. Посмотри и хорошенько взвесь свои шансы, прежде чем клеится. Мужские сердца оживали на глазах, они были разного размера и цвета, пластиковые, стеклянные, алюминиевые, серебряные, золотые, с кристаллами; они мигали разными цветами, попискивали, вибрировали — цепная реакция в ответ на выключенный мобильник.

Инфинити смотрела то на сердечки, то на, себя, в зеркало. Надо же, сколько страстей из-за маленькой Инфинити! Не стремилось она к этому, это только со стороны казалось, что она только и знает, что вертеть мужиками. Все выходила само собой. С детства к ней липли мальчики. Что-то в ней такое было…. Словно ее тело излучало особые гравитационные волны, притягивавшие мужчин. Раз попал — не вырвешься. Так они и вращались вокруг нее все ее жизнь. Их не становилось меньше — только больше. Разные периоды, апогеи-перигеи, словно планеты вокруг звезды, вызывая приливы, отливы, затмения, метеоритные дожди и прочие катаклизмы в ее жизни. Избавить ее от этого могло только другое тело с более сильным гравитационным полем. Таких тел Инфинити не знала. Ну, понятно, Вселенная бесконечна, чего там только нет — но в этой ее части, на воркуйских болотах, конкуренции не чувствовалось. Эти волны позволяли управлять мужчинами на достаточно больших расстояниях. Инфинити часто, своим внутренним взором, видела себя этакой Любочкой, (синенькая юбочка — ленточка в косе) которая игрушечным пультом управления рулила тяжелыми грузовиками. Существовала, конечно, опасность, что один из таких монстров однажды потеряет управление и расплющит бедную Инфинити в лепешку, но пока этого не происходило. Напротив, плющило обратную сторону.

Инфинити помотала головой, чтобы слегка взлохматить волосы. В зеркальце вспыхнуло рыжее пламя. Издалека видать. С раннего детства она практически не стриглась, отрастила себе

длиннющую гриву, ниже пояса. Папе нравились длинные волосы, а Инфинити очень любила папу. После похорон отца она пошла в парикмахерскую и постриглась под мальчика. С тех пор она носила только короткие прически. И жизнь ее сильно изменилась. Возможно, есть рациональное зерно во всех этих мужских байках, о том, что длина и цвет волос женщины определяет ее поведение. Что до цвета, она носила всевозможные оттенки рыжего. Сейчас это был цвет начищенной до блеска меди — короткая стрижка с торчавшими, как бы беспорядочно (как бы, ага — минимум полчаса перед зеркалом каждое утро) во все стороны рыжими волосами. Инфинити немножко добавила этой как бы беспорядочности.

Кроме рыжих волос, у нее было все, чтобы мужчинам жизнь портить. Что первое бросалось в глаза, когда вы видели Инфинити это ее глаза. Большущие, глубокие, выразительные, глаза-озера цвета мокрого песка. Посмотрел в них раз, утонул навсегда. Кому-то бы таких глаз за глаза хватило для счастья, но ей еще достались стройные ножки, грудь номер 3, широкие бедра и осиная талия. Полные, чувственные губы, так будившие мужское воображение, когда она ела мороженое. Носик, как логотип Nike. Брови, как мазок собольей кисточкой. Все это на треугольном лице, которое резко шло на скос у скул. В целом, она походила на девочку из аниме; на этом сходились мнения многих сторонних наблюдателей. Слишком многих, чтобы этим можно было пренебречь. И учитывая непрерывно увеличивающуюся популярность японской массовой культуры, в ближайшем будущем недостатка в поклонниках не предвиделось. Инфинити аниме любила. Без фанатизма, объективно: сейчас кроме аниме и смотреть-то нечего — все остальное скука смертная. Но все эти местечковые ня и кавай, в свой адрес ее сильно раздражали. Она сама по себе, понятно? Однако, наедине с собой, Инфинити признавала — ее жизнь, все больше и больше напоминает аниме-сериал в жанре махо-сёдзе. Романтические бредни с легкой примесью экшена. Целевая аудитория — девочки-подростки. Подавитесь своим моэ, чертовы куми-ота.

Что в себе Инфинити не нравилось так это рост — с таким в модельный бизнес не возьмут. Но для мужчин, это тоже был больше плюс, чем минус. Рядом с миниатюрной Инфинити любой дохлый номер мог почувствовать себя крутым самцом. Еще один пример на тему 'математика и жизнь', ага. Но не думаете, что раз она небольшого роста, значит она как-нибудь там заморенная неженка. Ничего подобного. Кровь с молоком, никакая зараза не пристает. Дюжина спортивных секций в детстве. Спортзал по средам. Пробежки по утрам. Если надо, могла и двинуть между

глаз какому-нибудь там потерявшему страх номеру. А то и между ног. Легко. За ней не заржавеет.

Не то чтобы она соответствовала неким стандартам женской красоты. (Не будем больше о аниме, ладно?) Она вообще старалась не соответствовать никаким стандартам. Сама по себе. Сама для себя. Свое собственное изобретение. Вне рамок.

Мисс Естественность.

Ты, битый пиксель на матрице бытия!
Пробой сети и разрушение данных!

Так выразился один из поклонников. Мужчины теряли головы, да.

Другие девушки, которым не так повезло с внешностью, завидовали популярности Инфинити. Они, эти другие девушки, не понимали, что избыток выбора гораздо труднее переносится рассудком, чем его недостаток. Вообще, подруг у Инфинити было немного. Девчонки не хотели с ней дружить. Дружить с ней значит забыть о парнях. Поэтому Инфинити, с детства, водилась с мальчиками. Эти-то были всегда рады. Они ее всему научили. Чемпионка по стрельбе из рогатки. Гроза лягушек. Хулиганка. Все ни как у людей, как мама говорит.

Инфинити совсем пригорюнилась. Ну что за жизнь такая нелепая, а? Можно подумать, она счастлива. Можно подумать в ее жизни нет никаких проблем. А тут еще эти мамины истерики. И эти эгоистичные номера. Может и правда, как мама говорит, завести ребеночка от какого-нибудь номера? Втрахать себе мозги материнством. Самоактуализироваться, так сказать, как мать. Чтобы было на кого проецировать свои фобии и комплексы. Инфинити представила себя беременной. Утиная походка, живот как дирижабль…. Нет, нет. Не пора. Прежде чем заводить детей неплохо бы самой повзрослеть. Вот Инфинити это понимала. Кажется, простая вещь, а не до всех доходит.

А номера… Циферки-звоночки…. Что, думаете, стерва? Ну, стерва. А что делать? С такой внешностью можно выжить, только будучи законченной стервой. Кроме того, как выяснила Инфинити, именно это мужикам и нравится. Именно это их больше всего возбуждает. Именно этого они хотят, только боятся себе в этом признаться. В этих делах ведь главное прелюдия. Интро. А уж с ней такое интро, что ой-ой-ой! Во век не забудешь.

Инфинити включила магнитолу. В салоне с пулеметной скоростью затараторили девчонки из ее любимого японского хип-хоп дуэта 'Heartsdales'. Йоу, сестрички-сердечки, разгоните печаль! Инфинити обожала художественный речитатив, но сама

она не большая мастерица всего этого. Всей этой болтовни. И не потому, что ей нечего было сказать. Наоборот ее распирало, ей хотелось сказать слишком многое сразу, казалось, слова толкаются локтями в горле и лопаются, как мыльные пузыри. А когда они, наконец, вырывались на свободу, часто оказывалось, что они уже утратили актуальность. Слова, вообще, быстро теряют актуальность.

К черту, подумала Инфинити. Все и всех — к черту. Настало время заняться тем, ради чего она приехала в эту глушь.

Перегнувшись, она взяла прямоугольный сверток с заднего сидения. Ура, открываем покупки! Смысл жизни современного человека. Искусство, передаваемое из поколение в поколение. Целый месяц она ждала этого момента. Пока они подогнали рогатку под ее руку, пока отправили, пока дальнобойщики привезли в город…. Оберточную бумагу долой. Коробка из плотного серого картона. Никаких картинок, только стикер с названием модели: Hellfire Pro и штрих-код. Серьезно. Открываем! Сверху инструкция. Довольно толстая. И диск. Диск-то зачем? Ах, это электронный каталог. Обалдеть. Так, а под ними…. Ну, привет подружка. Рогатка была на загляденье. Инфинити как увидела ее в Сети, так и влюбилась с первого взгляда. Перед такой трудно устоять. Красавица. Топ-модель. Самая крутая рогатка на рынке. Блестящие усы из титанового сплава. Легкие и сверхпрочные, модного скругленного дизайна. Лазерный прицел. Силоусилители, это вот эти плотные пружины, обвивающие усы. От силоусилителей идет тетива, светло-серая полая трубка из эластики, как заявлено — 'с повышенной силой сжатия'. Рукоять из черного пластика. Как раз по руке. Молодцы, подогнали по мерке, как и обещали. А это что за кнопочка? Ох! Инфинити подпрыгнула на месте от неожиданности. Из торца рукоятки выскочил узкий обоюдоострый стилет. Блин. Она и забыла. Инфинити осторожно потрогала лезвие пальцем. Острое. Надо с ним осторожнее. А это что за цилиндрик? А, да. Это одноразовая батарея для электрошокера. Это рогатка-электрошокер. Гибрид. Рогаткашокер-рогатканож. Так, запоминаем — на ручке слева кнопка на шок, справа на нож. Не перепутать бы. Поставим пока все это на предохранитель от греха подальше. Что еще? Пакетик со стальными шариками. На шарики они пожадничали, ну да ладно, она предусмотрительно купила кило крупной дроби в магазине для охотников. Мальчик там смешной работает…. Так, так, не отвлекаемся! В комплекте две обоймы. Это самозарядная рогатка. Таких у нее еще не было. Инфинити пролистала инструкцию, нашла рисунок, как это работает. Заряжаешь шарики в обойму, обойму вставляешь в

ручку. Там пружинный механизм, — когда оттягиваешь тетиву, шарик из рукояти, по полым усам, подается в тетиву. Эластика, из которой сделана тетива, натренирована сокращаться как кишечник, она проталкивает шарик прямо в седло. Инфинити зарядила обойму шариками. Входит 20 штук. Неплохо. Теперь заряжаем — сначала вставляется батарея для шокера, потом обойма. Инфинити вставила заряженную обойму в рукоять, она с солидным металлическим щелчком встала на место. Так, теперь с этим бы разобраться — Инфинити вертела в руках длинную черную перчатку с обрезанными пальцами; без нее модель Hellfire Pro стоила вдвое дешевле. Это была такая шутка, как поняла Инфинити из описания на сайте, типа как у шпионов в кино, когда пистолет сам прыгает в руку из рукава. Инфинити полистала инструкцию — все это дело называлось 'возвратный механизм с модифицированным кистевым упором'. Работал он тоже на эластике — в перчатку был вшит искусственный мускул из эластичных волокон. На схеме, разными цветами были нарисовано, где в перчатке проходят волокна-сгибатели, а где волокна-разгибатели. Инфинити натянула эластичную перчатку на левую руку, она закрыла руку до плеча. По тыльной части ворота перчатки шла металлическая полоска, ('полозья-6', согласно схеме) по которой перемещался 'бегунок-8'. Перед началом эксплуатации этот искусственный мускул надо было натренировать. Нехитрое упражнение — требовалось сжимать-разжимать кулак. Сгибать полагалось все пальцы, кроме большого. Большой палец надо было отставить, как в одобрительном жесте, он был чем-то вроде предохранителя — согнутый больший палец блокировал механизм. Итак, начали. Раз-два, раз-два. Когда Инфинити сжимала кулачок — бегунок ехал к кисти, разжимала — отъезжал к локтю.

Инфинити кожей чувствовала его движения, чувствовала толкающие его волны напряжения, причем само наличие перчатки она почти не ощущала, настолько она была тонкая, легкая, и настолько точно облегала руку. Как вторая кожа. Необычные ощущения, к этому надо было привыкнуть. Постепенно она накачала эластику так, чтобы для перемещения бегунка на всю длину было достаточно всего одного сжатия кисти.

Закончив тренировку перчатки, Инфинити перешла к следующему шагу — сверяясь со схемой, она закрепила на запястье скобу кистевого упора. Кистевой упор это тоже важная штука. Дополнительная точка опоры — когда натягиваешь тетиву, рогатка упирается в кость. Теперь последний штрих — Инфинити ввинтила рукоять рогатки в разъем на бегунке-8. Все, вроде бы.

Первое испытание! Инфинити сжала рукоять рогатки, а потом, оставив большой палец, резко разжала ладонь. Рогатка, сложив усы как крылья, повернулась на 45 градусов и молниеносно отъехала к локтю. Она сжала пальцы, и рогатка вновь оказалась в ее руке, развернув усы и со щелчком зафиксировавшись в кистевом упоре.

Да, это стоило своих денег, констатировала Инфинити. Очень удобно. Рогатка при тебе, а рука свободна. Движений не стесняет и почти не видна под рукой. Инфинити погоняла рогатку туда-сюда, посматривая на свое отражение в зеркале. Со стороны это смотрелось еще круче, казалось, раз, и ее рука превращается в рогатку. Кроме того, черная перчатка очень подходила к ее нынешнему наряду.

Как бы тебя назвать? — продолжая щелкать рогаткой, думала Инфинити. У всех ее рогаток были имена. Будешь Зойка, решила Инфинити, после недолгих сомнений.

Она перекинула ремешок сумочки через плечо, вылезла из машины, своей красной полуспортивной 'мазды', и направилась к зданию завода. Прошла через высокие, теперь навсегда открытые заводские ворота, в облупившейся зеленой краске и зашла внутрь этой длинной железобетонной коробки. Бог его знает, что это был за завод. Ясно одно — развал Союза он не пережил. Инфинити осторожно ступала по бетонному, усыпанному кирпичной крошкой, полу, внимательно смотря под ноги, чтобы не напороться на стекло или ржавый гвоздь. Эхо ее неспешных шагов гулко разносилось по зданию, пугая голубей, которые устраивали личную жизнь на массивных балках, под проваленной, кое-где, крышей. Здесь было очень пусто, все, что имело хоть какую-то ценность, отсюда давно вывезли, остались лишь вмурованные в пол остовы здоровенных станков, они будили в Инфинити какие-то смутные детские воспоминая из советского периода: что-то серое, большое, лязгающее. Для нее этот заброшенный завод — тир, а для каких-то неизвестных граффитистов — холст. Стены бывшего заводского цеха были зарисованы яркими абстрактными картинами, и высокохудожественными, но мало читабельными прокламациями. Это немного оживляло общую, совершенно безрадостную, картину какого-то вневременного запустения, что царило здесь.

- Ну, настало время проверить, на что ты, детка, способна, кроме как в руку прыгать да ножиками пугать, — сказала Инфинити Зойке.

Она соорудила горку из кирпичей, подобрала брошенную стеклянную бутылку из-под пива, и поставила сверху. Достала из сумочки защитные очки и надела их. Отошла на тридцать шагов.

Сжала пальцы, рогатка скользнула в ладонь. Инфинити начала оттягивать тетиву, и едва потянув, почувствовала, как шарик скользнул в седло ей под пальцы. Она оттягивала тетиву до тех пор, пока не почувствовала, что еще чуть-чуть и не сможет ее удержать. Тогда Инфинити зафиксировала натяжение, слегка перекрутив тетиву. Отняла руку. Тетива застыла натянутая, еле заметно дрожа от напряжения, надежно держа шарик в седле. Инфинити встряхнула кисть, и потянула дальше. После подкручивания тетива растягивалась почти также легко, как и сначала. Когда Инфинити опять достигла предела своих сил, она опять перекрутила тетиву — на этот раз, в противоположную сторону. И так далее, чем больше растягивала, тем чаще приходилось подкручивать. В конце концов, Инфинити оттянула тетиву настолько, насколько могла развести руки. Прищурив глаз, прицелилась — красная точка лазерного целеуказателя остановилась в центре бутылки. Задержала дыхание и выстрелила. Фффшииик, буух! Инфинити чуть не упала лицом в пол — ее словно кто-то резко и сильно дернул за левую руку. Со стены за бутылкой, с шумом осыпалась штукатурка. Блин, так и кисть вывихнуть можно, подумала Инфинити и, сморщившись, потерла ушибленное запястье. Она подошла к бутылке, которая стояла, как стояла, отчего Инфинити решила, что смазала. Нет, смотри-ка, попала. Шарик прошил бутылку насквозь, с такой легкостью, словно она была не из стекла, а из бумаги, проделав аккуратную дырочку. Инфинити подошла к стене. В бетонной стене, толщиной сантиметров в двадцать, образовалась сквозная дырка, размером с кулак.

- Ни хера себе! — сказала Инфинити, которая, обычно, крепких выражений не употребляла. Разве что в момент стресса. — Ну ты даешь, Зойка!

Следующие два часа своей жизни Инфинити оттягивалась на полную. Она разносила в клочья все, что попадалось под руку: бутылки, жестяные банки, кирпичи, ящики, аэрозольные баллончики…. Подбрасывала бутылки в воздух и эффектно подрезала на лету. Стреляла от живота, от груди, от плеча. Стреляла сидя, стоя, с разворота, из-за угла и в прыжке. Уничтожила несколько граффити и выбила на воротах завода большой значок бесконечности. Пусть эти вандалы знают, чья это территория! Инфинити вошла в такой раж, что даже решила стрельнуть шариком красной ртути. Устроить, так сказать, праздничный салют. И даже пошла к машине, чтобы взять свой комплект ДБР, что лежал там, в жестяной банке из-под леденцов. (ДБР значило — Для Больших Разборок.) Но во время себя остановила. Пожалуй, не стоит. Последний раз, когда она

шарахнула красной ртутью… ой. Приехали все. Пожарные, скорая помощь и спецназ на вертолете. Мигалки, сирены, оцепление…. Никто, конечно, не подумал на эту миленькую хрупкую девушку, которая, хлопая ресницами, изо всех сил изображала испуг. Вот идиоты. Так что ладно уж. Как-нибудь в другой раз. Тем более мало их осталось. А сейчас достать красную ртуть практически нереально.

Вечерело, и со стрельбами пора было завязывать. Реклама в небе зазывала на лазерное шоу на площади Революции. Поеду, посмотрю, решила Инфинити. Сольюсь с народом. Она оседлала свою ласточку, и выехала на шоссе, ведущее в центр города.

010: Дэдлайн доктора Шнобеля

Зиро пришел себя. Пошевелился и застонал от боли. Все тело покалывало, ныла шея. Он у себя дома, в гостиной. Лежит на полу. Руки прикованы наручниками к трубе с проводами. Ноги связаны куском кабеля.

Я открыл дверь, зашел внутрь и… — к нему вернулась память.

Зиро услышал какой-то шум. Он с трудом повернул голову на звук и разглядел в полумраке человеческую фигуру. Человек что-то делал с его накопителями. В его руках связка проводов.

- Как ты такой? — Прохрипел Зиро. Язык, как наждак, царапал пересохшее горло.

Человек обернулся, но ничего не сказал и продолжил разматывать провода.

- Как ты попал сюда? — снова спросил Зиро

- Через дверь, идиот, — раздраженно бросил человек.

Он бросил связку на пол и, слегка прихрамывая, направился к нему. Двигался он странно — резко и рвано, периодически замирая в неестественных позах. Он подошел к Зиро и застыл, смотря на него сверху вниз. Зиро рассмотрел своего непрошеного гостя.

У него было худое лицо, желтое, как воск. Оно непрерывно дергалось, по-разному, не лицо, а коллекция всевозможных нервных тиков. Бритая яйцеобразная голова вся в каких-то коричневых пятнах. Высокий лоб. Впалые щеки, крупный нос, который казался еще крупнее из-за его худобы. Синюшный какой-то нос, опухший. Глаза карие, бешенные, влажные. Их зрачки постоянно меняли размер, хаотично увеличиваясь и уменьшаясь, причем в каждом глазу по-своему, словно две сбрендившие видеокамеры, которые никак не могут поймать фокус. Иссиня черные круги-синяки под глазами. Губы мужчины шевелились, как будто он что-то непрерывно проговаривал про себя. Одет он был в черную кожаную куртку-пилот, черные мешковатые штаны, со множеством карманов и грубые черные же ботинки на толстой подошве.

Человек отцепил от ремня жетон, нагнулся и хлестнул им Зиро по губам

Перед глазами мелькнул кулак, сжимающий пучок электромолний — эмблема Службы Информационной Безопасности.

- Инфобезопасность! — заорал человек и ударил Зиро ногой под ребра. — Отдел Очистки! Майор Дэдлайн! Слышал о

таком? — весомость своих слов он подтверждал пинками.

Если бы через Зиро совсем недавно не пропустили 50 киловольт он бы, наверное, сильно испугался. Но после этого даже боятся было больно, болела каждая клеточка тела. Все что он чувствовал — какое-то болезненное удивление. Зиро в Дэдлайна не верил. Слухи о нем циркулировали в Воркуйске-8 с некоторой периодичностью, но Зиро считал, что это все сказки, городские легенды, что-то типа гигантской жабы из его детских кошмаров. Он думал, что эти слухи нарочно распускает пиар-отдел инфокома для устрашения населения. А сейчас он видел Дэдлайна перед собой. Это походило на сон. Страшный сон.

Говорили — когда-то, Дэдлайн был ученым. Он специализировался на биохимии напополам с нейрофизиологией, и имел репутацию таланта, который мог бы много добиться, если бы не эта его постоянная увлеченность странными идеями. Странными, по мнению той части научного сообщества, что обеими ногами прочно стоит на земле. Работал Дэдлайн в НИИИП, в том самом институте, где изобрели легендарную воркуйскую пленку. Как-то Дэдлайну пришла в голову очередная странная идея. Кодировать информацию запахами, и через нос напрямую записывать в человеческую память. Как обычно от этого чудака попытались отмахнуться. Но Дэдлайн настаивал. Он говорил, что роль обоняния в когнитивной деятельности недооценена. Что запахи тесно связаны с человеческой памятью. Что общеизвестно, что информация лучше запоминается, если связана с запахами. Что запах часто является чем-то вроде метки для воспоминаний. Что обонятельная луковица, тот отдел мозга, который распознает запахи, тесно связан с лимбической системой. Что лимбическая система, один из самых древних отделов ЦНС, отвечает за эмоции и пронизывает буквально все отделы мозга, следовательно, обоняние дает доступ ко всему мозгу сразу! Вряд ли эволюция это сделала просто так, говорил Дэдлайн. Он говорил, что обработка запахов идет на глубинных уровнях сознания и часто даже не осознается. Он даже говорил что все эти так называемые телепаты — просто люди с острым нюхом, чувствующие незначительные изменения запаха человека, и интуитивно делающие правильные выводы о его психофизиологическом состоянии. Он говорил, что нервные окончания в обонятельной камере носа настолько чувствительны, что реагируют всего на одну молекулу пахучего вещества, и предлагал использовать это свойство для кодирования информации. Он говорил, что в будущем чтобы получать знания не надо будет читать, слушать, смотреть — достаточно будет понюхать. И так далее. В конце концов, Дэдлайн смог пробить

этот проект. Несмотря на все свои странности, он мог, что называется, зажечь искру в людях. Местные остряки моментально прозвали его 'доктор Шнобель'.

Группа доктора Шнобеля работала с муравьями. Муравьи общаются при помощи хемосигналов, пахучих веществ, называемых феромонами. Взломав муравьиный код, они выяснили, что их сигнальные феромоны, можно приспособить для передачи информации и для человека. Они называли этот вещество, из семейства летучих спиртов, информационным феромоном, сокращенно — инфофер. Алгоритм кодирования инфофера разработали в НИИ Проблем Кодирования Информации, который в то время возглавлял академик Глушко; он питал к доктору Шнобелю какую-то, странную, по мнению многих, слабость. Алгоритм кодирования основывался на явлении химической изомерии; бралось два варианта одного вещества, одинаковые по составу, но разные по строению, и как следствие, обладавшие разным запахом. Одна молекула инфофера принималась за один бит, молекула изомера-1 означала ноль, а молекула изомера-2 — единицу. В КБ проектного отдела Воркуйского Химкомбината разработали устройство, которое могло, как выражались в группе Шнобеля, заряжать инфофер информацией, в основе его были наномембраны с избирательной проницаемостью; в зависимости от условий они пропускали то молекулу изомера-0 то изомера-1. Устройство прозвали 'файловыжималкой'. Полученные данные должны были усваиваться мозгом, при помощи стимуляции коры головного мозга особым веществом-интерпретатором, этакий коктейль из разнообразных нейромедиаторов, которые декодировали двоичный код в электрические сигналы понятные нейронам, и предавали возбуждение по лимбической системе во все части мозга. Этот химический интерпретатор инфофера, разрабатывали в Воркуйском Центре Нейрофизиологии, и это было самое узкое место проекта. Нейромедиаторы могли только передавать возбуждение нейронам коры — что дальше мозг будет делать со всеми этими сигналами было не ясно. Кроме того, не было никакой гарантии сохранения целостности вводимой в память информации. Эта схема требовала серьезной доработки, на том этапе, доктор Шнобель оптимистично предполагал, что мозг сам разберется, что в какой банк памяти записывать, и сам заполнит возможные пробелы в данных. Все-таки, говорил он, мозг это весьма устойчивая система, с большим запасом саморегуляции.

Доктор Шнобель развил бурную деятельность: на его проект работали уже три института и два завода. Его проект (и его личность) стали самой популярной темой для обсуждения в

воркуйском научном сообществе. Научное сообщество раскололось на две не равные половины. Меньшая предполагала, что доктор Шнобель гениален, большая же говорила, что он сошел с ума, и заражает своим безумием остальных. Большая часть недоумевала, на что тратятся государственные деньги и время. Куда смотрит ученый совет, вопрошали они. Почему средства тратятся на навязчивые идеи доктора Шнобеля, в то время как многие, практически выгодные для военки и народного хозяйства, темы для исследований никак не дождутся финансирования?

Постепенно шуточки за спиной Шнобеля переросли в неприкрытую травлю. Достоянием общественности стали некоторые подробности личной медицинской карты доктора Шнобеля. Что его родители, физики-ядерщики, работали в Курчатове, и его мать схватила дозу радиации во время беременности. Что он родился недоношенным и выжил чудом. Что у него что-то не так с генетическим кодом. Что у него обнаружили пару лишних спящих, дегенеративных хромосом. И что из-за этого сбоя в генетическом коде у него на левой ноге два сросшихся пальца, и от того он немного прихрамывает. А как эта мутация действует на мозги, мы можем наблюдать сейчас, говорили они, презрительно усмехаясь.

Начальство спохватилось. Научный совет призвал доктора Шнобеля под свои очи и потребовал результатов. Незамедлительно.

Проект и близко не подступил к экспериментальной фазе, но, чтобы спасти дело своей жизни, доктор Шнобель решился поставить эксперимент на себе.

Как-то поздним вечером, он задержался в лаборатории, и когда остался один, вколол себе нейромедиаторы и понюхал тестовую дозу заряженного инфофера.

Никаких новых знаний не появилось в его памяти. Но он почувствовал неземное блаженство. Сильнейшую эйфорию. Неописуемый кайф. А на следующий день он почувствовал непреодолимое желание повторить. И повторил.

Прием чистого, незаряженного инфофера не вызывал ничего, кроме желания чихнуть. Заряженный же информацией, он превращалась в самый мощный наркотик в истории человечества. Успешное усвоение информации, успешное решение какой-либо задачи, которая, по сути, сводится к обработке внутренних данных, сопровождается эйфорией — так мозг поощряет сам себя. Именно эту эйфорию, усиленную в тысячи раз и почувствовал доктор Шнобель. Потом, в его записях, нашли сравнение, что эффект от приема инфофера — это как сразу решить сотню

математических теорем, доселе не имеющих решения. Как разом прочитать все свои любимые книги, просмотреть все любимые фильмы и прослушать всю любимую музыку и перемножить все это на миллион условных единиц счастья. И то, что это очень похоже на любовь.

От информации осталась только эйфория от ее усвоения. Привыкание возникло после первой же дозы. Дэдлайн подсел на инфофер. Он пробовал бороться с этим — но не смог выдержать жестоких ломок — его мозг словно выжигало изнутри. Он превратился в наркомана, единственного в мире информационного наркомана. Дэдлайн никому ничего не сказал — он боялся, что его лишат кайфа. Его тему закрыли, самого Шнобеля перебросили на другое, более практически выгодное направление — при помощи феромонов бороться с насекомыми-вредителями сельского хозяйства. Говорили, что доктор Шнобель воспринял это на удивление спокойно. Тогда его уже волновал только кайф.

Очень скоро доктор Шнобель понял, что сила кайфа зависит от содержания информации. Он не мог этого объяснить, но была большая разница в ощущениях, когда он заряжал инфофер квантовой физикой или передовицами советских газет. Кроме того, какой бы информацией он не ширялся, повторный прием тех же самых данных вызывал крайне болезненный бэд-трип. Толерантность к конкретной информации возникала после первого приема. Чтобы словить кайф, информация должна была быть хорошей и непременно разной. Доктор Шнобель попал в ловушку. Все что им теперь двигало — это поиск торкающих данных. Скоро у него, как у всякого наркомана развилось чутье на хорошую информацию. Достаточно ему хоть краем глаза на нее глянуть, он уже мог предсказать, какой приход его ждет. Больше всего ему вставляли точные науки. Чистое знание. Он тележками возил книги из Научной Библиотеки, заряжать книгами инофофер было проще всего. Когда он передолбился всей наукой, которую смог раздобыть из открытых источников, он стал воровать данные у своих коллег, проявляя при этом чудовищную изворотливость, на которую способен только наркоман в поисках дозы. В Воркуйске-8 вся сильнодействующая информация, как правило, была засекречена. Но на Дэдлайна уже не действовали никакие запреты. Для него имел значение только кайф.

Воркуйское КГБ фиксировало многочисленные утечки информации. Они думали, что в В8 завелся крот. Они искали, искали тщательно, но они искали не там. Если это был иностранный резидент, почему информация не уходила из города? Тем временем, доктор Шнобель стукнулся головой о

потолок. Темпы прогресса не поспевали за его аппетитом. Он перенюхал всю науку от Аристотеля до наших дней, но организм требовал еще и еще. Дозы постоянно росли. Тогда он перешел на исторические, философские и религиозные тексты. Это было уже не то, не такой чистый кайф, мутные, непредсказуемые приходы. Пропустив через нос все мировые религии и основные философские школы, Шнобель переключился на искусство во всех его формах. Художественная литература вставляла вяло — слишком много шума, слишком мало конкретики. В живописи кайф для него кончился на импрессионистах. С кино и музыкой было еще хуже. Кончилось тем, что доктор Шнобель стал заряжать инфофер текущим медиатрафиком — газетами, теле и радиопередачами. Он стал использовать генераторы случайных чисел, он стал разбавлять качественную инфу шумом. О кайфе речь уже не шла — он пытался избежать ломок. Говорили — это его и погубило. Он передознулся шумом. Спустя двое суток его нашли дома, он лежал на полу, в коме. Жилище Шнобеля было буквально завалено пленкой.

- Дэдлайн доктора Шнобеля, — сказал кто-то из группы.

И сразу получил по морде.

В компьютере доктора Шнобеля обнаружили огромный файл, базу данных со списком всей той информации, что он пропустил через свой нос — доктор Шнобель все записывал, чтобы не допустить повторов. Рядом с каждой позицией списка, пометка — сила кайфа, по десятибалльной шкале. Из его записей они узнали, что иногда поглощенная им информация возвращалась: во снах или в виде неожиданных флэшбэков. Всегда фрагментарно и совершенно непредсказуемо. И то, что его мучило постоянное чувство дежавю.

Было расследование. В итоговом отчете было сказано, что лимбическая система отвечает за гормональную стимуляцию организма, именно она дарит человеку все радости жизни. Что тот комплекс веществ, которые принимал внутрь доктор Шнобель, каким-то образом провоцировал массированный впрыск в кровь всех известных гормонов удовольствия. Тот факт, что кайф у доктора Шнобеля вызывал только заряженный инфофер, в отчете был опущен.

Полетели кое-какие головы. Данные исследований доктора Шнобеля были признаны опасными для общества и уничтожены. С участников проекта была взята подписка о неразглашении.

Говорили — доктор Шнобель провалялся в коме много лет. Там-то он и стал Дэдлайном, так его прозвали врачи в госпитале, где он лежал бревном, подключенный к системам жизнеобеспечения. Его не раз хотели отключить от системы, но

энцефалограмма всегда подтверждала активность мозга Дэдлайна, причем странную для коматозника активность — в ней четко просматривались альфа-ритмы, характерные для состояния бодрствования, когда мозг активно интерпретирует информацию из внешней среды. Тем не менее, никто уже и не думал, что он очнется, — все просто ждали окончательной смерти Дэдлайна. Врачи шутили — на том свете ему уже давно начислялся паек.

Но он вдруг проснулся. За время его отсутствия многое изменилось. Развалился Союз, Воркуйск-8 обрел независимость, появились мощные компьютеры, глобальная сеть, Говорили — Дэдлайн очнулся, из-за того, что почуял много новой информации. Говорили, за время комы он переродился. Что он переварил всю принятую им информацию, и теперь все знает и умеет. Говорили, что теперь он служит в очистке. Говорили, — он чует запах информации, может выходить в Сеть без помощи компьютеров, что нет такой защиты, которую он не может сломать. Что это козырная карта, адская ищейка Инфокома, которую выпускают только на крупную дичь. Что большую часть времени он лежит под кайфом, пропуская через нос весь воркуйский трафик. Что перед заданием его отключают от Сети, и он готов на все, лишь бы утолить свой вечный голод. Что он не знает ни страха, ни жалости. Что это уже не человек. Говорили, даже, что всех сотрудников очистки теперь насильно сажают на инфофер. И еще много чего говорили.

Разумеется, во все это трудно было поверить. Зиро и не верил, только ухмылялся, когда слышал эти россказни. Сейчас ему было не до смеха.

Аи не отреагировала, думал Зиро. Каким-то образом Дэдлайн обдурил его систему безопасности. Не сработал ни один из десяти уровней защиты. Зиро считал свою защиту от взлома почти идеальной. Почти.

Зиро посмотрел на Аи.

Аи висела. Дэдлайн устроил ей жесткое шибари, она висела на цепях, связанная веревками, руки вывернуты за спину. Выглядела она ужасно, на теле синяки и ссадины, как будто ее хорошенько отстегали плеткой. Рот крест-накрест заклеен черным скотчем.

- Твоя Тень тебе не поможет — Дэдлайн проследил его взгляд. — Она заблокирована.

- Я не виновен, — с трудом проговорил Зиро. — Это все Казимир Крамольник. Меня похитили. Развяжи меня, я все расскажу.

- Молчать! — Взвизгнул Дэдлайн, словно слова Зиро причинили ему боль. — Только твоего шума мне сейчас не

хватало!

- Но просто хочу все объяснить!

Дэдлайн взвыл, резко выхватил пистолет и направил на Зиро. Лицо его страшно дергалось, глаза норовили выпрыгнуть из глазниц.

— Еще одно слово услышу от тебя — убью нахер! — ствол в руке майора очистки нервно подрагивал.

Наручники — пистолет… Пистолет — наручники…, вяло думал Зиро, смотря в черное дуло. Дэдлайн смотрел на Зиро, но казалось, что взгляд его направлен внутрь себя. Казалось, в нем идет какая-то внутренняя борьба.

— Гори оно все огнем, — неожиданно спокойно и очень устало, произнес Дэдлайн. — Мне нужна доза. — Он спрятал пистолет в подмышечную кобуру.

Прихрамывая, он вышел из комнаты, через минуту вернулся с черной сумкой в руках. Расстегнул молнию, достал побитый жизнью ноутбук и какую-то странную хреновину, похожую на перегонный куб — хитросплетение причудливо изогнутых стеклянных трубочек и разноцветных проводов, это, видимо, и была та самая файловыжималка. Затем на столе оказался целый набор химической посуды: баночки разной формы, спиртовка, пипетка, какие-то ампулы, шприцы… Дэдлайн взял две стеклянные баночки, внутри которых плескалась прозрачная жидкость, они были подписаны от руки: 0 и 1. Он зарядил их в файловыжималку, и после этого подключил ее к ноутбуку через универсальный разъем. Затем воткнул в ноутбук кабель, ведущий к накопителю Зиро. Склонился над клавиатурой и торопливо застучал по клавишам. Зиро ударил по ушам визг работающих на предельной скорости электромоторов — Дэдлайн начал перегонять данные.

- Скорость перегонки… — бубнил он, щелкая кнопками тачпада. — Проверка уникальности…. Удаление дубликатов… Коррекция шума….

Файловыжималка забулькала. Жидкость из баночек 1 и 0, проходя сквозь сложную систему стеклянных трубок, постепенно мутнела и по капле капала в мерную склянку. Медленно, но верно, инфофер заряжался информацией.

Дэдлайн оторвался от экрана, огляделся, и с шумом втянул ноздрями воздух.

- Здесь хорошая инфа. Очень хорошая. — Вообще, это не в моих правилах. Сначала работа, но… — он словно оправдывался. — Я не могу ждать! Боже, как жжет! — Дэдлайн потер виски пальцами. — Быстрее, мать твою, быстрее! — подгонял он компьютер.

Та-да! — пискнул компьютер.

Дэдлайн вывинтил из аппарата баночку с заряженным инфофером. Взболтал ее и посмотрел на свет.

- Превосходно! — заключил он и облизнул пересохшие, потрескавшиеся губы.

При помощи длинной химической пипетки, он набрал из баночки с заряженным инофером немного мутной жидкости и перелил ее в еще одну химическую склянку, которую сразу же заткнул пробкой, от которой отходила резиновая трубка с клапаном.

Дэдлайн снял куртку, закатал левый рукав форменной, цвета хаки, рубашки. Распечатал одноразовый шприц, сломал ампулу с какой-то желтоватой дрянью, и, морщась, сделал себе укол в вену. Поднес зажженную зажигалку к донышку емкости с дозой — жидкость внутри практически моментально испарилась. Дэдлайн шумно выдохнул. Левую ноздрю зажал большим пальцем, а в правую вставил трубку. Отжал клапан и одним могучим вдохом втянул в себя содержимое баночки.

И сразу же обмяк на стуле.

- О-о-о… — сладостно застонал он. — О-о-о….. — Шланг выпал из его рук.

- Мурашки по коже побежали — глуповато улыбаясь, сообщил Дэдлайн. — Так оно начинается…

Его лицо успокоилось, перестало дергаться. Снова стало походить на человеческое.

Дэдлайн расслабился, закинул ногу за ногу. Умиротворенная полуулыбка играла на устах.

- Какой мощный приход! А ты хороший парень, Зиро, — из голоса Дэдлайна исчезли истеричные нотки. — Отличное дерьмо у тебя на бобинах! Можно было бы тебя не пинать. Мне даже немного стыдно. Понимаешь, — он подался немного вперед, — я, если свое лекарство вовремя не приму, начинаю немного нервничать. Ну да ладно, чего грустить о прошедшем? Надо смотреть в будущее! Правда, Зиро?

Дэдлайн взвесил в руке банку с мутным зельем.

- А в будущем у нас три дозы. Три хор-р-рошенькие дозы! — сказал он, счастливо улыбаясь. Он снова перевел взгляд на Зиро.

- Как же ты дошел до жизни такой, сынок? Разве тебе плохо жилось с такой-то отличной инфой? Зачем было ссориться с Комитетом?

- Я же говорю: я ни в чем не виноват! Выслушай меня!

Дэдлайн рассмеялся. Громко, заливисто.

- Я что, похож на психоаналитика? Или, э-э-э, на отца святого? Да ты еще и шутник, Зиро. Ты мне все больше и больше

нравишься. — Дэдлайн развел руками. — Пойми, чтобы ты не сказал, это уже ничего не изменит. Не я решаю, кто виновен, а кто нет. Я лишь выполняю приказы. Неделю назад нам спустили список…. Да и, по правде говоря, меня совершенно не ебёт виновен ли ты или нет. Меня сейчас ничего не ебёт. Ни-че-го. — Он опять засмеялся.

- Знаешь, на что это похоже? — Дэдлайн помотал головой. — Моя голова, она словно стеклянный шарик со снежинками! И каждая, каждая дарит неземной восторг! Их миллионы миллиардов, этих снежинок, они кружатся в цифровом танце внутри моей головы! Бесконечно-бесконечный фрактал счастья! Я вижу эти сладко-синие инфоволны, информация укутывает собой мир, рождает все сущее! Я чувствую ее каждой клеткой тела, она всюду! Это нектар восторга! Мы рождаемся из информации, живем ею, умираем в нее, но не замечаем ее, этой божественной сущности, нам нужны бесполые автоматы, которые пережевывают ее для нас электрическим челюстями и впрыскивают всеразъедающей кремниевой кислотой в глаза и уши! Это так грустно… сказал Дэдлайн, со счастливой улыбкой на лице. — О, если бы я мог освободиться! О, если бы я мог отринуть этот угнетающий симбиоз! Дышать ею! Впитать ее всю, как губка! Скинуть косный хитин сознания!

Глаза Дэдлайна сияли, он словно светился изнутри.

- У меня вырастают невесомые крылья, я выбираюсь из мрачных туннелей бытия и лечу, лечу на нестерпимо яркий свет Вселенской Правды! Божественный свет оплодотворяет меня, я перерождаюсь в новый центр мира, в новое осознание, я взрываюсь Большим Взрывом, и там, на самом дне моего разума, возникает очередной, бесконечно-запутанный лабиринт Новой Вселенной!

Дэдлайн замолк.

- Первые десять минут самые восхитительные, — произнес он после паузы.

Зиро сказал:

- Послушай, у меня здесь лимона три налом. Забирай все и дай мне полчаса.

- Ха-ха-ха! Купить меня хочешь? Какой ты смешной, Зиро! Да за все деньги мира нельзя купить то, что я сейчас чувствую! Кроме того, чтобы ты, знал, ха-ха, на будущее: у нас, в очистке, компенсируют не взятые взятки в двойном размере. Достаточно предъявить доказывающую факт запись в бухгалтерию. Ладно, что-то я заболтался с тобой, — Дэдлайн хлопнул себя по коленям и встал, — Пора делать свою работу. — Его слегка штормило от кайфа.

- Зиро, у меня для тебя плохие новости, — объявил он и согнулся от хохота. — Какое у тебя испуганное лицо! Извини, извини. Порчу торжественность момента.

Он достал из сумки папку, открыл ее, театрально прокашлялся, и начал читать:

- Гражданин учетная запись?345667, государственный логин 'Зиро', настоящим уведомляем вас, что согласно решению экспертно-правовой системы Фемида+ вы признаетесь виновным в попытке саботажа городских компьютерных систем. Подобные противоправные действия классифицируются системой как информационное преступление средней степени тяжести. На основании статьи?21 Кодекса Информационной Безопасности, вы принудительно переводитесь в Нижний Регистр Строгой Конфигурации.

Согласно положению о Нижнем Регистре Строгой Конфигурации Свода Правил Цифровой Регистрации, с момента оглашения данного приговора, вам запрещается использовать и иметь в собственности все виды устройств обработки и хранения информации. Все находящиеся в вашей собственности устройства обработки и хранения информации вам надлежит сдать сотруднику Службы Очистки.

Находящийся в вашей собственности процент от информационной магистрали, равно как и все находящиеся в вашей собственности счета в датабанках переходят в собственность Информационного Комитета. Все принадлежавшие вам данные подлежат утилизации. Резервное копирование данных запрещается. Лимит личных данных установлен в 640 килобайт. Так же уведомляем вас, что все ваши денежные счета арестованы, до решения Комиссии по Контролю Исполнения Наказаний.

Отныне, ваш доступ в Сеть ограничивается государственным сегментом внутренней воркуйской сети, посредством общественных терминалов. Список сайтов, разрешенных к посещению, а также регламент доступа, изложен в приложении к данному документу.

Так же извещаем вас, что договор аренды #2416 на использование узла, заключенный между гражданином учетная запись #345667, государственный логин 'Зиро' и Информационным Комитетом аннулируется в одностороннем порядке. Вы обязаны покинуть территорию узла в течение 24 часов с момента оглашения приговора.

В течение 48 часов вы должны явиться в отдел Распределения Прав и Обязанностей Граждан для получения дальнейших инструкций

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Приговор вступает в силу после оглашения. Нарушение любого из вышеперечисленных положений приговора карается лишением свободы, согласно статьям 34, 112, и 57 Уголовного кодекса Воркуйска-8. Просьба оказывать содействие службе очистки.

- Вопросы есть?

Зиро молчал.

- Вопросов нет, — подытожил Дэдлайн. — Это хорошо. — Он разжал крепления папки и извлек несколько листов. — Это твоя копия. А это, — Дэдлайн продемонстрировал Зиро старинный пятидюймовый гибкий диск, — твоя дискета для хранения личных данных. Береги ее, сынок, — другой не будет. Да, и не забудь оплатить услуги очистки. Счет там, к приговору пришпилен.

Дэдлайн положил бумаги на стол и направился к двери шлюза. Зиро знал, что он будет делать. Войдет внутрь, сорвет печать с административной консоли и введет код административной перезагрузки. Зиро вдруг отчетливо понял, что Аи сейчас умрет. Еще немного и Дэдлайн убьет ее, сотрет электромагнитным импульсом. И он останется один. Совсем один. Зиро заскрипел зубами от злости. Он чувствовал, как челюсти тяжелеет, как нанодентовые зубы прочнеют, реагируя на экстремальную нагрузку. Настало время проверить рекламные обещания, подумал Зиро и, подтянувшись, вцепился зубами в цепь наручников. Его резцы заострились, на них появлялись мелкие острые зубцы, как на ножовке. Зиро остервенело грыз цепь наручников, так сильно сжимая челюсти, что казалось, еще чуть-чуть, и глаза лопнут от натуги. Рот наполнился металлической стружкой. Зубы клацнули друг от друга — цепь лопнула. Надо же, не обманули. Зиро быстро распустил узел, связывающий ноги.

- Внимание, идет подготовка к административной перезагрузке. 10 минут до полной остановки системы, — сказал приятный женский голос, голос системы по умолчанию.

Дэдлайн возвращался. Зиро снова завел руки за голову. Лег, как лежал.

Дэдлайн вернулся, в руках его был Меч. Он извлек клинок из ножен и начал рассматривать

- Какой красавец… — пробормотал он.

Зиро стал звать Аи-они, так Зиро назвал сторожевую утилиту, созданную на случай полной блокировки его Тени. Он моргал морзянкой в камеры: SOS, SOS, SOS….

Меч целиком завладел вниманием Дэдлайна. Он водил пальцем по хамону, волнообразному рисунку на лезвии, линии заточки клинка,

- Как минимум, шестнадцатый век. — Задумчиво сказал

он. — Видимо, одна из школ традиции Мино. Редкая вещь.

Сработало! За спиной Аи нарисовался транспарантный ангел — сама Аи, только в белом балахоне, с ангельскими крылышками за спиной и желтым нимбом, привязанным к голове куском проволоки. Аи-они кривым кинжалом рассекла путы сковывающие ее сестру и исчезала.

- Аи, красная тревога, — произнес Зиро одними губами. — Автосохранение.

Дэдлайн встал в сейган и изобразил несколько ударов из разных ката. Довольно уверенно, как отметил Зиро.

— 10 минут до перезагрузки, — сказал компьютер.

- Где ты его взял? — спросил Дэдлайн.

- Богиня Аматэрасу послала его мне, — огрызнулся Зиро.

- Ну, если послала, береги его. Войн, как известно, живет своим мечом, — ухмыльнулся Дэдлайн. Он вложил Меч в ножны и положил на пол неподалеку от Зиро.

Грянула музыка. Дэдлайн вздрогнул и обернулся. Аи стояла на сцене ночного клуба, в хэнтай-режиме. На ней почти не было одежды только полоска ткани на широченных бедрах. Он выгнулась и затрясла огромными сиськами, крутанулась несколько раз вокруг шеста и оседлала его. Она сосала свой палец и вверх-вниз, вверх-вниз, терлась о шест промежностью. Потом сорвала с себя юбку, сделала обратное сальто и рухнула в шпагат. Упала на спину и широко раздвинула ноги, отрывая вид на то, что у японцев называется 'взгляд в бесконечность'. Невидимые зрители улюлюкали и осыпали сцену деньгами.

Стриптиз означал экстренный бэкап. Аи таким образом отвлекала внимание, пока сливала свой код на внешний сервер.

Дэдлайн удивленно приподнял брови и уставился в экран. Но ненадолго. Он резко развернулся к Зиро и зло прохрипел:

- Поиграть со мной решили, сукины дети?! — он сорвал с пояса электромагнитную антипленочную гранату и выдернул зубами чеку.

- 5 минут до перезагрузки.

Зиро неожиданно пережил момент глубочайшего прозрения. Он стремился достичь его на тренировках, когда пытался овладеть иайдо, искусством убийства врага одним ударом, но даже близко не подобрался. Его разум стал совершенно пуст, его тело, сознание и дух слились воедино. Он чувствовал пульсацию силы ки внизу живота, он словно соединился со своим противником незримой пунктирной линией. Зиро понял — Дэдлайн проиграл. Он ощутил его суки, его пустоту. Он совершенно ясно видел, что через мгновение Дэдлайн развернется и сместится немного влево, открывая живот. Зиро

припал на левое колено, и, молниеносно выхватив Меч из ножен, ответил на пустоту противника всей полнотой свой ярости, сосредоточенной в кончике клинка.

-То-о! — откуда-то со стороны Зиро услышал свой собственный крик,

Меч вспорол живот врага. Лезвие окрасилось кровью.

Дэдлайн наклонив голову, ошеломленно смотрел на свою рану. Кровь хлынула на пол. Обычная, красная, человеческая кровь.

Аи вырвала шест из сцены. Она переломила металлическую палку об колено, и вонзила обломок себе в живот. С кривой ухмылкой намотала свои кишки на палку и, как рычагом, вырвала наружу. Кровь брызнула в камеры. Изуродованное тело Аи рухнуло на сцену. Зрители стонали в экстазе.

Она закончила бэкап и стерла себя.

Граната выпала из рук Дэдлайна, и, с негромким хлопком, детонировала. Пшик, и все данные Зиро стерла мощная вспышка электромагнитного поля. Все, чем и ради чего он жил, было уничтожено. Абсолютный ноль.

…7,8,6,5,4,3,2,1… - бежали цифры по экранам.

Ноль.

Тяжелый ресет.

Тишина.

Весь компьютерный шум, который Зиро давно уже не замечал, который слился для него в один звук, за гранью восприятия, исчез. Система остановилась.

И в этой абсолютной тишине корчился и плевался кровью смертельно раненый Дэдлайн.

Зиро остолбенел. Осознание того, что он, только что, собственными руками убил человека, пронзило молнией, пригвоздило к месту. Ему стало жутко.

Он бросился к Дэдлайну. Обхватил его голову и закричал в лицо:

- Не умирай, сволочь! Живи! Живи, скотина!

Дэдлайн попытался засмеяться.

— Это со мной не в первый раз. — Каждое произнесенное слово, выдавливало из него кровь. — Черт побери…. Всё дерьмо мира в моей голове. Столько дерьма…. Ты не поверишь. Как же я устал быть муравьем… Что это? — сказал Дэдлайн удивленно. Он смотрел куда-то поверх правого плеча Зиро. Зиро обернулся и ничего не увидел.

- Там… — Дэдлайн схватил Зиро за плечо, попытался приподняться, но не смог. — Ты, что, не видишь? Потоки…. Везде потоки, много…. Как узоры. Они мерцают…. Красиво, но холодно.

Очень холодно…. Меня… затягивает… — Вдруг глаза его расширись сверх всякой меры. — Господи, не может быть! Это же Пакман! Нет! — он замотал головой. — Нельзя! Отмена! Зиро, скажи им! Нельзя проводить презентацию! Он всех сожрёт! Ты должен им сказать! Ты должен…. Иначе… Они не понимают… — Дэдлайн страшно закашлялся кровью. По его телу волнами пошли дикие судороги. Дэдлайн дернулся в последний раз и обмяк. Все. Он умер. В последний раз. Зиро закрыл ему глаза.

Вода на его щеках.

Что это?

Слезы?

Он так и сидел с его головой Дэдлайна на коленях. Узел ребутнулся.

'Регистрация нового пользователя' светилось на всех экранах. Курсор мигал в пустом поле. Девственно чистая система ждала нового хозяина.

Зиро был не из тех, кто отворачивается, увидев смерть. Но, как оказалось, это большая разница, если убиваешь сам. Зиро пошарил в карманах Дэдлайна, нашел ключ от наручников и освободил руки. Пошел в ванную. Выпил пару таблеток обезболивающего и долго мыл руки, понимая, что теперь он никогда не отмоется.

Как омерзительна смерть, думал он. Она ужасна, ужасна, ужасна…

Внутри него разверзлась черная дыра, и Зиро чувствовал, как в нее засасывает его душу.

Это — поворотный момент.

Точка невозвращения.

Зиро вытер Меч. Повесил ножны за спину, рукоять катаны, торчала из-за левого плеча. Он обернулся на пороге, посмотрел на свой дом в последний раз. Взгляд его наткнулся на Светоч, который он воткнул в розетку для подзарядки, после того вечера, на Дуге. Он взял его с собой, не особо понимая зачем. И ушел.

011: Тень Победы

Зиро любил компьютерные игры. И ему нравилось развлекать себя проекциями видеоигр на реальную жизнь, хотя, понятное дело, любая игра и есть некая имитация этой самой, реальной, жизни. Но в отличие от жизни, правила видеоигр четко описаны компьютерным кодом, не терпящим двусмысленности. В этом их прелесть, они уводят в другой, лучший мир, где все просто и понятно, где трудности только развлекают. Главное — просечь внутреннюю логику игры. В этом смысле, самой точной моделью человеческой жизни Зиро считал, неимоверно популярную в последнее время, игру Пакман. Помните — ненасытный желтый колобок, пицца без четвертинки, мечется по лабиринту и 'пака-пака-пака!' ест точки. Слопал всё, молодец, иди на новый уровень. Но не все так просто — кроме Пакмана, в лабиринте живут четверо призраков, которые хотят сожрать Пакмана. Пакман перед ними беззащитен, он может только увернуться. На его счастье, кое-где в лабиринте лежат Таблетки Силы; проглотишь такую, и сам можешь сожрать призрака. Но таблеток всего четыре штуки на уровень и действуют они недолго. А призраки всегда воскресают.

С людьми та же история. Бегают и жрут, жрут и бегают, по неизвестно кем, когда и зачем построенному лабиринту, пытаясь улизнуть от монстров, которых зовут: смерть, нищета, страх, ненависть, предательство и т. д. Иногда Человеку-Пакману везет, и он натыкается в жизненном лабиринте на свою Таблетку Силы: дружбу, любовь, веру, богатство и т. д., и начинает думать, что контролирует ситуацию. Что он самый-самый в лабиринте, хозяин своей жизни, ему все по плечу и т. д. Он разгоняет монстров, сжирает все вокруг, переходит на новый уровень. А там… А там все тоже самое. И т. д. и т. п. и т. д и т. п.… Только лабиринт все извилистее и извилистее, монстры все шустрее и шустрее, таблетки все меньше помогают, а жрать надо все больше и больше. И совершенно не ясно, когда же все это кончится. Ясно только как — у человека всего одна жизнь.

Вот как Зиро сейчас себя чувствовал — призраки берут в кольцо и ни одной Таблетки Силы на уровне. А он тратит драгоценное время на настройку софта своих агментов. Забился в темный угол и инсталлирует базовый набор программы из чудом уцелевшего ПЗУ. Граната Дэдлайна грохнула все настройки.

Его гослогин больше не работал, Зиро выкинули из Сети. Но были методы. Зиро включил радиомодем агментов, работавший с сетями внешнего мира. Перед его глазами возникло окно с

длинным списком радиоинтернетных сетей, сигналы которых засосало в воронку. Он выбрал какой-то финский радиоинтернет последнего поколения с наиболее устойчивым сигналом. Порылся в наборе программ для взлома, они в виде разноколиберных отмычек зависли в воздухе на некотором отдалении перед его глазами, выбрал нужную, вскрыл сеть и залогинился. Посмотрел на индикатор скорости и поморщился. Как они там живут с такой связью? Ощущение такое, будто ты шел неделю по пустыне, изнывая от жажды, а потом нашел источник, из которого капает по капле в минуту — попробуй, напейся. Стандартный воркуйский радио протокол второй версии был в десятки раз производительней, при том, что в городе за рулез не считался — так, для улицы пойдет, но не для серьезных дел. Серьезные дела делаются только по кабелю. Зиро вдруг остро ощутил, прямо в груди заныло, как же он, на самом деле, любит родной город. Черт, вот так всегда — понимаешь только тогда, когда можешь все потерять.

Зиро проговорил числовой адрес сервера, куда слилась Аи; физически этот сервер находился где-то на тихоокеанских островах, какое-то микроскопическое государство с непроизносимым названием, единственным достоянием которого была хорошая погода и звучная доменная зона. Зиро этим нарушал закон — воркуйчане должны были хранить свои данные только в Воркуйске-8. Но после всего, это даже можно было не считать за преступление. Как там в таких случаях говорится? Поглощение более тяжким менее тяжкого?

- Аи, ответь!

> Хаё, Зиро-сан! ^_^ — улыбнулась она. От Аи остались только строчки текста. Зиро отключил графику, старясь уменьшить трафик насколько возможно. Да с такой связью не до визуальных излишеств.

- Аи, проверь себя.

> Хай!

>…….. 100 %. Ошибок не обнаружено.

- ОК.

> Просканировав модуляции голоса моего господина, я обнаружила тревогу. Что Аи может сделать для Вас? Хотите, Аи почитает стихи?

(У нее был встроенный хайку-генератор)

Стихами мне сейчас не поможешь, подумал Зиро.

- Отменить.

Зиро поручил Аи фильтровать официальные каналы. Свиснуть, если будет упоминаться его имя. Зиро сдвинул очки на лоб и немного перевел дух. Как бы то ни было он все еще он-

лайн. Это успокаивало. Зиро сел на газон и закурил. Он курил и смотрел по сторонам. Здесь было тихо, мирно, даже как-то сонно, обыкновенный, типичный для центра, тесный воркуйский дворик, образованный старыми 'сталинками' с высоким потолком. В окнах горел свет, там мелькали тени, люди жили своей жизнью. И всем наплевать на него. Только кошка сидевшая на скамейке у подъезда с опаской поглядывала на него.

Зиро лег навзничь, раскинул руки. Трава пахла весной, он смотрел в темнеющее вечернее Небо, на котором уже проступила первая звездная сыпь. Зиро ждал объявления о розыске.

'РАЗЫСКИВАЕТСЯ ПО ОБВИНЕНИЮ В УБИЙСТВЕ', - что-то в этом роде.

Но в Небе болтался обычный спам. Это было подозрительно — Зиро уже имел возможность убедиться — парни из Очистки работают быстро.

ЦИФРОВОЙ МАНИКЮР. ВПЕРВЫЕ ЗАПИСЬ ДАННЫХ С ТРОЙНОЙ ПЛОТНОСТЬЮ!

Что же делать? Его мозг работал на предельной частоте, но что толку? Всей этой кристальной чистотой в черепе он видел себя на дне самой глубокой и грязной задницы, которую только можно вообразить. Убийство сотрудника Очистки при исполнении это тянет на пожизненное. До конца жизни засыпать болото песком. Как мило. То, что он изначально был невиновен, теперь вряд ли может служить смягчающим обстоятельством.

ИНОРМАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ ПОЗДРАВЛЯЕТ ВСЕХ ВОРКУЙЧАН С ПРАЗДНИКОМ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ И ПРИГЛАШЕТ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ПРАЗДНИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ НА ПЛОЩАДИ РЕВОЛЮЦИИ.

В памяти Зиро возникли последние слова Дэдлайна. Что там он нес? Кого-то он должен о чем-то предупредить, что-то нельзя… Пакман, опять же…. И, да, он говорил, что список, в котором было его имя, спустили неделю назад. Бред какой-то. Неделю назад он был чист до полной прозрачности. Но стоить ли верить словам человека, если у него муравейник в голове и дырка в животе?

Странно, но Зиро не помнил сам момент убийства. Вот он берется за рукоять Меча; вот Дэдлайн корчится на полу. Между этими двумя событиями — пустота. Словно им руководил Меч. Словно он хотел испить крови.

Зиро представил, как он излагает эту теорию на допросе, и скривился.

РЕМОНТ ГОЛОПРОЕКТОРОВ. ОПЕРАТИВНО, НЕДОРОГО, КАЧЕСТВЕННО.

Зиро расслабил мышцы и попытался рационально обдумать

ситуацию. Перебрать варианты. Перебирать, однако, было особенно нечего. Бежать некуда. Кругом болото. Можно, допустим, пробраться на антенный остров, там, кажется, есть аэродром взять заложников и угнать вертолет. Перелететь через болото. И взорваться на российской ракете. Круто. Такой конец, несомненно, более зрелищный. И это единственное его достоинство. И даже, если, допустим, ему удастся пересечь болото, вместе с, предположим, дальнобойщиками — что это даст? За болотом, Россия, еще одно болото, из которого ему точно не выбраться. B8 везде вне закона. Кругом враждебный мир, который их ненавидит. Его сразу поймают. Такие, как Зиро, за пределами B8, бельмо на глазу, цветной кадр в черно-белом фильме — видно за километр. А если его повяжут как воркуйского шпиона, пожизненные работы на родном болоте покажутся манной небесной.

УБОЙНЫЕ СПЕЦЭФФЕКТЫ ДЛЯ ПИКСЕЛЬНЫХ КОНТАКТНЫХ ЛИНЗ! ПЛАМЯ В ЗРАЧКЕ, ДЬЯВОЛЬСКИЕ ИСКРЫ, ФРАКТАЛЬНЫЕ ФЕЕРВЕРКИ, ГИПНОВЗГЛЯД, ГРИБНАЯ МАГИЯ, МЕГАВОЛЬТ И СОТНИ ДРУГИХ!

Спрятаться в B8 негде. Подсчитано, каждый гражданин B8 за день появляется в поле зрения камер слежения не менее тысячи раз. Возможно, прямо сейчас, кто-то смотрит на него. В B8 все просматривается и прослушивается. Идти же на прямую конфронтацию с Комитетом чистое самоубийство. И может рассматриваться только как еще одна эффектная концовка, в противовес долгой и утомительно-скучной болотной жизни. Конечно, приятно себя некоторое время потешить героическими мечтами, типа, как он находит Припоя и других безвинно стертых, организует вооруженное подполье, поднимает мятеж, захватывает власть…. Носится по Воркуйску с Мечом в руках и пламенными речами на устах, находит Казимира, и…. Да, найти Казимира. Единственная стоящая мысль. Найти Казимира, и вырезать из его груди сердце. И, с сердцем на руках, явиться с повинной. Простите, я больше не буду. Впрочем, Крамольника уже наверняка хлопнули вместе со всеми его хлопцами.

ЗАЙКА994, С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ! ЧМОКИ, ТВОЙ RUSTAM.

Еще к Зиро прилипла, как жвачка к каблуку, мысль вспороть себе живот. Это, наверное, Меч нашептывал. Его совет. Ну так, черт его дери, даже некому голову отрубить, чтобы было по этикету! И тут Зиро увидел Мисти. У него отвисла челюсть. Агменты засекли его в Небе, в наушниках грянул туш: Зиро сорвал джекпот.

Вероятность увидеть Мисти была чуть больше, чем, скажем, гигантскую болотную жабу. Мисти, таинственный спутник-шпион,

последнее поколение секретных стелс-спутников ЦРУ. Трудность его обнаружения заключалась в том что, он постоянно менял свою орбиту. Орбиту ему меняли, пряча его от общемировой сети саттелит-хантеров. Эти маньяки-идеалисты, считали свои священным долгом переписать каждый спутник в небе и слить данные в Сеть для публичного доступа. Собственно, их база данных и была установлена в очках Зиро. Эти парни здорово мешали спецслужбам, публикуя данные об их орбитальных шпионах. Людям невозможно запретить смотреть на звезды, и, сколь ни крась здоровенную, с автобус, высокотехнологичную хреновину светопоглощающими составами, все равно ее в Небе не утаишь, ибо Небо есть правда. Поэтому ЦРУ хитрило, как могло — оно шпионило за хантерами и прокладывало орбиту Мисти таким образом, чтобы спутник избегал тех мест, где могли сидеть в засадах матёрые бородатые нерды с мощными астрономическими биноклями. В результате, если наблюдать за космосом из одной точки, шанс увидеть Мисти выпадал раз в семьдесят лет. Раз за человеческую жизнь, короче говоря. Неудивительно, что Мисти превратился в самый желанный приз, в этакий 'Голубой Маврикий' коллекционеров спутников.

Зиро торопливо включил Светоч, проткнул космос лазером, и, задержав дыхание, поймал Мисти лучом, испытав при этом такие же чувства, какие, наверное, испытывает энтомолог, накалывая на иголку безумно редкую козявку, дело всей его жизни.

Зиро выключил фонарик.

- Теперь и умереть не стыдно, — сказал он.

Зиро смотрел в звездную бесконечность и чувствовал, как уходит беспокойство, как страх, парализовавший его волю, вытекает по кончикам пальцев в землю. Зиро стало стыдно за свое малодушие, за боязнь за собственную жизнь, такую ничтожную перед Бесконечностью Неба. Эта Бесконечность всегда завораживала его, он и боялся ее и стремился к ней; в дни душевных затмений, ему снился один и тот же сон — он ничтожный пиксель, безнадежно потерянный в богом забытой клетке бесконечной координатной сетки, он просыпался от собственного крика, подавившись беспредельным одиночеством. Зиро смирился. Это не то смирение, означающее безвольную покорность воле божьей, нет, это смирение, которое означает полную гармонию с законами Вселенной, законченность, порядок и внутреннюю свободу; Зиро чувствовал, что снова берет в руки нить своей судьбы, которая всегда вела его по жизни.

Зиро достал Меч и поднял ввысь, наблюдая за игрой света на металле; он разглядывал клинок, который так круто поломал

его жизнь, едва в ней появившись. В этот момент вселенской паузы, он не чувствовал себя, он полностью растворился в великой пустоте, роднившей его с каждой вещью в мире.

— Будь что будет, — сказал Зиро Небу. Он поднялся, вернул Меч в заплечные ножны, отряхнулся и вышел на свет.

На празднично украшенных улицах Воркуйска-8 было полно народу. Все улицы, примыкающие к площади Революции, перекрыли, превратив в пешеходную зону. Казалось, все население города высыпало на улицы. Народ был пьян и счастлив, нарколарьки работали с максимальной нагрузкой. Зиро нырнул в толпу; он шел среди всех этих шумно-веселых людей и ему было страшно одиноко, так всегда он чувствовал себя среди большого скопления людей. Зиро вообще не очень любил людей. Это чувство проистекало не из какого-то невротического человеконенавистничества, это была не ненависть, скорее стыд. Зиро всегда как-то обостренно чувствовал человеческую природу, и ему было обидно за всеподавляющую человеческую тупость. Именно поэтому Зиро так любил компьютеры. Компьютерами движет логика. С компьютерами всегда можно договориться. Не то что с людьми.

Компьютеры…. Теперь о них можно забыть.

Зиро, куря одну сигарету за другой, бесцельно слонялся по улицам, созерцая и реконструируя по долетающим до него обрывкам разговоров человеческие характеры, не о чем особо не думая. Он просто ожидал решения Вселенной на свой счет. Аи молчала — ничего не происходило.

Только ты, дорогая моя, и я, думал Зиро. Одни против всех.

До лазерного шоу оставалось совсем ничего, людской поток подхватил Зиро и понес на площадь Революции, бывшая Ленина. Это был самый центр города, на площадь вела улица 17 Августа, бывшая Октябрьская. Когда-то, эта широкая пешеходная улица, символизировала победную поступь дела Ленина, теперь же являла собой символ полной и безоговорочной победы капитализма над коммунизмом. Торговые центры, блестевшие медифасадами, ломилась от консюмористского пафоса. Здесь было коммерческое сердце города, этот район обслуживал элиту, здесь все было 'Супер!' 'Мега!' 'Вау!', все покрыто золотом и усыпано кристаллами. Реклама стремилась буквально выжечь бренды на сетчатке. Но народ сейчас материальное не интересовало, он алкал зрелищ. Людей было так много, что все шли почти плечом к плечу. Зиро покорно шел туда, куда несла его толпа, желая одного — раствориться в этих людях до последней своей молекулы. Он поднял воротник куртки и продолжал курить. За последний час он высадил почти пачку.

Чем ближе к площади, тем все больше попадалось патрулей, милицеские наряды, усиленные бойцами воркуйского гарнизона следили за порядком. Следили, впрочем, довольно расслабленно — смеялись, заигрывали с девчонками, электронные забрала шлемов беспечно подняты вверх. Зиро старался им на глаза не попадаться. Уже было слышно, как бухает музыка на площади и видно пламенный ленинский взгляд. На центральной площади Воркуйска, как и положено, стоял памятник дедушке Ленину, только, этот памятник, в отличие от стандартизированных советских Ильичей, возвели какие-то, мотавшие срок в воркуйских болотах, бульдозерные пидорасы-абстракционисты, которые оторвались на полную. Это был индустриальный, механистический Ленин, десятиметровая статуя была сварена из деталей больших станков и отходов промышленного производства. Голова статуи вертелась, а в глаза ее были вмонтированы два мощных красных лазера, — они символизировали пронзающий время взгляд Ильича.

С той стороны, куда несла его толпа, к площади примыкал центральный парк, и Зиро запоздало сообразил, что сам идет в лапы к правосудию — по периметру парка стояло милицейское оцепление. И если менты увидят Меч…. Однако, метаться было поздно, если продираться назад сквозь толпу подозрений он вызовет еще больше. Зиро заворочал головой и заметил неподалеку стайку аниме-фриков, разряженных в диковинные наряды. Один из них изображал какого-то героя с двумя бутафорскими мечами, висевшими за спиной крест-накрест. Зиро взлохматил себе волосы и включил подсветку агментов на максимум, так, что глаза превратились в сияющие зеленоватые круги, и стал потихоньку смешаться в сторону косплееров, уповая на то, что достаточно смахивает на какого-нибудь анимешного злыдня средней руки. Через оцепление он прошел без проблем — все внимание служащих правопорядка было отдано длинноногой киске в сейлор-фуку, с фиолетовыми волосами и кошачьими ушками.

Зиро выдохнул.

За оцеплением стояли длинные торговые ряды с едой и напитками. Волонтеры раздавали всякие штуки со светодиодами, без которых уже ни одно массовое празднество не обходилось. Все их одевали, площадь отсюда виделась как плещущееся море разноцветных мигающих огоньков. Зиро ограничился мигающей красным повязкой, которую одел на правую руку.

Давно Зиро не видел столько людей на площади: народу набилось — пушкой не пробьешь. Площадь была большая, не охватишь взглядом за раз, ее обрамлял ансамбль величественных

зданий в духе сталинского тоталитарного шика: высокие, квадратные, украшенные колоннами, портикам и лепниной с сюжетами советской мифологии о жизни и приключениях Рабочего и Колхозницы. На их фасадах повесили большие телеэкраны, который транслировали футаж со сцены — ее воздвигли у ног Ильича, и сейчас там зажигал какой-то ди-джей, игравший брейкбитовый ремикс 'Синего платочка'.

Зиро не стал углубляться в толпу, он остался на границе парка и площади, спрятался под кроной развесистого дуба — в воздухе было полно дронов.

- Начинается, начинается, — зашептали рядом.

Под вой сирен, в небе показалось звено 'Мессеров', они с воем синхронно свалились в пике. Когда, казалось, эта объемная иллюзия упадет на голову, в самолеты, с шипением, вонзились сотни молний. Это сработали катушки Теслы, прославленное советское средство противоздушной обороны. Над головой эффектно грохнуло.

Толпа ахнула и захлопала в ладоши.

По небу поплыли красные буквы: Красный Лазер представляет: Хроника огненных лет.

В небе над площадью разыгралось целое воздушное сражение, с множеством самолетов, гигантских советских дирижаблей-бомбардировщиков, нацистских летающих дисков и японских ракет, управляемых камикадзе. Самолеты крутили фигуры высшего пилотажа, поливая друг друга красными пунктирами трассеров, враги всего человеческого эффектно взрывались, каждый раз пугая толпу, среди дымных клякс от зениток время от времени мелькали логотипы спонсоров шоу.

Зиро смотрел невнимательно. Может в других обстоятельствах, он бы и похвалил медиахудожников Красного Лазера они и правда старались, однако сейчас ему было не до визуальных удовольствий. Но народу нравилось. Народ ахал, охал, свистел и хлопал. Фашистов победили минут за двадцать и по небу поползли титры.

На экранах появился академик Арсений Моисеевич Глушко — отец родной, бессменный глава Информационного Комитета. Сколько Зиро знал Моисеича, он был старик, но в последнее время он как-то особенно сильно сдал — жизнь в его дряхлом теле поддерживал целый завод систем жизнеобеспечения. Академик Глушко ездил на управляемом взглядом инвалидном кресле, лес трубочек и проводов рос из его тела. Сегодня он, в честь праздника, был при орденах и медалях. Моисеич был герой и той войны.

Толпа зааплодировала — народ любил Моисеича.

Моисееч слабо взмахнул единственной работающей рукой, прося тишины, и заговорил через вокодер.

- Дорогие граждане Воркуйска-8! Уважаемые гости! Поздравляем вас с праздником Великой Победы, с праздником мира и торжества справедливости, с днем добра над злом, свободы над тиранией! — монотонно бубнил Моисеич синтетическим голосом лишенным всякой эмоциональной окраски.

В небе, тем временем, голопрокторы проецировали в небо какие-то видеоэффекты, напоминающие графические плагины визуализации музыки, калейдоскопические фрактальные узоры, разноцветные всполохи света, спирали, закручивающиеся друг в друга; это буйство форм и красок завораживало, трудно было взгляд оторвать. Да и, честно говоря, не особо и хотелось отрывать — на Моисеича смотреть было больно.

Председатель Информационного Комитета продолжал свою речь:

— Прошло уже много времени, но каждый год в день 9 мая память о той войне взывает к нашему разуму. Она обязывает нас к высокой ответственности. И заставляет глубже осознать, на краю, какой необратимой пропасти стоял тогда мир. Какими чудовищными последствиями могли обернуться насилие и расовая нетерпимость, геноцид и надругательство над людьми. Мы всегда будем помнить, что эти бесчинства несут страх, унижение и смерть. Будем вовеки чтить всех, кто тогда отдал свою жизнь, воевал, самоотверженно трудился в тылу. Будем скорбеть о погибших и по долгу спасенных отвечать им великой человеческой благодарностью…

Зиро вдруг услышал, где-то, на самой границе слышимости, какую-то мелодию. Что-то такое простое, медленное, почти детское, казалось, что эта мелодия попадет в такт узорам небесного плагина. Зиро завертел головой, силясь определить источник звука, но не смог. Ему казалось, что он шел со всех сторон сразу. Показалось, решил Зиро. Нервишки шалят. Ну и немудрено.

- В пламенную орбиту Второй Мировой было вовлечено 61 государство и практически 81 процент населения земли. Огненный смерч пронесся не только над Европой, но и над странами Азии и Африки, достиг берегов Новой земли и Аляски, границ Египта и Австралии. Но самые жестокие и решающие события, определившие и драму, и исход этой бесчеловечной войны, разворачивались на территории Советского Союза….

Рядом с Зиро стояла группа молодежи все в светодиодах с ног до головы. Один из молодых людей громко зевнул, и он

словно запустил эпидемию зевоты — через секунду, зевали уже все вокруг, в том числе и Зиро. От Арсения Моисеевича реально клонило в сон. Глаза Зиро сами собой стали закрываться и…

……..

Зиро открыл глаза. И увидел звезды. Он лежал на спине и смотрел на небо. Лежал? Почему это он лежит? Он упал? Когда? Зиро повернул голову — рядом с ним лежали люди. Что за черт? Зиро вскочил и совершенно обалдел от увиденного — все вокруг было устлано человеческими телами. Люди лежали без движения, вповалку, друг на друге. На площади было сплошное людское месиво, здесь же, в парке, они лежали небольшим группами и по одному, то тут то там.

- Не поняла, — услышал он женский голос позади, — я что, заснула?

Зиро обернулся — голос принадлежал рыжей девчонке небольшого роста. Он взглянул не нее мельком и отвернулся. И похолодел — ему вдруг показалось, что рядом с ним стоит Аи. Аи во плоти. Он медленно повернул голову. Нет, он не сошел с ума — конечно, это была не Аи. Это была чужая, незнакомая девчонка. Видимо ему так показалось из-за ее огромных, на пределе возможного, глаз. И форма лица…. И наряд ее… Словно с картинок Рэнжи Мураты. Еще у нее были большие сиськи и тонкая талия. Ни фига себе какая телка! — подумал Зиро. Та часть мозга, что отвечает за воспроизводство, похоже, никогда не дремлет.

Огромные глаза нифигасебекакойтелки внимательно осмотрели его с ног до головы, потом скользнули вниз.

- Что с ними? — Девчонка, сдвинув коленки, присела на корточки. У их ног лежало три человека — мужчина, женщина и ребенок, девочка. По облику мужчины можно было предположить, что он мелкий госслужащий Верхнего Регистра, по женщине — что она домохозяйка, по девочке — что она милашка. Девчушка, с русыми косичками-колечками, крепко сжимала в кулачке ниточку от красного шарика, который колыхался над ней как буек. Обычная семья. Пришли на праздник оттянутся. И оттянулись до упаду.

Девушка заглянула в лицо отцу семейства. Взяла за запястье и пощупала пульс.

- Он же спит! — Сказала она удивленно. Она осмотрела жену и ребенка — И эти тоже спят. — Фууу, — выдохнула девушка, приложив ладонь к груди — Слава богу! А то мне

показалось, что они умерли!

- Спят? — озадаченно переспросил Зиро и наклонился.

Действительно, спят. Как будто так и надо. С полулыбокой на лицах. Наверное, что-то приятное видят во сне.

- Что за дела? — Зиро потер лоб. — Как так? Все, разом, на ногах и заснули? Зиро походил вокруг, осматривая людей. Все спят. И стар и млад. И все улыбаются во сне. Как же люди похожи, когда спят, подумалось ему.

Девушка тем времени вплотную занялась мелким госслужащим.

- Эй, дядя, — тормошила его девчонка. — Нечего тут лежать! Простудишься! Подъем! Но как она его ни трясла, как ни хлопала по щекам — дядя просыпаться не хотел.

- Ну ладно, сам напросился. — Девушка, подобрала с земли чью-то бутылку с газированной водой, взболтала ее и обдала мужчину струей. Дядька не просунулся. Лишь что невнятно пробормотал и перевернулся на другой бок.

- Странно, — сказал девушка, нахмурив брови.

- Есть такая болезнь…. — Сказал Зиро. — Как ее, черт… Нарко… нарко…, - как-то он туго соображал.

-…лепсия. — закончила девушка. — Точно. Нарколепсия. Непреодолимая сонливость. Когда человек непроизвольно засыпает. Типа такая реакция на стресс. Но ведь это редкая болезнь, да? — Когда она говорила, у нее двигалось все лицо, глаза меняли форму, но в любом состоянии и с любого угла зрения, это было застрелиться как мило.

— Уж точно, не заразная, — медленно проговорил Зиро с трудом оторвав взгляд от лица девушки. Оно завораживало его своей милой изменчивостью. — Сюр какой-то, — он почесал в затылке. — Неужели они вот так все до одного заснули? Как такое возможно? — Зиро вдруг заметил, что он не там, где он в последний раз себя помнил. Да, он по-прежнему в парке, но в другом месте. Его знакомого дуба не было рядом. Да что, черт подери, происходит?!

Рыжая смотрела на него снизу вверх и задумчиво жевала губу.

- Надо, наверное, позвонить в скорую, да? Это же ненормально — минуту назад все веселись, а теперь спят вповалку? — Она кивнула сама себе, сняла с запястья коммуникатор-трансформер, сложила его в трубку, и начала набирать номер. Это ее действие сработало как триггер — перед внутренним взором Зиро с сумасшедшей скоростью промчались все события этого дня.

- Ч-ч-черртт… — прошипел он сквозь зубы.

С того момента как он вдруг проснулся (если он, и, правда, спал) он совершенно забыл обо всем этом дерьме. И тут накатило. Все и разом.

Зиро торопливо натянул агменты.

- Аи! Статус!

Голос его трансформировался в команды, которые электрическими импульсами улетели на райские острова.

Ошибка в модуле… Сбой по адресу… Файл не найден…. Устройство не обнаружено…

В глазах запестрело от сообщений об ошибках.

Зиро почувствовал, что у него лопнула в сердце какая-то очень важная жилка. Неужели, после всего, он ее все-таки потерял?

- Аи! Ответь, детка! Где ты?! Ну, хоть ты не бросай меня сейчас! — Практически проскулил Зиро.

Он запустил терминал, чтобы вручную выйти на сервер Аи, но в этот момент экраны агментов моргнули, и Зиро увидел Пакмана. Статичная картинка, словно вдруг кто-то, без его ведома, поменял обои на десктопе. Пакман закрыл собой все иконки и пункты меню. Очки зависли, никак не реагируя на любой ввод: Зиро последовательно перепробовал глаза, голос и сенсорную клавиатуру. Чертыхнувшись, Зиро нажал на ресет, за ухом. Сначала загрузка шла как обычно, но потом опять появился Пакман, и система встала.

- Матьтвою, ну что за хрень! — Зиро в сердцах стянул очки с лица.

- Эээ…. — Девушка с любопытством наблюдала за его агонией. — Извини, что отрываю, — ты не знаешь что это такое? — Она сунула под нос Зиро свой телефон.

- Это Пакман, — тупо сказал Зиро.

- Да я вижу что не Дональд Дак! — Немного раздраженно сказала девушка. — Откуда он у меня на телефоне? Я ничего такого не ставила! И висит, теперь, зараза. Я перегрузила два раза, но он все равно на кнопки не реагирует.

- Значит, это все-таки вирус, — медленно произнес Зиро. — Вот сука!

Девушка вскинула брови.

- Вирус? Что за вирус?

- Ты что, про Сигнатуру Пакмана не слышала?

- Не слышала. Я, — она пожала плечами, — не очень всеми этими компьютерными делами…. Значит, это вирус? А где скачать антивирус? У тебя есть?

Зиро фыркнул.

- Скачать…. Черт, да минуту назад никто даже не знал что

это такое!

- Слушай, он даже там, — девушка показал пальцем на экраны на площади. На всех был Пакман. Неполный желтый круг на черном фоне. — Бред какой-то, — поежилась она, словно от холода, — Эпидемия нарколепсии, Пакман…. А это что у тебя? Катана, что ли? Настоящая? Я точно не сплю? — Она ущипнула себя за руку и поморщилась.

Дядька у них под ногами заворочался. Перевернулся на спину и медленно сел, упершись руками в землю.

- Ну наконец-то! — всплеснула руками девушка. — А то я уж думала ты в коме, дядя!

Дядька посидел немного и неуверенно, покачиваясь, поднялся на ноги. Он был невысокий, плотненький, непримечательной внешности. Обычный человек. Таких миллионы.

- Ну, с добрым утром! Как спалось? — Девушка широко улыбнулась, и Зиро почудилось, что вокруг стало как-то светлее.

Мужик повернул к ним голову.

- Постой, — сказал Зиро. — У него же глаза закрыты! Он, походу, еще не проснулся.

- И правда, — удивленно произнесла девушка. — Ей, дядя, так ты что, еще и лунатик? Никогда лунатиков не видела, — сообщила она Зиро. — А разве бывают нарколептики-лунатики? По-моему эти две вещи не сочетаются, нет?

- Ну, мало ли… — Пожал плечами Зиро.

Мужик выставил вперед руки пошел к ним навстречу. Двигался он медленно, ломано, неуверенно, как будто не вполне управляя своим телом. При этом он рассеяно улыбался.

- Похоже, он нас слышит. Идет на голос. — Сказал Зиро. — Сюда, мужчина! — он зачем-то помахал ему рукой. — Аккуратно, не споткнись.

Мужчина приблизился и неожиданно ловко и цепко, как банкомат купюру, схватил Зиро за левую руку.

- Ух ты! Какой хватательный рефлекс! — Сказал он, — И что теперь? Просыпаться будем? — спросил Зиро у спящего, который продолжал крепко держать его за руку. Вместо ответа мужик открыл рот и укусил Зиро чуть ниже плеча.

- Да ты что?! — взревел Зиро от боли и неожиданности и ударил лунатика кулаком в лицо. Рефлекторно, даже не успев подумать.

Мужчина стал заваливаться на спину; падая, он замахал руками и зацепил резинку очков. Зиро сдавило горло. Мужик падал, растягивая резинку, Зиро захрипел, схватился двумя руками за очки, сорвал с головы и отпустил. Мужик грохнулся на

землю. Прямо на драгоценные агменты, которые так смачно хрустнули, что стало совершенно ясно — некоторое время придется воспринимать реальность без прикрас.

- Что ты наделал?! — вскричал Зиро.

Мужик полежал немного лицом в землю и снова поднялся на ноги.

- Ну что проснулся, наконец, придурок? Ты мне, гад, заплатишь за очки! — Зиро конкретно разозлился. Зло оскалившись, он гладил укушенное предплечье. Мужик не смог прокусить прочную ткань куртки, но синяк, без сомнения, оставил.

- Он не проснулся, — тихо сказал девушка.

Зиро уже и сам это видел. Зиро расквасил ему нос, из него капала кровь, упав, он еще и расшиб себе лоб, большая ссадина сочилась кровью. Но он продолжал спать. Глаза его были закрыты, а на губах все та же дурацкая улыбочка.

- Люди не могут спать так крепко! А если и могут, то не могут при этом двигаться! — сказала девушка, с нотками паники в голосе. Лунатик повернул голову в ее сторону, и сделал шаг в ее направлении.

Девушка отшатнулась.

- Да это какой-то псих больной! Один, наверное, на миллион такой! — Зиро никак не мог успокоиться. Лунатик опять пошел к Зиро.

- Ну что? Тебе мало?! — прошипел Зиро сквозь зубы.

Мужик пытался поймать его, но на этот раз Зиро не дал ему себя схватить. Лунатик махал руками и клацал челюстями. Похоже, ему очень хотелось кусаться. Зиро уворачивался. У него было четкое ощущение, что сомнамбула его видит, не смотря на закрытые глаза. Он поворачивал голову вслед за Зиро, с едва заметным опозданием. Руками он тоже не просто так махал, а расчетливо, на упреждение. Тем не менее, увернуться было несложно.

Шарик вырвался на свободу и полетел навстречу звездам — девочка с косичками поднялись на ноги. Симптомы те же. Закрытые глаза. Полуулыбка на лице. Вытянутые вперед руки.

- Она тоже спит, — сказала девушка таким тоном, словно оправдались ее самые худшие прогнозы. — Ей? Деточка? Слышишь меня? — Нагнувшись, обратилась она к ребенку.

Девочка сделала несколько развинченных, неуверенных шагов к его неожиданной спутнице и вдруг резко, с места, прыгнула. Рыжая отшатнулась, и девочка повисла у нее на ноге, обхватив ее руками, он начала грызть блестящий сапог, впившись зубами в одну из его многочисленных застежек. Она мотала

головой, как собака и брызгала слюной во все стороны

— Отпусти меня! — Воскликнула девушка. В приступе паники она побежала, волоча за собой это дитя, которое недавно казалось эталоном невинности и беззащитности.

Сцена была, мягко говоря, дикая, Зиро замер, и мужик, воспользовавшись его замешательством, поймал Зиро за край куртки и потянул к себе, открыв пасть. Зиро этот тип уже порядком утомил. Он подставил подножку и сильно толкнул его в грудь двумя руками. Мужик грохнулся, при этом, неловко подвернув ногу; раздался неприятный, до мурашек, хруст ломающейся кости. Зиро бросился на выручку девушке. Он схватил ребенка за ноги и потянул к себе. Девчонка пыталась отцепить руки. Ей это удалась и Зиро с ребенком грохнулись на землю. Падая, Зиро разжал руки — девочка, перекатившись несколько раз по земле, ударилась головой о ствол дерева и обмякла.

За спиной у девушки бесшумно на ноги поднялась мать. Глаза ее были тоже закрыты.

- Сзади! — воскликнул Зиро, но поздно, женщина вцепилась ей в волосы и потянула к себе.

Девушка взвала и вырвалась.

У женщины остался в руках трофей — клок ее рыжих волос. Девчонка мгновенно развернулась к своей обидчице, лицо ее перекосило от злобы.

- Не смей трогать волосы! — прошипела она как разозленная кобра.

Зиро был изрядно возбужден, адреналин бурлил в крови, течение времени для него замедлилось, и потому, следующие события отпечатались в его сознании почти набором слайдов. Фшшик, хлесткий звук. Голова женщины резко запрокидывается назад. Из ее затылка вылетает длинная струя красной жидкости, распыляясь в конце в красную взвесь. Женщина падает на спину. Во лбу ее аккуратная маленькая дырочка.

- Ой. — Сказала девушка, выпучив глазищи и прикрыв ладошкой рот. В руке ее была рогатка. Зиро не понял, как она там оказалась.

- Зойка, что ты натворила?! — Потрясенно произнесла девушка. Она повернулась к Зиро и быстро-быстро заговорила, прижимая ладонь к сердцу — Я не хотела! Честно! Я думала слегка в лоб ей дам, чтоб отстала! Она новая, понимаешь? Рогатка! Я еще к ней не привыкла! Я только сегодня ее купила! Там, понимаешь, эластика очень мощная! Я не хотела ее убивать! Я же не убийца! Я просто…. Это была самозащита! Ты же видел! Я не ненавижу, когда меня за волосы! Боже мой…. Меня что, теперь

в тюрьму посадят? Нет, нет, — замотала она рыжей головой, — Я не хочу в тюрьму! Я, я… Мамочки, что же теперь делать?! — Глаза ее заблестели от слез.

- Крутая рогатка, — только и смог вымолвить Зиро. Таких он никогда не видел. Даже не знал, что такие бывают. Навороченная, вся в каких-то примочках. Зиро как-то упустил из виду рогатки. Меж тем, научно-технический прогресс и их не пощадил.

Полные губы девушки задрожали, и она заплакала, спрятав лицо в ладонях.

Отец этого треклятого семейства попытался встать. Но ноги его больше не держали — левую штанину брюк пропорол острый осколок сломанной кости, ткань вокруг раны быстро темнела от крови. Один вид его раны был невыносим, а этот ничего, спал себе, как ни в чем не бывало, разве что больше не улыбался. Он пытался встать, с каждым разом все больше усугубляя свою травму. После очередной безуспешной попытки он потерял сознание. Если в данном случае можно о каком-то сознании говорить. Во всяком случае, он перестал двигаться. Лежал на земле, раскинув руки. Рядом с ним прыгала по своим скользким делам чертова мигалка. И плевать ей на все.

Зиро показалось, что его сердце сжало ледяной рукой. Ему стало до крайности, до невозможности, жутко.

- Они же не чувствуют боли. Они вообще ничего не чувствуют! — Растерянно проговорил он. — Как же их разбудить? Что же…

Девушка тихонько плакала, плечи ее мелко дрожали.

Резко подул холодный, промозглый, продирающий до костей, ветер с болота. Он нес туман, его белые мглистые псевдоподии стелились по земле — болото запустил в город свои щупальца. Белое марево расползалось вокруг, размывая очертания, скрадывая детали.

Люди на площади встали. Они поднялись на ноги почти одновременно, все, кто там был, резко и быстро, рывком, словно разжалась до того сжатая пружина. Люди поднялись и стояли, прямая спина, руки по швам, как солдаты на посту.

Зиро коснулся плеча девушки. Девушка отняла руки от лица, и, продолжая по инерции всхлипывать, уставилась на площадь. Словно почувствовав их взгляд, люди повернули голову в их сторону, все, сразу, одновременно.

Зиро пробил холодный пот — у всех были закрыты глаза. Все они спали.

Зиро показалось, что эта сцена длилась гораздо дольше, чем на самом деле. Тысячи невидящих глаз смотрели на него. Оксюморон? Так почему же ему кажется, что он чувствует на себе

их взгляд? Почему же от этого невидящего взгляда у него на теле все волоски дыбом встали? Спящие отвернулись. Нет, не просто отвернулись, они вращали головами, вправо-влево, влево-вправо, словно разминая мышцы шеи. Все так же синхронно, такт в такт. Потом все люди на площади одновременно подняли левую руку вверх. Опустили. Подняли правою. Потом обе сразу. Подняли-опустили, подняли-опустили. Будто все они решили сделать зарядку. Забыв проснуться. По человеческому морю, сверкающими мигающими огоньками светодиодов, прокатилась волна: люди сделали шаг назад. Потом шаг вперед. Шаг влево. Шаг вправо. Замерли. Такой синхронности даже на открытии китайской олимпиады не увидишь. Люди начали маршировать на месте, и земля затряслась от резонанса их шагов, все они шагали в ногу. Зиро поднял голову — над площадью, в шахматном порядке, обеспечивающим максимальную площадь обзора, зависли дроны. Много дронов. И Пакман. Пакман на экранах. Желтый круг на черном фоне, слово от Луны кто-то отрезал кусочек. Марш лунатиков прекратился, так же внезапно, как и начался, сомнамбулы замерли, а потом толпа буквально забурлила, взорвалась движением. В человеческом море вдруг возникло множество разнонаправленных, пересекающих друг друга, течений, людские массы двигались внутри толпы в разных направлениях, с разной скоростью, но при этом, не мешая друг другу. Это поражало, учитывая скученность толпы и то, что они ничего не видят. Или видят? Зиро никак не мог этого понять. Он вроде слышал, что лунатики как-то могут ориентироваться в пространстве, но одно дело бродить во сне по собственной, заученной до автоматизма, квартире, а другое двигаться в такой плотной толпе. Да если бы все они, в обычных обстоятельствах, бодрствуя, то есть, решили это повторить, они бы передавили друг друга в момент! Понаблюдав чуть дольше, Зиро понял, что не все они движутся одновременно. Какая-то часть вдруг замирала, другая продолжала движение, но какую-либо закономерность в этом Зиро не смог вычленить.

- Они как зомби! Чертовы зомби! — подала голос девушка. Лицо ее слегка покраснело и опухло от слез.

Неожиданно большая группа спящих отделилась от толпы и пошла в их сторону. Они шли, не как те, первые увиденные ими сомнамбулы, нормально шли, не дергаясь, хоть и довольно медленно, но уверенно. Шли, вытянув руки перед собой. И они тоже улыбались.

Зиро и девушка переглянулись и побежали. Так решил их инстинкт самосохранения — от мечущегося в поисках объяснения происходящего сознания сейчас было мало толка. Они побежали

со всех ног, желая только одного — побыстрее убраться от этого места, где, без сомнения, произошло что-то очень-очень плохое. Они неслись сквозь парк на предельной скорости, петляя между деревьями, не разбирая дороги.

Они услышали истошный вопль. Где-то, совсем рядом, кто-то кричал так, как кричат люди от дикой боли. Они побежали на крик. Кричали где-то у комплекса фонтанов, в центре парка.

Они выскочили на освещенный участок у центрального фонтана и увидели жуткую сцену.

Лунатики кого-то жрали. Тот, кого они жрали, несомненно, чувствовал боль и чувствовал в полном объеме — он орал так, что волосы дыбом вставали. Лунатиков было человек шесть или около того. Они склонились над лежавшим на земле человеком, закрывая собой почти все тело несчастного, видно было только его дергающиеся ноги. Жертва замолкла. После небольшой паузы, сомнамбулы встали на ноги и повернули головы в их сторону. Все они были в крови. Лица, руки. У трупа мужчины, у их ног, было разорвано горло, на лице и руках следы глубоких укусов. Нет, они не хотели его сожрать. Они просто хотели его убить. И убили.

Парализованные ужасом, Зиро и девушка застыли на месте. Потом с девушкой случился нервный припадок.

- Выродки! — завизжала она. — Вы что, совсем?! Посмотрите, что вы наделали? Вы же убили его! Вы что, не понимаете? УБИЛИ!!!

- Они нападают на тех, кто не спит, — тихо сказал ей Зиро.

- Но почему?!

- Да Господи! Откуда же я знаю?!

- Проснитесь! Проснитесь, зомби проклятые! Сейчас же! — Вновь закричала девушка сомнамбулам.

Те заулыбались и, вытянув окровавленные руки, пошли в их сторону.

- Тихо, — сказал Зиро. — Не ори. Они же слышат. Надо бежать.

Он схватил ее за руку и потащил за собой, и они побежали в сторону уличных огней. Туман усиливался, видимость падала на глазах, в кефирном мареве подмигивали сверкающие огоньки, выдавая лунатиков. Они передвигались группами. Зиро и Инфинити метались по парку, стараясь избежать встречи с ними, но их становилось все больше и больше и им приходилось постоянно менять направление.

И вдруг оказалось, что они окружены. Зиро не понял, как так вышло — они вроде наобум неслись через парк, — и вдруг они оказываются в кольце спящих людей. Зомби шли почти идеальным кругом на равном расстоянии друга от друга, не

больше двух шагов. За первым кругом, следовал второй, члены которого закрывали собой промежутки в первом. Было невозможно вырваться из окружения, не столкнувшись с кем-нибудь из них. А учитывая, какие они хваткие….

Зиро опешил от неожиданности.

Это было признаком разумного поведения.

- Помогите!!! Кто-нибудь!!! Аааа!! — орал кто-то в ночи.

Сомнамбулы, четко соблюдая формацию, наступали. Это были разные люди, но с закрытыми глазами они все казались на одно лицо. Кое-кто из них был в крови.

Зиро словно разбил паралич мыслительной деятельности, если такой может быть. В голове пролетали какие-то обрывки мыслей, сознание просто фиксировало происходящее, не связывая в единое целое. Мольба о помощи. Пакман на экранах. Рыжая девушка с рогаткой, похожая на Аи. Сжимающееся вокруг них кольцо. Медленно, как во сне, Зиро вытащил Меч из ножен. Казалось, его руки сами решили действовать, наплевав на мечущийся в сомнениях разум. Зиро расставил ноги, и, обхватив руками рукоять Меча, сделал его продолжением члена. Зачем он обнажил Меч? Что он собрался делать? Рубить их? Там были женщины. Были дети. Это были люди. Обычные люди, которых он видел первый раз в жизни. У них были спокойные умиротворенные лица. Они улыбались. Они просто спали. Нет ничего безобиднее спящего человека. Нет ничего подлее, чем убить спящего. Спящего ребенка. Спящую женщину. Зачем он достал Меч?!

Девушка с ужасом переводила взгляд с Меча на приближающих зомби-сомнамбул. Губы ее дрожали.

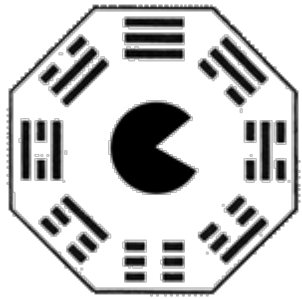
Лунатики приближались, и от них несло сном. Это было странное ощущение, практически невыразимое языком — Зиро чувствовал их сон, как будто это был физический объект; сознание, по привычке всё визуализируя, подобрало образ: туман. Тяжелый, тягучий сонный туман, который струился чуть впереди спящих. Они как будто выдыхали этот сонный туман, он обволакивал Зиро, утягивал в себя, время замедлилось, и, на какую-то секунду, Зиро показалось, что он сейчас заснет. Но внезапно все прошло. Наваждение пропало — резко, разом, будто отрубило.

Еще несколько шагов, — механически думал Зиро, и я их достану. Если я не ударю первый, у них будет преимущество.

Сначала этого. Молодой парень в куртке из телекса. Вся куртка в желтых пятнах Пакмана. Потом его. Потом ее. Потом по обстановке. Главное, вырваться из окружения.

Дикий захлебывающийся женский визг откуда-то глубины

парка. Они убивали, убивали, везде, где были. Хлопок выстрела. Еще один. Еще. Крики со всех сторон.

Не может, чтобы это было со мной, подумал Зиро.

И занес Меч для удара.